ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ЭДЕМЕ

С благоговением и бескорыстной любовью к Отцу-Создателю всего сущего посвящаю

И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему и подобию Нашему, и... Быт., 1:26

И сотворил Бог человека по образу Своему по образу Божию сотворил его... Быт., 1:27

И сказал Господь Бог: вот, Адам стал Как один из Нас, отличая добро и зло... Быт., 3:22

Глава 1. Мольба Евы к Отцу-Создателю.

Добрый, милый наш Отче.

Ты все знаешь, Ты все, конечно, знаешь, но пусть, Отче, эта молитва напомнит Тебе, милостивый и милосердный, о нас, много познавших детях Твоих, Адаме и Еве.

Услышь и прими, Отче, песнь души Евы своей. Я не знаю, что это, Отче, мольба, молитва, или хвала и благодарение Тебе. Это то, что изливается, исходит из души моей при свете дня, во мраке ночи. Это неотступная тоска, Отче, по Тебе. Это то, что наполняет мою жизнь смыслом, надеждой, когда-то вновь встретиться с Тобой, услышать Твой голос, увидеть Твои глаза, и уже никогда не расставаться.

Я обещала, любимый Отче, что буду исповедоваться о нашей жизни на Земле в

своих молитвах к Тебе. Буду молить у Тебя, Отче, советов и наставлений, чтобы Ты всегда помнил о покорных детях Твоих.

Ты нас предупреждал, что Земля не рай и это действительно так. Но ни Адам, ни я не предполагали, что будет все настолько трудно, мучительно, настолько одиноко и страшно на Земле без Тебя. Хотя, Отче, я постоянно ощущаю Твое присутствие, чувствую, что Ты где-то, совсем рядом, как будто даже в моем сердце. Я постоянно шепчу Твое имя «Отче», и ты как будто отзываешься. Я вижу Твои глаза, слышу Твой голос, как он звучал, когда Ты звал меня: «Ева», - и я летела к Тебе и была на Твоих руках. Я никогда не видела Тебя, Отче, Ты всегда был закрыт светом, но я помню Твой запах, который ни с чем нельзя сравнить. Так пахнет солнце, так пахнет гром.

Когда на Земле гроза, мне кажется, что сейчас из грома появишься Ты, и я вновь услышу музыку Твоего голоса. Он звучал, он как будто бы мерцал, как мерцают далекие звезды. Когда я его слышала, я будто бы тоже, мерцая, вибрировала, куда-то улетала и возвращалась вновь. Нет, Отче, прости меня, но я не в состоянии передать эти ощущения ни словами, ни нарисовать это.

Это моя молитва к Тебе, я знаю, Ты ее слышишь. Ты нас ежемгновенно видишь, я чувствую это. Но почему, Отче, сейчас Ты не откликаешься на наш зов, как это было в Эдеме. Я взываю к Тебе, и мне становится легче. Я видела, как Адам плакал, слышала, как он разговаривал с лошадью и говорил, что нам надо было еще пожить в Эдеме, хотя бы до тех пор, пока Земля станет такой же спокойной и приветливой, как Эдем.

А сейчас эти огромные, как горы, братья наши динозавры наполняют Землю. Мне иногда кажется, что сейчас они закроют собой солнце. Они медлительны, как дождевые облака, которые спустились на землю и поглощают все, что только попадется на их пути. Зеленая сочная трава, похожая на деревья, растущие в раю, не успевает вырастать.

Они, Отче, везде откладывают свои яйца, величиной с мою голову. Я не успею отсчитать сорок лун, как из них появляются похожие на огромных гусениц детишки, с круглыми голубыми глазами и пушистыми розовыми спинками. Мы играем с ними. Адам учит их разговаривать. Они такие сообразительные и послушные, отвечают на все его вопросы, как будто все, чему их учит Адам, они уже давно знали и сейчас только вспоминают.

Отче, когда мы жили в Эдеме, Ты обещал нам, что все звери земные, рыбы морские и птицы небесные будут служить нам. Но даже эти красивые и сильные звери, которых Адам назвал динозаврами, когда подрастают, перестают нам подчиняться, страшно шипят, и угрожающе бьют по земле хвостом, а один даже ударил Адама своим толстым, как дерево хвостом по плечу. Адам хотел укусить его за ухо, но детеныш

динозавра жалобно завизжал. Тут же появился ангел и сказал Адаму, что он должен быть терпеливым и не отвечать на глупость. Я видела, как гневно засверкали глаза у мужа, и как угрожающе вздыбились волосы на его затылке.

Ангел напомнил нам, что скоты не ведают, что делают и Адам обязан научить их добру, должен во всем быть для них примером.

Ангелы, ничем не хотят нам помогать. Только следят за каждым нашим шагом и все что-то запоминают. Я не понимаю, земных ангелов. Они какие-то неживые.

С животными можно посоветоваться, они много знают. Когда холодно, согревают нас своим телом, помогают выращивать деревья и овощи.

Ангелы только наблюдают. Они какие-то холодные, глаза у них всегда открыты, Мне кажется, что они никогда не спят. Мы никогда не видели, чтобы они что-нибудь ели, или ходили пописать. Иногда они становятся под утренние лучи солнца, вытягивают руки и шевелят ушами, из их глаз летят искры, как от молнии. Мы с Адамом в это время можем подпрыгивать выше деревьев, нырять глубоко в море, где темно и холодно. Ангелы запрещают нам летать; говорят, что мы человеки, а не пташки бездумные.

Отче, на Земле не так уж плохо, и если бы не ангелы, от которых никуда не спрячешься, здесь больше свободы, чем в Эдеме.

Я узнала, что Эдем по сравнению с Землей очень маленький. Я это только сейчас поняла.

Мне, Отче, почему-то все труднее летать. Раньше я свободно парила в небе вместе с нашими любимыми Гарудами. Я даже могла летать быстрее их. Они машут крыльями, а потом парят. А нас Ты устроил так, что мы только подумаем и сразу летим, хотя у нас нет крыльев и нам не надо махать ни руками, ни ногами. Иногда, с Гарудами я поднимаюсь очень высоко и летаю далеко. Адам летать не любит, ему нравится лежать под большим деревом и мечтать, как стать таким, как Ты, Отче. Он называет это медитацией.

Когда я поднимаюсь высоко и вижу Землю, как видят ее птицы, она мне нравится еще больше. Она такая огромная, ласковая, это мой дом, Отче. Я хочу украсить ее такими цветами, как в раю. Но на Земле все приживается, очень трудно. В раю всегда тепло и спокойно. На Земле часто дуют ветра, и что мы посадим, засыхает. Солнце, то очень горячее, то его закроют тучи, и тогда становится прохладно и опять все, что мы посеяли, гибнет. Адам говорит, что на Земле никогда ничто путное не вырастет, что здесь могут расти только колючки, чтобы ранить наше тело, и трава для скотов.

Отче, спасибо Тебе, что нам не надо есть так много и так часто, как скотам. Иначе мы ничего не успевали бы делать, а только бы паслись. Сейчас, мы начинаем питаться кореньями и плодами с деревьев, которые мы высадили из рая. Как и в Эдеме, мы больше питаемся воздухом, который здесь еще вкуснее, чем в раю, а вода сладкая, как мед, и если я выпью три ладошки, то этой еды мне хватает на 10 восходов солнца.

Адам, Отче, как маленький ребенок, сосет молоко у коровы, или у козы, а потом спит под своим любимым деревом. Недавно он играл с козлом. Они отходили далеко друг от друга, а потом разбегались и били друг друга лбами. Козел убежал, потому что у Адама лоб крепче, чем у козла. Я сказала Адаму, что нельзя обижать скотину. Но он ответил, что козел начал первый. Иногда он совсем дитя, и я чувствую себя его матерью.

Недавно, мы ели сладкую тыкву, мякоть и семена мы съели, а кожуру высушили, и теперь в нее можно наливать воду, молоко, мед или насыпать семена трав. Когда идет дождь, эту посуду можно надевать на голову, волосы остаются сухими.

Глава 2. Отец не изгнал, а благословил, отпустил - дал свободу.

Отче, я очень скучаю по Тебе, хочу Тебя видеть, слышать. Иногда, когда закрыв глаза, молюсь в зарослях лилий и слышу только стук своего сердца, мне кажется, что Ты в моем сердце, и я даже вижу Тебя. Сначала я вижу свет, ярче, чем солнце. Потом слышу какое-то нежное пение. Так пели цветы в Эдеме, а может быть, так поет все сущее?

Нет движения, покой... Это не покой – это вибрация, но такая тонкая, тихая, что меня как будто нет. Но где-то из вечности, из сердца, Отче, взываешь Ты: «Я есмь, Я есмь, Я Ты, Ты Я». Легкая, как пылинка света, вибрация. Эта вибрация - Ты, Отче. Это вибрирует во мне Твоя любовь - моя жизнь... Мерцание вибрации ускоряется, ускоряется. Тишина, тьма. Да, Отче, тьма, но тьма другая, не тьма ужаса, а тьма нежная, как цветок лотоса, теплая, ласковая как солнечный зайчик. Эта тьма – жизнь. Я не знаю другого слова, Отче, но эта тьма – мать. Это тоже Ты, Отче. Потом вибрация переходит в дыхание и опять, Отче, я слышу: «Я есмь. Я есмь Ты, Ты есмь Я, Я надежда, Я любовь, Я вера».

Открываю глаза, вижу лучезарное небо, слышу в сердце голос: «Я есмь Отец, Я есмь ты, Я в тебе, ты во Мне, ты есть Я... Я есмь любовь».

Мне, так хорошо, так радостно. Я, Отче, не имею слов, чтобы высказать

благодарность за то счастье, которое, мне открылось в эти непостижимые мгновенья. Я знаю, что все создано Тобой, Твоей мыслью, любовью, Словом.

Я осознаю в эти мгновенья, что живу, потому что Ты живешь в моем теле, которое Ты мне подарил. Если Ты, Отче, уйдешь, то тело перестанет дышать, вибрировать и распадется на частицы, как ежемгновенно распадаются цветы и превращаются в землю.

Я помню, Отче, как Ты сказал нам: «Из праха ты взят и в прах уйдешь, а дух Мой возвратится ко Мне. Спасибо Тебе, Отче, за Дух, который во мне есть Ты. Спасибо, что этот дух есть Я, то есть Ты. Я знаю, что в цветке тоже Ты, Ты, Отче, принимаешь разные формы во мне, в Адаме, в лошади. Но всегда, Отче, это Ты, один и тот же. Это только другая вибрация, другое дыхание, цвет. Твои вибрации создают разнообразные формы, цвет, запах, дыхание.

Это все Ты, Отче «Я есмь, Я». Спасибо Тебе, что в такие мгновенья моего прозренья «Я это Ты, Ты это Я». Ты озаряешь Себя во мне, за это слава, поклонение и преклоненье наше Тебе. Я люблю Тебя, я верю Тебе, Отче. Позволь мне, Отче, всегда помнить Тебя таким, как в эти мгновенья. Укрепи, Отче, эту связь в вечности, в бесконечности. Не оставь нас, Отче; ибо это и будет «Смерть». Я верю Тебе, я люблю Тебя и знаю, что Ты любишь меня, хранишь, научаешь. Я не могу исчезнуть; ибо Ты вечен, а мы - это Ты. Значит и мы вечны, но не всегда осознаем это и потому ропщем, жалуемся, боимся. Всегда, Отче, говори, пой во мне: «Я есмь, Отец, Я есмь, любовь, Я есмь ты, ты есмь Моя часть — Я».

Ты заповедал, чтобы я сообщала все, что мы здесь делаем, как живем на Земле. Но ангелы и так отмечают каждый наш шаг; хотим мы этого или нет. Если я что и забуду, то они дополнят, они ничего не упустят, они очень внимательны, и я думаю, что это прекрасно.

Отче, с тех пор как Ты поселил нас на Земле и назначил наследниками своими, и возложил на нас ответственность за все созданное Тобой, отношения наши с Адамом очень осложнились. Он постоянно упрекает меня в том, что это из-за меня Ты выгнал нас из Эдема, постоянно твердит эти слова: «выгнал», «изгнал», «проклял». Мне очень больно слышать это, но он произносит их с каким-то наслаждением и часто говорит: «Вы с Отцом...», как будто это Ты, Отче, и я специально разлучили его с друзьями, такими же, как он. Они только и делали, что гонялись за русалками, катались на черепахе в райском озере и играли с гуриями, которые больше ничего не умеют, как только вилять бедрами и лукаво подмигивать зелеными, как изумруды, глазами. Когда я ему говорила: «Адам, у нас скоро испытания, нам надо торопиться, чтобы познать как можно больше здесь, в раю, где нам помогают все ангелы, архангелы, духи. Они наши

учителя и отвечают за нас перед Отцом. Мне совестно подвести их. Они все нас так любят, отдают нам свои знания. Нас ждут на Земле наши братья-скоты, им надо скорее помочь. Учитель всегда говорил, что кроме нас на Земле эту работу никто не исполнит.

Чему научимся здесь, в Эдеме, то мы обязаны выполнить на Земле. Там нам уже никто не подскажет. На Земле, мы - спасители, закон. Нам нельзя допускать ни малейшей ошибки, чтобы по нашей вине не страдали те, кто ждет нас на Земле. Они потом будут жаловаться на нас Отцу. Как мы обустроим Землю сейчас, так на ней будут жить наши дети. Каковы мы, так будут судить о нашем Отце. Если мы принесем тварям радость, если поможем им познать то, чему старшие братья обучили нас в Эдеме, мы явимся посланцами Света, Любви, Славы Отца нашего: все твари прославят Его, как и мы. Не исполнив Заветы Отца, мы всех землян, обречем на муки, Землю превратим в место страданий.

Мы и себя обретем на муки, так как не сможем быть счастливыми, если рядом с нами будут страдать те, которым мы обязаны были принести мир и любовь нашего Творца.

Адам, Отче, только хмыкал, криво улыбался и говорил: «Ева, это кто кого учит? Ты плоть от плоти моей. Ты есть только потому, что этого захотел я, Адам, первый, кто смог дать имена всему тварному миру - познал его. Мне все ангелы поклоняются и служат. Сам Отец признал, что я совершеннее всех. Так чему мне учиться и у кого? Я уже всему обучен. Ева, может быть, у тебя? Так запомни, я первым был, есть и буду. Яйцо курицу не учит».

Отче, мне так стыдно всегда за него. Я не могу понять, почему Ты никогда не подскажешь ему, что он не совсем прав. Ведь Ты же не только слышишь наши слова, Ты читаешь в душах наших. Наверно, Ты очень любишь его и поэтому все ему позволяешь. Он это хорошо знает. Если я говорила, что все расскажу Тебе о нем, он зевал, и отвечал: «Все о чем мы с тобой говорим и думаем, ангелы Отцу уже доложили. Ева, ты от кости моей. Ты знаешь, сколько мне лет? Нет, не знаешь. А я знаю, сколько тебе. И помню, что Отец заповедал: «Да убоится жена мужа своего». Я могу передумать и сказать Отцу, что ты меня не почитаешь, попрошу заменить тебя другой женой. Отец ради меня это сделает.

Послушай меня, пожалуйста, внимательно, ты еще дитя. Ты ничего не видела. Для тебя весь мир, вся вселенная – это только Эдем, Земля и Человек – это я, Адам, твой отец и муж.

Напоминаю, Ева, ты от меня взята, ты плоть моя и рожать, выкармливать ты будешь мою плоть, мое семя. Если захочу, я вложу свое семя в другую мать, и все равно это буду я, Адам, в ком бы я не произрос, кто бы меня не выносил, не выкормил.

У Отца нашего бесчисленное множество таких планет, как наша Земля, и все они заселены живыми существами, и в любое из них Отец может вложить мое семя. Я видел многих из них. Есть такие, которые в тысячи и тысячи раз старше нас, огромнее, могущественней. Их жизнь настолько продолжительнее нашей, что нам они кажутся бессмертными. Даже ангелы не знают, когда Отец создал эти существа и каков их век. Для нас с тобой они «бессмертны». Но поверь, Ева, все имеет начало и конец, что сотворил наш Отец. Только Он вечен и бесконечен. Потому что нет того, кто мог бы сосчитать века Его. Ибо все проходит, а Он остается. Распадается плоть, в которую мы одеты. Мы, ты и я, и все наши братья меньшие – это не только плоть. Я и ты – мы души, бессмертные частицы нашего Отца. Мы его вечное дыхание, исшедшее из его любви. Ева, если ты даже захочешь исчезнуть, раствориться, то тебе это не удастся. Ибо для этого должен раствориться Тот, кто сотворил себя Сам, и из Себя сотворил нас. Он был всегда, и мы были всегда в нем. Мы обречены на вечность в бесконечности. Я уже был раньше в других плотских одеждах. Я не знаю сколько раз менял свои плотские одежды и сколько миллионов раз еще сменю их. Во многом это зависит от нас. Мы сами творим свое будущее тело своими нынешними делами, поступками.

Что свяжем здесь на Земле сегодня, то получим от Отца в следующем воплощении. Так будет, Ева, вечно, как вечен Он. На этой Земле мы проходим намеченный нам урок, и пока этот урок не выучим, как надо Ему, мы будем рождаться и рождаться. А затем другой класс, и вновь, как нужно Ему, как задумал Творец.

Когда-то, Ева, мы будем архангелами. Может быть, будем управлять таким же, как наше солнцем. Ты удивлена? Не удивляйся. Таких солнц у нашего Отца столько, сколько песка на берегу океана, а таких океанов, как наш, нужно столько, сколько всего песка во всех океанах. Это говорю тебе, я, Адам.

У Отца нет от нас секретов. Что-то открою тебе я, что-то ангелы. Но все знания Свои Отец спрятал в нашу душу. Для того, чтобы они всегда были с нами, чтобы они всегда могли принести пользу на службе Ему. Познания не даются как упавший с дерева орех: раскуси и проглоти. Для этого, Ева, необходимо рождаться и рождаться, чтобы добывать их постепенно с трудом, болью, страданиями. Тогда все запоминается навечно, ибо мы живые вечно, наша жизнь не прекращается ни на миг. Меняются только вибрации: ускоряются или замедляются, но никогда нет остановки.

Когда-то, Ева мы «уйдем», Отец дает нам передышку, отдых. Чтобы мы то, что усвоили в этой жизни, закрепили навечно.

Ты вынудила меня открыть тебе те знания, которые сейчас навряд ли принесут тебе благо. Но ты обязана знать, что я не просто Адам, не просто твой муж. Я сын

Создателя, и у меня было время и возможность познать кое-что о мире, который меня окружает и который мне поручено обустроить под себя и для себя. Ты не беспокойся, я уже все постиг и когда придет время, все, что нам надо, я вспомню.

Глава 3. Попытка Евы побывать в Эдеме.

Недавно, когда мы улетели с Гарудами очень далеко, они объясняли мне, как находить дорогу домой, к нашей реке. Ты поселил их на Земле раньше нас с Адамом. Они знают и рассказывают мне о Земле очень много такого, чего я раньше не знала. Я увидела внизу удивительное сооружение очень красивое, чему я не могла найти сравнения на Земле. Оно притягивало, сверкало, переливалось всеми цветами радуги. Я увидела это чудо совершенно неожиданно. Оно как будто опустилось на землю с неба. Купол его сверкал на солнце, как огромная розовая чаша лотоса. Мы с Гарудами спустились немножко пониже, чтобы полюбоваться этим чудом.

Отче, да это же Эдем, это мой первый дом. Он такой красивый, такой уютный. Я видела сверху наше любимое озеро, вспомнила, какие там красивые лотосы: голубые, бархатисто-черные, как ночное небо, алые, как солнце на закате. Вспомнила, как мы с Адамом сидели на их огромных листьях, опустив ноги в прозрачную, холодную воду. Синие рыбы целовали наши ступни своими большими розовыми губами. Я сказала Гарудам, что нам необходимо опуститься еще ниже. Я хотела рассмотреть все по лучше, но купол скрывал все, что находилось под ним. Неожиданно Гаруды быстро устремились вверх, к солнцу.

- Куда вы, куда вы, подождите. Я хочу, чтобы мы спустились еще ниже, просила я.
 - Нам туда нельзя, Гаруды метнулись в сторону.
- Но почему, запротестовала я, давайте спустимся, там так красиво. Это наш рай, наш Эдем. Пожалуйста, милые, давайте посмотрим еще хоть одним глазком это чудо.

Я спрыгнула со спины Гаруды и камнем ринулась к земле, чтобы опуститься в это самое прекрасное место на Земле. Но вдруг какая-то неведомая сила ударила в грудь упругой волной. Меня резко взметнуло в небо, как рыбу в водопаде закрутило, закувыркало. Дыхание замерло, краем глаза я увидела, что меня подбросило выше Гаруд, и я повисла в небе, ничего не видя, ничего не слыша, в полной тьме.

Я очнулась. Гаруды быстро удалялись от сверкающего купола, унося меня на спине.

- Отче, что со мной произошло? – прошептали мои губы. Я как-будто побывала в

своем Эдеме. Но почему такая боль во всем теле?

- Мы все могли остаться в Эдеме навечно. Твой ангел-хранитель засмотрелся на красоты Эдема вместе с тобой, пошутила Лея, Мы спаслись только по милости Создателя. Мы забыли, что к Эдему запрещено приближаться близко всему, имеющему дыхание. Охрана Эдема не ожидала нашего появления так неожиданно. Сработала противометеоритная защита отторжения, и тебя отбросило далеко от границ Эдема.
 - Это действительно был Эдем, а не сон, обрадовалась я.
- Да, мы пролетали над Эдемом, ответила Лея, Но мы сделали это по ошибке, и Отец простил нас. Но если мы совершим это умышленно, то будем наказаны, потому что вам с Адамом запрещено возвращаться туда, и вы знаете это, Ева.
- Да, знаю, со слезами ответила я, Думаю, что Отец поселил там других человеков, более совершенных, чем мы.

Я вспомнила, Отче, нашего Учителя. Он, наверно, самый мудрый из всех Твоих созданий, которых я знала в Эдеме. От него, как и от Тебя, исходило необъяснимое тепло. В нем я чувствовала Тебя. Но Ты, Отче, невидим, недосягаем. Ты как-будто бы рядом, здесь, и в то же время, где-то не здесь. Ты всюду, а он всегда был рядом с нами. Он первый обучал нас всему, первый открывал глаза наши на сотворенный Тобой мир.

Меня Он оберегал, лелеял больше, чем Адама. Адам всегда убегал, когда мы учились духовной медитации, отвечал, что это скучно, что ему интересна медитация разума.

Учитель грустно улыбался, объясняя, что Адам пытается стать магом.

- Смысл твоей медитации - в подчинении сил тебе подобных и более слабых. Такая практика порождает тяжкое воздаяние, - журил он Адама. Адам отвечал, что он согласен ответить за свои деяния потом, когда-то, а сейчас он хочет научиться подчинять себе все силы на Земле и в поднебесье.

Отче, Ты создал нас так, что мы вольны сами выбирать свое будущее – сами его созидаем.

Но мы человеки, и нам невозможно представить ясно всю картину того, что мы строим сегодня. Мы живем днем сегодняшним. Хотим иметь все здесь и сейчас, предполагаем, что если воздаяние не сегодня, то, может быть, потом как-то расплатимся, но время идет, долги растут. Мы берем и берем, а чем отдавать? Все, что получаем, тратим сейчас, не думая о дне расплаты.

Расплатиться, Отче, мы можем только любовью, благодарностью, преданностью, знанием. Но нам все некогда, лень. Мы говорим «потом», а сейчас мы забываем

сказать хотя бы «спасибо». И это потому, что знаем – жить мы будем вечно.

- Адам, - увещевал Учитель, - то, что ты называешь медитацией, не есть истинная медитация. То, чем ты занимаешься, есть бессмысленная трата энергии и времени. Это фантазии твоего ума, это не истина, это даже не отражение истины, это глубокие заблуждения — тупик, - которые приведут тебя к разочарованию. Ты потеряешь связь с Творцом, потому, что эти иллюзии ты строишь сам, твой не окрепший еще ум, блуждает в хаосе. Ты желаешь покорить Силы, быть их господином. Но Силы подчиняются только Создателю.

Они играют с тобой, сосут из тебя твои божественные способности, энергии, которыми наградил тебя Создатель.

Способности эти Он дал тебе, чтобы ты передал их младшим по эволюции, а не растрачивал в «играх» с существами более сильными и искушенными в борьбе за власть над энергиями других существ.

Ты избрал для себя путь мага и отказываешься выполнять программу, намеченную для вас с Евой в Эдеме. Ты идешь по пути покорения, притеснения. Ты человек, и твой путь на Земле – путь служения, даже самопожертвования. Этот путь ты, Адам, избрал ранее сам, он утвержден Советом. Тебя ждут на Земле, как наставника слабых, как праведного Судью – наставника. А ты сам превращаешься из Судьи праведного в тирана.

Встань и слушай, Адам. Твое отношение к Еве меня настораживает. Ты возомнил из себя Господина, хозяина. Твое высокомерное и презрительное отношение к ней возмущает не только меня, вашего наставника, но и Совет Эдема.

Ты постоянно подчеркиваешь перед ней, свое первородство, свою неповторимость и осведомленность во всех областях знания. Да, по сравнению с некоторыми скотами, которые живут сейчас в Эдеме, и с теми, которые уже населяют Землю и подготавливают ее для вас с Евой, ты, Адам, совершенство. Но вспомни, что самыми первыми твоими учителями были эти самые скоты, звери водные, земные и птицы небесные и даже насекомые и пресмыкающиеся. Они первые давали тебе уроки бытия и не возгордились, не возносились пред тобой, как ты сейчас. Мы заставляли тебя наблюдать за ними, учиться у них; надо уметь быть благодарным.

Запомни, Адам, если ты научишься быть благодарным своему Творцу и тварям его за то, что они согласились жить с тобой рядом, если ты будешь готов разделить с ними радость бытия, то и они поделятся с тобой, своей жизнью, не задумываясь. Но если разучишься быть благодарным Творцу за солнце, за то бессчетное множество помощников и сотрудников, которых Творец поселил рядом с тобой, ты превратишься в ненавистника, из их друга в их поработителя. Этого тебе не простят все населяющее

Землю на таких же правах, как и ты. Тебе все отдано во власть, под твою защиту.

Власть, Адам, это порядок, мир, равновесие, равноправие. А деспотизм, тирания – это гнет, тупого, жестокого вампира.

Живи радостью подвластных тебе, не живи их стенаньями, их проклятьями ... помни о Воздаянии. Властвовать, Адам, это возможность оберегать, защищать, давать счастье, знание, любовь. Это великая честь – нести свободу и мир. Только такую власть дает тебе на Земле наш Творец, «Как на небе, так и на Земле». Если ты не готов быть таким властелином – откажись.

- Учитель, мне страшно спрашивать тебя об этом, но я не в силах сдерживать свою любознательность. Я преклоняюсь пред тобой. Прости меня, Учитель. Кто Ты? Если возможно, ответь нам, пожалуйста. Адам говорит, что нам это знать запрещено. «Учитель» и все. Мы тоже будем учителями для своих «младших» братьев. Но Ты не такой, как мы. Ты тоже из плоти, но твоя плоть совсем другая. Ты, когда желаешь, можешь быть невидимым. Ты проникаешь сквозь камень. Ты силой мысли можешь созидать предметы, передвигать их в пространстве. Ты ходишь по воде. Мы же ничего такого, сделать не способны.
- Ваше время еще не пришло, у вас еще все впереди. Душа существа должна сама захотеть, чтобы у нее появились новые органы, необходимые для бытия в астральной или ментальной плоскости.

Когда возникнет потребность, появятся и возможности. Эти возможности предоставит Отец, увидев, что существо способно обитать в новой среде.

Если вы не потеряете веру, вы и не такое будете творить. Если Отцу будет угодно, Он даст вам все, что вы заслужите.

- Может быть, ты наш Отец? Если это не так, то Ты прости меня, Учитель. Мы никогда не видели нашего Отца. Мы слышим Его голос, видим свет, исходящий от Голоса, ощущаем радость, счастье, восторг. Я не могу пересказать, что еще, наверно, вечность, соединяющую нас с Ним. Его просто не с кем сравнить, Он один такой. Может Ты и есть – Он? Потому что когда Он говорит с нами, то Тебя обычно с нами рядом нет. Но когда Ты рядом с нами, я ощущаю почти такую же радость и восторг, как и от Его присутствия. У меня появляется необъяснимая щемящая счастливая боль в груди.

Я посмотрела на Учителя. Мне показалось, что Он меня не слышит. Его глаза были полуприкрыты.

- Говори, Ева, - ласково произнес он, - Я слушаю тебя, любимое дитя, и понимаю, что ты не можешь выразить все, что тебе хочется спросить. Ты и сама не знаешь, как точно задать вопрос и какой получить ответ.

- Адам, я вижу в твоем сердце такой же вопрос, какой задала Ева. Все написано в ваших душах. У вас нет тайн от меня, как и у меня нет тайн от вас. Спрашивайте, и я вам отвечу, но вы не всегда еще можете осознать полученный ответ. Я по образу и подобию человеческому, а вы по образу и подобию Отца. В вас семена Духа Создателя. Я – слуга и учитель только для вас. Вы – слуги и учителя всему сущему на Земле и во вселенной; ибо вы – Дух Его вечный, созидательный и всеоживляющий. Ваше рождение – свыше. Вы – свет мудрости, вы – семена вечной жизни. Вы – одухотворители плоти. Отец подарил вам возможность, но исполнить все вы обязаны сами.

Адам, гордыня не позволяет тебе быть откровенным, любознательным. Тебе кажется, что ты уже познал все. Никто и никогда не познает до конца даже себя самого, не только творенье Отца. Познавайте себя, и тем самым вы будете познавать Отца. Только он имеет полное знание. Ибо Он сам Творец. Остерегайтесь гордыни, она закрывает путь не только к познанию, но и к Отцу нашему.

Распахните душу свою для света. Он никогда не будет лишним. Свет – это жилище мудрости. Дай ей возможность поселиться в твоем сердце. Она выведет птенцов знания в твоей душе, и они унесут тебя на крыльях света в дом истины, в дом Отца нашего. Очень легко упустить нить знания, догнать упущенное невозможно. В тленом мире время растворяется в вечности. Что сегодня утеряно – утеряно навсегда. Завтра ты уже другой, Адам. Тебе только кажется, что ты все тот же.

Глава 4. Заповеди Учителя для Адама и Евы.

Адам ничего не ответил, но по его непроницаемому лицу было видно, что речь Учителя большого впечатления на него не произвела. Спокойные пульсации сердца говорили, что у Адама впереди вечность, ему некуда торопиться. Что положено он исполнит, а в какой срок, его мало волнует.

- Учитель, я выполняю все указания, но если я иногда думаю, не так, это не является пороком. Меня одолевают сомнения. Мне часто кажется, что задание, которое нам дают, можно выполнить проще, интереснее, не обязательно, как требуют ангелы. Они не объясняют, почему нельзя попытаться сделать задание иначе. Сразу говорят, что я потерял веру. Учитель, не веру я теряю. Я уверен в своей правоте. Это они убивают мою веру в разум, в новый опыт, в мою силу. Никто не хочет меня выслушать, он безнадежно отмахнулся.
- Ты торопишь события. Ангелы бесстрастные существа, они выполняют работу, которая им поручена Отцом. Им абсолютно безразлично, кто делает работу: ты или

лошадь. Для них главное, чтобы работа была выполнена так, как их учили. Для них главное – дисциплина.

Ты выражаешь недовольство не ангелами, а тем кто их назначил. Научись повиноваться, Адам. Только так можно научиться управлять. Отец любит разумно послушных, - успокоил мужа Учитель.

- Да, Учитель, я это знаю. Ты прав. Но как долго еще я буду выполнять волю ангелов, архангелов и многих других? Когда я сам буду? Адам замолчал, так как я не выдержала и рассмеялась.
 - Властелином, закончила я его мысль.
 - Я так не думал, ответил Адам.
- Власть не радость, власть страшная ответственность за тех, над кем ты властвуешь. Для меня власть была бы скорее наказанием, нежели наградой. Избавь меня, Отче, от власти, Учитель молитвенно сложил руки у сердца и наклонил голову.
- Ничего, справлюсь, я всех сделаю счастливыми. Я наведу порядок на Земле. Сейчас там безвластие, каждый живет, как кому вздумается, так нельзя. Мы еще посмотрим, что такое магия, Адам погрозил в пространство волосатым кулаком.
- Я ждал, Ева, этого вопроса давно, и постараюсь ответить, как можно ясней, продолжил Учитель. Нет, Ева, я конечно не Отец.

Мы с Адамом замерли в ожидании ответа на вопрос, который волновал нас всегда. Кто Он, наш Учитель, архангел, ангел, или сам Отец во плоти.

- Не напрягайтесь так, расслабьтесь. Вы же знаете, что я ваш друг и учитель. Это будет наш обыкновенный урок. Урок, на котором вы хотите познать своего учителя. Вы доросли до этого состояния, и вам интересно знать, от какого существа вы получаете знания и насколько эти знания совершенны.

Хочу сказать, что я доволен вами; одними из самых совершенных созданий нашего Отца. Но подробней когда-либо в следующей беседе. А сейчас будем знакомиться. Хотя мы, казалось бы, знакомы со дня вашего творенья. Но повторю, что мы вечно познаем, изучаем себя и мир нас окружающий. Вы, человеки, и это главное ваше достоинство, вы подобны Отцу нашему. Я, как и вы, существо человекоподобное, поэтому я и являюсь вашим учителем, но я человек другой, чем вы, и у меня другие задачи. Подобное может научиться только у подобного себе. Я, как и вы, создан Отцом для освоения, созданной Им вселенной. Я, как и вы, являюсь его вечной частицей. Меня, так же как и вас, обучали более совершенные существа, которых обучали другие более совершенные существа.

Это цепь, кольцо, которое не имеет ни начала, ни конца. Это бытие, это, как восходы и заходы солнца. Вы знаете, что всегда, когда наступает ночь, солнце не

исчезает. Оно есть; просто оно в это время находится на другой стороне Земли. Это вдохи и выдохи времени. В один момент вы знания получаете, в другой момент вы их должны закрепить, освоить, испытать. Для этого есть ночь и день, для этого есть жизнь, активная и пассивная. Когда вибрации вашего тела настолько замедлятся, что энергии будут уже не в силах удержать в одном теле собранные разнообразные частицы, тогда ваша душа, в которой Дух Отца нашего, вернется к Отцу, чтобы усвоить, закрепить, полученный опыт, и с новыми энергиями продолжать порученную вам работу.

- Учитель, знание не имеет пределов, как всю жизнь познавать, познавать и познавать, а когда же жить? разочарованно произнес Адам.
 - А что, Адам, ты подразумеваешь под жизнью? улыбнулся Учитель.
- Я точно не знаю, но учиться мне давно надоело. Я хочу быть независимым, как наш Отец. Он не учиться, но все знает. Он ни перед кем не отвечает за свои поступки. Что хочет, то и делает. Вот это настоящая жизнь. Тебе подчиняются все, а ты никому.
- Но, Адам, Отец все сущее создал Сам, в течении неизвестного нам времени. Он сам себе учитель. Он сам отвечает перед собой; творит беспрерывно, миллиарды лет. Если Отец остановится хотя бы на мгновение, все разрушится. Ты даже не можешь себе представить, что могло бы произойти в пространстве, если Творец приостановится, замрет хотя бы на долю мгновения. Ты хочешь быть на его месте?
 - Нет, Учитель, я никогда не мечтал об этом.
 - Учитель, а это время, когда мы вернемся к Отцу, скоро настанет? спросила я.
- Это во многом будет зависеть от вас. Как скоро, и как правильно вы выполните порученное задание. Я обязан полученные по цепи знания передать вам. А вы передадите их своим детям, всему тварному миру: скотам, зверям, птицам всему, что имеет душу. И так вечно. Эта цепь не имеет конца.
- Но мы знаем так мало, а ты так много. Мы не сможем знать столько, сколько знаешь ты, с сожалением сказала я.
- В свое время, вы будете знать еще больше, чем сегодня знаю я. Вы к моим знаниям, прибавите свои. Еще более новые, более совершенные знания об окружающем вас мире, с улыбкой ответил Учитель.
 - Учитель, а у тебя есть дети? полюбопытствовала я.
- Нет, у меня детей и не будет. Я другой, нежели вы. У меня никогда не будет пары. Я всегда буду счастлив вашим счастьем. Вы мои братья, и ваша жизнь для меня дороже моей, Учитель посмотрел на нас с любовью.

Отче, мне стало невыносимо больно за нашего учителя, за его вечное одиночество.

Отче, сделай и ему пару, подари ему детей.

Учитель подбадривающе улыбнулся.

- Но я тоже пойду дальше моих учителей в познании, а они еще дальше. Я вам говорю, что эта цепь не имеет конца, продолжал объяснять Учитель.
- Это плохо, Адам тяжело вздохнул, Лучше бы у нее был конец, а так учись, учись и учись. Когда отдыхать, а если мне все надоест, смогу я прекратить это обучение и заснуть так, чтобы никогда не проснуться? Как порвать эту вашу цепь и жить, как мне хочется? Указывать умею я сам.
- Адам, указывать можно с пользой, разумно. Тогда от твоих советов всем хорошо. Но можно научить так, что всем будет боль и горе. За их боль и горе ты ответишь, объяснил Учитель.
- Я согласен ответить за все, что сделаю на Земле, согласен получить любое воздаяние. Я все сделаю правильно, и всем будет только хорошо, уверенно заявил Адам.
- Адам, а почему ты отвечаешь и за себя, и за Еву? Почему ты не спросишь, согласна ли она? Готова ли она разделить ту ответственность, которую ты возлагаешь на нее. Отвечать за свои поступки вы будете оба. Спроси ее, пожалуйста. Или вы уже давно все обсудили? поинтересовался Учитель.
- Когда я смотрю на ваши души, то не вижу той гармонии, которая должна быть при полном согласии. У вас совершенно противоположные представления о совместной жизни на Земле. И если ее душа стремится подстроиться под твои вибрации, для совместной работы, то твоя душа не желает слушать ни меня, ни твою вторую половину Еву. Она противится всему, что призывает ее к диалогу.

Адам, остановись, задумайся, выслушай мнение Евы. Вспомни, что ты сказал, когда Отец подарил тебе Еву. Но ты противишься даже Отцу.

Ты, Адам, судишь Его, обвиняешь. Он создал тебя по образу и подобию своему, чтобы ты был наследником, сделал всю Землю раем Эдемовым! Но ты рассуждаешь о Нем, как о человеке, как об одном из его созданий, как о равном тебе. Теперь Он в глазах твоих, в уме твоем, уподоблен тебе, и теперь Он «создан» тобой, по образу и подобию твоему, и теперь ты задаешь Ему вопросы. Почему Он поступил так, как поступил Он, Творец твой.

Почему Он не поступил так, как тебе удобно. Ты хочешь предвидеть ходы Его. Теперь Он обязан служить тебе. Да, Он служит тебе. Иначе ты бы не жил на этой Земле ни одной минуты. Он обустроил тебе Землю и все вокруг Земли. Он одел твою душу в плоть. Он дал тебе ум, разум, эмоции. Он указал, что полезно, и что вредно тебе. Живи, твори, царствуй. Дай жить всему, что Он оставил тебе в наследие.

Он не угнетает тебя, Он любит тебя, хранит тебя от твоих страстей, гордыни; ибо ты отец, для врученных тебе в наследие. Они все дети Его. Они созданы не для тебя. Он сотворил их для Себя. Он любуется ими, Он страдает вместе с ними, если они страдают. Они еще совсем дети в сравнении с тобой. Всю свою любовь в раю Он отдал тебе, Адам. Теперь ты помоги им возмужать, стать взрослыми, как ты. Пробуди в них то божественное, что пробуждено Им в тебе. Пред ним вы все равны. Так будьте же счастливы, храните друг друга, любите друг друга.

Какова будет Земля при тебе, Адам, только твоя на это воля. Он сделал все для вашего счастья, для равновесия.

Будь справедлив и милосерден, Адам, к творениям Его, они теперь твои. С тебя спросится, тебе воздастся, не по намерениям твоим, а по делам твоим. Спрашивай всегда с себя; ибо ты и есть первый, пример. Ты мера всему на Земле мера радости, милости и милосердия.

Отец заповедал, чтобы все твари Его любили тебя, но не боялись, не страшились. Он заповедал тебе и потомкам твоим любить всех, как Он любит вас. Страх делает из твари раба. Не твори себе, Адам, рабов. Твори себе братьев, помощников из тварей Его, как Он творит себе любимых сынов, но не рабов; так поступай и ты.

Пусть вся Земля для тебя и братьев твоих станет раем. Трудись, Адам, как трудится Творец наш.

Рай на Земле можешь сохранить, расширить только ты. Не допускай обиды, зависти, ненависти, безблагодарности.

Не забывай Отца нашего, ибо превратишь Землю в пустыню, наполненную муками, страданиями, но Он уже ничем не поможет тебе. Он не вправе нарушать законы, которые Сам установил для космоса.

Если по своей прихоти Он нарушит хотя бы один из законов, нарушится вся система мироустройства. Ибо все между собой взаимосвязано, как планеты и гравитация, так и каждое живое существо. Если Он будет нарушать, менять законы, то будут изменять их для своих прихотей и подвластные Ему существа: – ты, ангелы, архангелы.

Все поглотит хаос. Закон суров, но одинаково непоколебим для всех. Он – создатель законов, Он же – их ревностный исполнитель. Будь и ты праведным хранителем Его законов на Земле.

Глава 5. В награду за труд Ева получает плоды с Древа Познания.

Учитель, я часто вспоминаю Эдем. Посреди рая наш любимый зал, где мы занимались гимнастикой ума и тела, где мы перед «духовным советом» сдавали испытания через каждые 99 восходов солнца.

Я помню, как невидимый Отец называл Тебя в шутку, «искусителем». Потому что на испытаниях Ты задавал нам двусмысленные задачи, которые можно было решить разумом, а можно было познать ответ интуитивно, называя это «духовным откровением». Ответ я могла получить, прочитав мысли в сердце своего экзаменатора.

В таких случаях наш Отец радовался, и раскатистый громоподобный смех сотрясал не только небеса Эдема, но кажется, вибрировала сама Мать - Земля под нами. Учитель , мне очень хочется услышать, увидеть тебя хотя бы еще разок.

Я благодарна Тебе за те знания, за то терпение, какое Ты имел, воспитывая нас. Учитель, добрый, справедливый. У нас с Адамом нет такого терпения в обучении наших братьев на Земле. Я очень сожалею, что усвоила не все, чему Ты нас учил.

Я помню то огромное, вечноцветущее дерево посреди Эдема, под которым Ты обучал нас. Это дерево, Ты называл «Древом познания».

У него такие чудные плоды, каких не было во всем раю и на Земле. И Ты всякий раз награждал нас его плодами, если мы удачно сдавали испытания «Духовному Совету». Ты говорил, что если мы сможем всегда питаться от этого древа, то это будет свидетельствовать о нашем стремлении познания добра, ибо знания, помещенные в чистые души, всегда приносят счастье, а незнание - мучения, страдания.

Я чаще Адама получала такие яблоки от Тебя, Учитель. Мне всегда хотелось поделиться своей наградой с Адамом, потому что я видела, как ходил его кадык в горле, когда он сглатывал слюну при каждом моем укусе яблока. Я видела, что он как бы ест яблоко вместе со мной. Я однажды подумала: «Надо поделиться с ним. Отец же делится с нами всем, что имеет. Буду и я, как Отец наш». От радости у меня потекли слезы. Я подняла глаза от яблока, которое успела откусить. «Надо было дать откусить Адаму первому», - с сожалением прошептала я.

Ты,- Учитель, смотрел на меня с нескрываемым удивлением и какой-то не знакомой мне радостью. Ты, наверное, прочитал мои мысли. Но почему в Твоих глазах была такая радость, почему у Тебя тоже были слезы? Я всегда всем делилась с Адамом. Но плодами с древа познания нам делиться запрещалось.

Ты объяснял, что мудрость приходит из сердца Отца, ею невозможно поделиться,

ее невозможно подарить другому, как нельзя кому-то подарить солнце. Ее можно только заслужить трудом, самопожертвованием, любовью. И награду за мудрость может ощутить только мудрый. Для немудрого эта награда кажется незначительной и даже оскорбительной.

Ты учил нас, что плод этого древа вкусен и полезен только тогда, когда он заслужен как награда за труд, за достойный похвалы и восхищения поступок, который приближает нас к Отцу. Поэтому мы должны как можно чаще зарабатывать доступ к древу познания.

Но если мы пытаемся получать плоды с этого дерева незаслуженно, не как награду, древо не даст нам своих соков любви, мудрости, света. Мудрость добывается бескорыстным трудом на благо всех.

- Помните, Мудрость – самая высшая награда Отца. Самые любимые у Отца – мудрые. Возвратятся домой, к Отцу только мудрые; ибо они совершенны. Только мудрые подобны Отцу нашему, - наставлял Ты нас.

«Пусть меня поругают, накажут, - подумала я, - но я поделюсь своим счастьем с Адамом». Я протянула ему яблоко.

На, милый, - прошептала я. В этот миг я не могла понять, что со мной происходит. Я стала какой-то другой, я увидела мир другими глазами. Мое сердце наполнилось светом. Раньше у меня никогда не было слез, я никогда не плакала. Сейчас меня наполнило необъяснимое чувство. Мне захотелось всю себя; свои глаза, руки, все, что у меня есть, отдать всем. Сделать так, чтобы всем, кто был рядом со мной и в небе, и на Земле, и всему сущему, было так же радостно, так же непередаваемо хорошо, как мне.

Я слышала, как Адам сказал «спасибо». С ним это произошло впервые. Впервые он поблагодарил меня. В зале стало тихо-тихо, как во сне. Только слышно, как Адам укусил яблоко. Потом и это умолкло. «Что такое?, - подумала я, - Я что-то сделала неправильно». Я услышала Отче, Твой голос. Это был голос, наполненный радостью, удовлетворением. Я подняла глаза. Трон, где всегда находился Ты, сверкал всеми цветами радуги. Мы никогда не видели Тебя, Отче, но мы всегда слышали, ощущали Твое присутствие, в каком бы месте Эдема ни находились. Голубое пламя от трона, метнулось в сторону Учителя, затем к Духовному Совету.

«Они стали как один из нас», - прозвучала радость из радуги. Все замерли, остановились вибрации сердца. Рай наполнился музыкой и светом. Радужные молнии благоговения, радости заискрились над Учителем. Из его сердца к Отцу поплыла тихая благодарная молитва: «Слава Тебе, Отче. Не я , Отче, но Ты». Он смиренно наклонил голову.

Они познали добро, - продолжил Голос.

- Но они, как вы, узнают и огорчение. Теперь они способны быть милосердными, делиться своим счастьем с другими, творить милость, жертвовать себя, ради всех, чтобы превратить всю Землю в Эдем. Для этого они созданы, произнес Ты, Отче, из радуги и Света.
- Адам, Ева, я благословляю вас для счастья на Земле. Любите и храните все созданное Мной. Служите друг другу источником радости и благости, плодитесь и размножайтесь, и наполняйте Землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким животным и пресмыкающимся на Земле. С миром и любовью, как владычествую Я. Подобными будьте и вы, ибо вы по образу и подобию Моему.

И сказал Отец: «Вот я дал вам всякую траву, сеющую семя, какая есть на всей Земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя, вам сие будет в пищу.

А всем зверям земным, и всем птицам небесным, и всякому пресмыкающемуся на Земле, в котором душа живая, дал Я всю зелень травную в пищу. И будет так».

Дабы всем доставало пропитания на Земле, и чтобы была сыта всякая плоть, и не было между тварями распри ради пищи и места под солнцем, ибо всех насытит мать-Земля, если будете трудолюбивы и благодарны.

Я помню, Отче, как долго готовили нас ангелы к жизни на Земле, как много испытывали, проверяли; все ли мы помним, как сотворил Ты нам одежды земные. Как трудны были первые земные шаги.

В раю мы передвигались очень легко, почти летали. На Земле первое время мы ходили на четвереньках. Она притягивала нас, нам казалось, что мы ходим по грудь в воде, и к ногам привязаны тяжелые камни. Трудно поднимать руки: они потяжелели.

Отче, а как трудно дышать. Над Землей все время клубился пар, все мокрое. Адам плакал, не хотел ходить, говорил, что Ты нас из рая выгнал, что он не хочет такой жизни, хочет умереть.

Мне приходилось помогать ему ходить, часто нести на себе. Спасибо ангелам, которых Ты нам оставил в помощь. Они подкармливали нас фруктами, помогали найти убежище от непогоды.

Но они не разрешали нам долго сидеть. Пищи давали нам мало. Они знали, сколько нам можно спать, сколько есть.

А недавно, Отче, я очень испугалась, когда Адам пытался содрать с себя одежды, которые нам изготовили ангелы в Эдеме для жизни на Земле. Он все время жаловался, что под одеждой все чешется, что в ней трудно ходить, говорил, что одежда для него

неудобная, мала и за все цепляется. Всего себя он только исцарапал до крови, но одежды снять так и не смог; ибо это была сама плоть – тело его.

Глава 6. Наблюдения Евы за душой Адама в Эдеме.

В Эдеме было так привычно и легко. Мы знали, где и что растет, как и за чем ухаживать, поливать, собирать урожай. У нас не было плотской одежды, которая, то потеет, то мерзнет, то болит. Мы, Отче, не умели этого ценить. Нам хотелось стать такими же могущественными и независимыми как архангелы. Ах, как мы им завидовали, особенно Адам. Мы часто прятались в заросли винограда, мечтали, как мы будем строить жизнь на Земле.

Никто не будет приставать к нам со своими назойливыми советами. У нас, как и у всех тварей, появятся дети.

Когда заходил разговор о детях, тогда Адам отказывался быть архангелом, потому, что у них не бывает детей; размножаться они уже не могут.

Учитель объяснял нам, что архангел - это высокое звание - заслуга, что когда-то, и мы станем такими, но тогда мы тоже не сможем производить себе подобных, потому, что наша душа будет лишена эмоций, любви, дружбы. Мы будем просто работниками. «Вы станете бесстрастными», - говорил Учитель. Нас ничто не будет возмущать, волновать. Мы будем, как будто с завязанными глазами, ушами. Но останется одна «страсть» - быть первым.

Отче, мы с Адамом не хотим быть такими. Хотя тогда мы будем очень могучими, сильными, умными, и мы сможем управлять солнцем, луной или даже вселенной. Мы сможем сами создавать новые планеты, такие, как наша, или еще совершеннее.

Адам говорит, что архангелы даже не целуются, потому что они не умеют любить.

Они, как ангелы, только в тысячи раз мощнее, и они, наверно, бесполые, потому что жестокие и не могут жить парами. «Они хотели много власти, вот и получили власть», - шептал Адам.

«Власть лишает существо души, душа становится настолько умной, что не в состоянии проявлять чувства, эмоции», - подумала я.

И мы, Отче, хотели получить свободу, вот и получили. Я поняла, что свобода без знаний, без любви, совсем бесполезна. Мы с Адамом сейчас имеем много свободы и мало знаний, и нам очень тяжело распоряжаться этой свободой.

Отче, я очень хочу родить маленького человечка, такого же доброго, мудрого, как наш Учитель. Я не хочу, Отче, чтобы он был таким, как Адам. Он любит только себя, не

хочет никому помочь. Все время говорит, что он устал или потом сделает.

Почему, Отче, Ты его таким создал? Мне с ним очень тяжело. Отче, сделай так, чтобы дети наши были такими же добрыми и радостными, как Учитель. Я знаю, Ты все можешь. Пусть наши дети будут счастливыми и добрыми, как Ты, Отче.

Адам все время чем-то недоволен; то ему очень жарко, то вода очень холодная.

Когда я говорю, что хочу родить человека, он машет рукой и отвечает, что нам еще рано иметь детей, что надо пожить для себя.

А вчера сказал: «Вот посмотри, сколько детей у волчицы. Если у нас сразу столько будет, что мы будем с ними делать? У тебя, жена, всего два сосца, как мы их будем кормить, если тоже родишь 12 человек? Когда они подрастут, сколько мне надо будет носить фруктов, чтобы прокормить такую стаю?

Почему ангелы нам ничего не объясняют, почему они не помогут нам стать взрослыми? Все звери и скоты уже взрослые, хотя и родились некоторые недавно, а уже повзрослели, и у них родились дети. А мы живем, живем, а детей все нет, и нет.

Что нам делать, Отче, чтобы быстро стать взрослыми? Без детей нам совсем неинтересно, одиноко. Все ходят со своими детьми, воспитывают их, любят, а мы воспитываем не своих детей. Это тоже приятно, но я хочу родить сама.

Ангелы говорят, что рожать это очень больно, что беременной мне будет очень трудно, что у меня будет большой, как у лошади живот, что после того как у меня появятся дети, я больше никогда уже не смогу летать.

Отче, я так люблю летать, смотреть на Землю с неба. Ты ее создал для нас такой прекрасной, такой огромной. Когда мы улетаем с Гарудом на 2-3 дня от нашего жилья, мы видим новые места; высокие горы, голубые озера, реки. Я не знала, что на Земле тысячи неизвестных мне животных, рыб, птиц. Они такие красивые, добрые. С большой радостью рассказывают о своих детях. Спасибо тебе, Отче, что мы все на Земле понимаем друг друга. Можем между собой разговаривать языком или мыслями.

Когда я улетаю надолго, мы с Адамом все равно знаем друг о друге все, видим, кто чем занимается. Для этого надо только закрыть глаза и подумать: «Адам». И сразу я вижу то место, где находится Адам, что он делает, а он видит меня. Видит моими глазами все, что вижу, слышу я, ощущает запах цветов и фруктов, которые я ем.

Если бы, Отче, он мог еще и откусить и проглотить, то, что я ем, и был сыт тем, чем насыщаюсь я вдали от него.

Но так общаться долго нельзя; начинает болеть сердце, а потом хочется спать. Поэтому так мы разговариваем очень редко.

Отче, новое тело, в которое ты нас одел для Земли, не такое удобное и приятное, какое было у нас в Эдеме.

Там мы наше тело почти не ощущали. Оно было удобным, упругим, как струя воды под водопадом, как упругий ветер на вершине горы.

Мне нравилось больше всего, что оно было прозрачным. Если Адам дышал, я видела, как наполняются его легкие, как вибрирует его сердце. Когда он напряженно думал, было видно, как в его мозгу носятся маленькие молнии-мысли. Мы все друг о друге знали. Все это придумал, Ты, Отче, чтобы наблюдать, как живет наше тело, что нам полезно в этой жизни, а что вредно. Чтобы ангелы могли в любой миг помочь нам в учебе, облегчить нашу жизнь на Земле. Мы не знали Отче, что мы «нагие» для тебя, для ангелов, для всех, что мы в раю одни такие открытые, обнаженные. Чтобы все могли любоваться твоими созданиями, видеть наши мысли, желания.

Мы были любимыми детьми всего рая, и это, Отче, радовало Тебя.

Но еще больше, Отче, это радовало нашего Учителя и нас с Адамом.

Наш любимый Учитель объяснял нам, что детьми рая мы будем не вечно.

Настанет время, когда и мы будем отдавать свою любовь всем твореньям Твоим, Отче.

Наши кости были гибкими и послушными, как лианы. Мы могли делать со своим телом самые невероятные упражнения.

Но больше всего в райском теле меня восхищала душа, которая находится с правой стороны груди, напротив сердца, которое качает кровь.

Мне трудно описать, как выглядит наша душа. Она постоянно меняет форму, цвет. Она живет как бы своей отдельной от тела жизнью, и в то же время она непрерывно пронизывает – проникает все тело, в котором поселилась.

Я наблюдала за душой Адама, а он – за моей. Это нам поручал Учитель, а потом, на испытаниях, объяснял, как вела себя душа Адама или моя в разных ситуациях.

Я видела, что когда Адам чего-то пугался, то его душа, как бы падала в его ноги, а когда радовался, то она взмывала ввысь, на локоть над его головой.

Если Адаму делали больно, то она сжималась, становилась маленькой, серой, как пепел. Если же его хвалили или награждали яблоком с «древа познания», то в такие мгновения его душа раздувалась и выходила за пределы тела, на ширину туловища, а розовая аура счастья, заливала не только Адама, но и всех, кто находился рядом с ним, на расстоянии трех туловищ.

Душа напоминает мне бутон розового лотоса, который, то распускается, то прикрывается. Она, как бы вибрирует вместе с дыханием. Центр лотоса сияет ровным бело-голубым светом. Это, Ты, Отче, вечно живущий в лотосе человеческой души.

Ты все знаешь, Ты все помнишь, Ты всюду сущий, Ты во всем, и все в Тебе. Все это, Отче, объяснял нам наш Учитель.

Когда, я слушаю его, смотрю на него, у меня от счастья бегут по телу мурашки, и

мне кажется, что он похож на Тебя добротой и восхитительной, сияющей мудростью.

И я думала, Отче, если он такой великий, то какой же Ты, как Тебя возможно себе представить, вообразить?

Глава 7. Адам и Ева обрастают плотским телом и перестают понимать друг друга.

Это воспоминания. Иногда мне кажется, что это просто красивый сон, который обволакивает меня в минуты молитвы. Что этого никогда не было, что это мечта наяву. А как хочется, чтобы это был не сон, чтобы это, Отче, повторилось хотя бы несколько мгновений.

Прости, Отче, что мы такие слабодушные, безблагодарные. Спасибо, за то, что все это было. Спасибо, что я это помню, что все то непередаваемое счастье, которое мы испытали рядом с тобой в Раю, мы сможем рассказывать нашим детям, которых Ты, Отче, нам с Адамом подаришь.

Отче, я очень хочу быть матерью. Иначе, зачем Ты нас создал, зачем Ты нас всему обучал и обучаешь? Зачем возле нас столько наставников было в раю, зачем их столько невидимых и видимых рядом с нами здесь, сейчас?

Отче, на Земле наше тело постепенно изменяется. Я уже не вижу души Адама, как раньше. Наше тело становится жестким, оно теряет прозрачность. Голова уже вся в шерсти, над глазами тоже волосы. Мы становимся, Отче, какими-то закрытыми. Раньше мы разговаривали друг с другом и со скотами, и с птицами, не раскрывая рта. Ртом мы пользовались только для того чтобы пить нектар или воду. Теперь же нам приходится помогать при разговоре ртом и показывать руками.

Мы с трудом понимаем друг друга. Потому, что когда мы произносим слова, то каждый под одним и тем же словом понимает что-то свое. Например: я говорю: «Адам, дай мне цветок». Адам спрашивает, какой цветок, потому что цветов много. И какой именно я прошу, мне теперь надо объяснять или показывать рукой.

В раю мы разговаривали мыслями, Адам сразу видел в моей душе, как в зеркале, тот цветок, который я хотела получить.

С животными разговаривать стало совсем трудно. Раньше они тоже видели наши мысли, а теперь они не видят, что мы от них хотим, или что мы им приказываем.

Если так будет продолжаться, во что мы превратимся, Отче? Как нам жить на

Земле, если мы не сможем общаться и понимать друг друга?

Наше тело тормозит наши мысли. Раньше мы думали и сразу же действовали, а теперь мы думаем так же быстро, а действуем гораздо медленнее.

Отче, это новое тело, которым мы покрываемся, обрастаем, погубит нас.

Раньше я чувствовала, как солнечные лучи озаряли меня, пронизывали, наполняли своей живительной силой. Я чувствовала, как энергия проникала во все мое существо, сливаясь со мной. Я была всем: и солнцем, и водой, и облаками, и молнией. Все это было во мне, и я была во всем. Я всему отдавала свою благодарность, любовь и в ответ получала силу.

Теперь, Отче, благотворные лучи солнца, и энергия пространства не могут свободно пробиться, проникнуть в наше тело. Мы в этом теле, как в каменной скорлупе. Да, оно защищает нас от колючих кустарников, от холодного ветра, от паров, которые висят над Землей, но оно же, это тело закрывает к нам доступ жизни, изолирует нас друг от друга. Делает нас чужими всему, что нас окружает. Спаси нас, Отче, подскажи, как нам сохранить связь с Тобой, ибо это тело закрывает Тебя от нас, как тучи закрывают солнце.

Отче, я почти разучилась парить над землей, как раньше. Если я поднимаюсь в небо, то только совсем ненадолго. Мне сразу кажется, что я упаду на Землю камнем, и мне становится страшно. А так хочется посмотреть на Землю сверху, как раньше, полюбоваться.

Адам не может подниматься в небо уже давно. Он говорит, что ему это и не нужно, что он уже давно все видел, что ему это надоело, неинтересно. Его тело почти все покрылось волосами, голые только живот и лоб. Он больше лежит под деревом, со скотами занимается очень мало, и ничему не хочет их учить. Говорит, что им на Земле хорошо, без обучения, что если они узнают столько, сколько знаем мы, то перестанут нам подчиняться.

У него есть любимые ученицы: две большие белые обезьяны. Он научил их делать себе массаж и собирать с деревьев фрукты и орехи. Никому из скотов он не позволяет называть себя Адамом. Он приказал, чтобы все величали его Господом и приходили к нему с фруктами и цветами.

Меня он, Отче, тоже заставляет называть его Господом.

Теперь всех скотов он обучает только тому, как они должны служить ему.

Этих двух обезьян, бывших моих подружек, он заставляет делать ему массаж после полудня. Другие обезьяны расчесывают ему волосы.

Для всех у него есть работа.

Если кто-то из скотов исполняет свою работу не так, как ему нравиться, он

называет его грешником и обещает наказать провинившихся.

Он придумал много новых обязанностей для своих «рабов».

Так он теперь называет всех своих братьев меньших.

Он ничего не хочет делать сам. Все за него делают братья: собирают фрукты, разгрызают орехи, даже в зубах у него ковыряются маленькие голубенькие птички. А он лежит с раскрытым ртом и довольно икает.

Когда я делаю ему замечание и говорю, что в раю нас учили помогать нашим братьям, он отвечает: «Я помогаю им стать самостоятельными. Если они научаться служить мне, то смогут помочь и себе. Научат других тому, чему научились сами, иначе они останутся такими же беспомощными, какими были до нас».

- Адам, а ты сам не разучился ухаживать за собой? Ты не слишком сурово с ними поступаешь? Тебя щадили..., - интересуюсь я.

Глава 8. Почему на Древе вечной жизни нет плодов, а только цветы?

А рядом с Древом познания добра росло Древо вечной жизни. И произрастали они от единого корня, и только над землей раздваивались. Учитель рассказывал: «Сеющий добро – пожинает мудрость - мудрость родит вечную жизнь в Духе. Ибо Отец, есть Дух – Свет изливающий. Живите в свете Отца. От Древа познания Добра вы обязаны вкушать вечно, а от Древа жизни человек вкушает только единожды», - напоминал он нам. - Учитель, что необходимо совершить, чтобы нам вкусить от Древа Жизни? - спросил Адам однажды.

Глаза Учителя стали грустными, он положил свою руку, на плечо Адама и я увидела, как энергия любви полилась из его руки в душу Адама. Адам пытливо впился в глаза Учителя.

Загадочная улыбка скользнула по лицу Учителя.

- Ева, ты тоже желаешь вкусить от Древа Вечной Жизни? ласково спросил он.
- Да, Учитель, я хочу вкусить от Древа жизни. И я заработаю плод с этого древа, так же как я вкусила от Древа познания добра. Я буду трудиться беспрерывно, но мы получим плод Древа Жизни. Да, Адам?

Адам сидел, насупившись и опустив голову. Я поняла, что он не верит, что мы, когда-нибудь заслужим вечную жизнь. Ему хотелось просто так – проглотить какойнибудь орешек, или ягодку, и через них получить вечную жизнь и вечно жить; ни о чем, и ни о ком не заботясь.

Учитель рассмеялся.

- Адам, ты расхотел жить вечно?

Что, Ева будет жить одна?

В глазах Адама была тоска, он молча смотрел на Древо познания, усыпанное сотнями плодов и цветов, запах которых дурманил наш разум, побуждал к действию в еще не изведанном мире. Его взгляд как бы говорил: «Учитель, разве возможно собрать когда-либо все плоды с Древа Знания, чтобы получить в награду один единственный плод с Древа жизни.

Оно же, это Древо, плодоносит и цветет всегда и его плоды, будут созревать вечно». Учитель, прочитав мысли Адама, грустно вздохнул.

- Адам, так это же и будет вечная жизнь. Вы вечно будете питаться плодами от Древа познания добра, они и будут для вас плодами жизни вечной.
- Учитель, удивилась я: «А где же плоды, посмотрите. На Древе жизни только цветы, и ни одного плода. Я только сейчас это заметила.

Адам растерянно смотрел то на Древо, то на Учителя, то на меня.

- Да, Учитель, почему на нем только цветы, и нет ни одного плода? На всех деревьях в Эдеме есть и цветы, и плоды, а здесь только цветы, удивился Адам.
- Плоды дает только то, что временно. Дав плоды, временное меняет форму, чтобы освободить место в пространстве новой жизни, в новой оболочке, объяснил учитель.

Учитель протянул руку к Древу жизни.

- Закройте глаза, прикоснитесь и вы, - попросил он.

Мы с Адамом раньше никогда не прикасались к этому Древу. Оно не привлекало нас ни своим видом, ни запахом, и плодов на нем не было. Я закрыла глаза и протянула руку, и в это мгновенье я как будто куда-то упала или полетела. Было ощущение, которое невозможно передать: как сон, как полет, как падение.

Перед моим внутренним взором замелькали невиданные мной ранее существа, звери, птицы, звуки, планеты; то невероятно громадные, то удивительно маленькие. Я видела события, в которых принимала участие на других планетах; то очень красивых, как наш Эдем, то ужасно отвратительных. Где испепеляющий огонь.

Все это пылало, рвалось, гремело, ревело, сдавливало. Это вечность. Это вечная жизнь, муки, страдания, благоухания, полет в синеве, прохладе, любви, экстазе, восторге.

Все это жутко, но ради этого стоит жить вечно, ради этого стоит трудиться и страдать.

- Вы прикоснулись к вечности. Вы прикоснулись к Древу вечной жизни. То, что

вечно, не имеет плодов. Это вечное цветение, вечное благоухание, это полет, падение и вновь полет. Это во времени и вне времени. Это вибрация, вырастающая в дыхание; когда вы во плоти, и дыхание, замирающее до вибраций; когда вы в вечности, когда вы вне плоти. Когда вы обучаетесь Там, чтобы вспомнить и закрепить все на Земле.

Отче, только почувствовав боль, ужас перерождения, «смерть», можно с благодарностью оценить, что такое свет, покой, мир, равновесие. Что такое дар созерцания Твоей мудрости, дар прикосновения к беспрерывному познанию Твоего творения, сотворения, озарения, откровения.

«Дух, вибрируя, оживляет плоть. Чем плотнее и упрощеннее плоть, тем глуше звучание вибраций Духа.

Вибрации нашего тела, это уже не вибрации, это дыхание, заметное нам. Но вибрации ангелов и других существ, нами не уловимы, ибо они в другом диапазоне и более тонких материальных субстанциях. Поэтому нам кажется, что ангелы не моргают. Нет, они моргают, но колебания их век настолько быстры, что наши глаза не успевают это зафиксировать, и нам кажется, что глаза ангелов и божеств, всегда открыты» - объяснял Голос.

Я понимала, что это голос Учителя, и в тоже время это был голос самой Вечности - Твой голос, Отче. Мне было непередаваемо легко, прекрасно.

Отче, - радостно позвала я.

Отче, я узнала Тебя. Это Ты, спасибо Отче.

Все плыло мимо меня, или, может быть, все колыхалось. Я не ощущала своего тела, оно парило в пространстве, или над пространством, или это я - само пространство. Это вибрация, но медленная, как волна, то поднимающая, то опускающая меня на своих невидимых, ласковых руках, струях.

Легкий выдох - все замерло...

Не хочется открывать глаза.

Я отдала бы все, только бы оставаться в этом переполняющем сердце состоянии вечно.

Я открыла глаза. Я как бы исчезала и возродилась вновь; другая, новая, неизвестная сама себе.

- Спасибо, Учитель, - не слыша себя, прошептала я.

Я видела Вечность, я была в Вечности, я была Вечностью. Я была у Отца на руках, Он прикоснулся к моему сердцу. Оно еще и сейчас так прекрасно болит или щемит. Мне хочется, чтобы эта боль не прекращалась никогда.

Учитель, - это непередаваемо прекрасная боль, как будто в моем сердце поселился, какой-то чудный цветок, и Он хочет расти, расширяться. Я не знаю, как это

выразить, но это счастье, благодарность. Это как-будто в моем сердце незримо живет Отец.

Учитель прикоснулся рукой к центру моей груди.

- Смотри, Адам, - позвал он, - Ты видишь это голубое сияние в ее душе. Это Дух нашего Отца: твоего, моего, Евы, всего сущего. Дух этот также вечен, как вечен Отец наш, подаривший нам бескорыстно часть Себя. И если мы будем всегда помнить, что Он в нас, что мы - это Он, а Он - это мы. Мы всегда будем так счастливы и вечны, как были сейчас.

Но если мы забудем о Том, Кто в душе нашей и будем думать, что мы - это наше тело, наша душа потеряет связь с Тем, Кто внутри нее. Мы потеряем в своем плотском теле Дух Отца, и нас охватит ужас смерти.

Сейчас, вы каждый видите свою душу и душу, друг друга, видите в ней отражение своего Отца-Создателя.

И сейчас вы являетесь той самой Вечностью, которая есть вы, и которая есть ваш Отец.

Но придет время, когда ваша первозданная обнаженность закроется более плотной, более тяжелой плотью. Чтобы защитить вас на Земле от непривычных и жестких условий, ибо Отец создал вас в помощь Себе на Земле и других планетах вселенной. Вы его глаза, его руки, ноги. Вы его Дух для созидания, для одухотворения всякой плоти.

Плоть – это тоже дух, но дух уставший, много творивший, и ныне почивающий. Отец посылает вас, как Свой обновленный Дух во плоти, чтобы вашим духом одухотворить, оживить плоть, почивающую, для новых деяний.

Когда вы будете жить во плоти, вы будете освящать духом Отца, Который есть вы, и в вас; сначала вашу плоть, а потом и окружающую вас душевную плоть, братьев ваших.

Вы подобны Отцу вашему, и вы подобно Ему дадите свет и мир всему, что создал Он. Такую миссию Он предоставил только вам. И всякий раз, как только душа человеческая будет облекаться плотью, Дух Отца будет поселяться в душе человеческой.

И станет душа человеческая жилищем Отца животворящего, и будет Он водить душу человеческую во всех путях ее. Ибо возлюбил Он человека, созданного по образу и подобию Своему - Подобию Творца.

Ибо только душа человеческая способна вместить Создателя своего, возлюбить Его, восславить Его, возблагодарить Его. «И только она, душа человеческая, способна сама из себя, и для себя «создать» «нового отца»: по образу и подобию своему –

подобию человеческому. И требовать от Создателя и Отца своего, чтобы Он исполнял волю не Свою, а человеческую, в угоду не Себе, но человечишке....

Даже Отец наш, не мог, видимо предвидеть такого кощунства, святотатства и беспредела, любимого создания своего», - подумала я.

- Все твари имеют душу. Но только в вас Отец поселил Дух свой. И теперь из вашей души Отец будет смотреть на все своими глазами.

Учитель задумался, и я успела прочитать в его сердце: « Но только бы вы не закрыли глаза Его на дела ваши».

Адам смотрел куда-то вдаль, как будто эта беседа происходила только для меня.

- Отец слишком любит вас, и слишком большую самостоятельность и власть доверяет вам, добавил Учитель.
- Это хорошо, как бы спохватившись, довольно произнес Адам, и потянулся, не отрывая взгляда от картины, которую рисовало ему его необузданное воображение.

Адам видел себя полновластным господином целой планеты, с ее птицами, рыбами и всем, что ее наполняет. Он, Адам, господин: не ангелы, не боги или кто там еще. Только ему Отец отдал в наследие Землю с небесами, морями, лесами, горами. Он окинул затуманенным взглядом ограду Эдема. Он такой маленький, по сравнению с бескрайней Землей, но такой ухоженный, обжитый, удобный, надежный.

Земля же бескрайняя, дикая, чужая и опасная. С ревущими водопадами, огнедышащими вулканами, с непроходимыми лесами, наполненными невиданными зверями и скотами.

Создатель добавил на земле и в водах новых животных, с какими Адам еще не познакомился. Они бродят вокруг Эдема, и он видел их только издали, из-за ограды рая.

Ангелы отгоняют их подальше от райских стен. Скоты тычутся мордами в прозрачные стены и в недоумении уходят в лес, переговариваясь между собой громко и недовольно.

Они тоже из плоти, но их плоть уже огрубевшая, закаленная прохладой, ветрами, зноем. Некоторых, Создатель поселил на Земле уже давно, они привыкли, им нравится свобода. Они рассказывают Адаму о Земле много интересного, когда подходят близко к ограде рая. У многих из них на Земле дети. Они зовут его и Еву поскорее перебираться из рая к ним на Землю.

Говорят, что им очень трудно, некому помочь, подсказать, как строить жилище, как ухаживать за детенышами, где кому обитать.

После разговоров с животными, Отче, мне всегда хотелось оказаться на Земле как можно скорее, чтобы помочь своим близким, которых я очень люблю. Я

часто давала им советы из-за ограды, подсказывала как что устроить полегче и попроще. Адам после таких встреч и разговоров недовольно чесал затылок и говорил, что он скоро появится и сам все устроит, а без него они пусть ничего не начинают, а то все испортят.

- Адам, почему ты не хочешь им ничего подсказать? Помоги им хотя бы советом, пока нас с ними нет.
- Ничего, отвечал Адам, пусть узнают, испытают, посмотрят, как им без нас тяжело, больше будут любить больше, будут почитать.

Глава 9. Да будут святы жены, святыми родятся и дети наши.

И сказал ты, Адам: «Вот это кость от костей моих, и плоть от плоти моей. Она будет называться женой, ибо взята от мужа». Ты, Адам, начало - она продолжение. Отец подарил тебе дитя из тебя самого. Ева - это ты, но ты более совершенный, более вдохновенный, более любознательный. Загляни в душу ее. Ты видишь, Адам, насколько ее душа просторнее, светлее. Смотри, сколько она может вместить радости, печали, счастья. Ее душа вмещает в себя всю вселенную. Ты, человек, но человек душевный, ты принимаешь мир душой. Ева-человек духовный, она тоже принимает мир душой, но через Дух. Ибо она - Мать, она жертвует себя для других, она - любовь.

Это часть от тебя, в которую Отец наш вдохнул дыхание любви своей. Задумайся, перед тобой твоя плоть, в которой поселился Отец наш невидимый. Посмотри на жену свою, и ты увидишь образ и подобие Отца нашего. Ибо создал он вас по образу и подобию своему. Глядя на половину свою, Адам, ты всегда будешь видеть пред собой Образ Отца своего.

И ты, Ева, когда смотришь на Адама, видишь пред собой Того, Кому ты поклоняешься, Кого ты призываешь в молитвах своих.

Молитесь друг на друга, любите друг друга, благодарите друг друга, служите друг другу. Все, что бы вы ни сделали друг другу, вы делаете Отцу своему, Который живет в вас, и Который есть вы. Не поклоняйтесь, ни небу, ни воде, ни какой твари, ибо все сотворено Им. Призывайте Его из души своей, ибо Он есть вы и вы есть Он.

Отец поселяется в душу человеческую через мать. Ибо жена вынашивает человека под сердцем своим. Она передает Его любовь, свет, мудрость, милосердие. Душа человеческая освящается дыханием-Духом святым, который живет в душе ее, который есть Отец. Да будут святы жены, будут святы и дети наши.

Никогда не забывайте этого. Всегда смотрите в душу свою, даже когда она

перестанет быть видимой, как сейчас. Знайте, что она есть, и знайте, что вы жилище Отца вашего. Так пусть же этот храм всегда будет из света, любви, милосердия. Пусть он всегда будет открыт для всякого ищущего милосердия.

Мы с Адамом стояли пораженные сказанным Учителем. "Отец в нас, Отец - мы, а мы ищем его, стремимся увидеть в солнце, громе, тьме, в небе.

Я, как бы впервые увидела, каким прекрасным Отец создал Адама. Какие у него чудесные черные, пронзительные глаза. Адам весь светился, его душа переливалась всеми цветами радуги. И мне показалось, что это Ты, Отче, стоишь предо мной, весь сияющий, улыбающийся, заполняющий собой все видимое пространство.

Отче, почему я раньше этого не замечала? Куда я смотрела и о чем я думала? Казалось, что и Адам увидел меня впервые. Его наполненный любовью взгляд проникал в душу, сливался с ней. Волны света и тепла вибрировали в моей душе, колыхали меня на волнах радости.

Отче, я всегда буду любить Тебя, всегда буду славить Тебя. Спасибо, что Ты создал Адама, создал меня в этом чудном мире. Спасибо, что Ты дал нам такого учителя, что бы мы делали без него. Кто бы открыл глаза наши на Тебя, на весь Твой восхитительный мир.

- Учитель, миг, в который ты открываешь нам Отца в наших душах, и есть миг Истины, - невольно шептали мои губы.

Я смотрела на Учителя и видела в его глазах только любовь, видела, Отче, в его зрачках себя и Адама, и третьим, Отче, был Ты.

Я подняла глаза на небо и увидела Тебя в солнце, в деревьях, облаках, птицах. Я смотрела на все и везде видела Тебя. В солнце, Ты был, как солнце, в пролетающей птичке, Ты был птичкой, в пчеле пчелой. Ты, Отче, пел, жужжал, звенел, шуршал в траве, обдавал меня ласковым дыханием в ветре.

Отче, все это Ты. И то, что нам приятно это Ты, и то, что нам неведомо, это тоже Ты. Значит, Отче, это приятно кому-то другому. Ты же создал Землю не только для нас. И если что-то нам неприятно, нам необходимо принимать, потому что у других существ, созданных Тобой, другие радости, и они ради нас терпят то, что приятно нам.

- Он, все пронизывающий, всепроницающий, все наполняющий, заполняющий. Нет ни начала, ни конца его чудесным свойствам, качествам.

Ни человеки, ни ангелы, ни духи никогда не смогут постигнуть, познать Его окончательно. Ибо Он - Вечность, Он Бесконечность. Я говорил вам это, и не устану напоминать.

Но так как Он и в вас и во мне, то познавайте себя, познавайте себе подобных и вы будете, познавая, приближать Его. Вы никогда не познаете друг друга. И это

чудесно, за это хвала и восторг Отцу-Создателю нашему, ибо это вечное познание и делает нас вечными искателями истины, которая есть Он.

Я посмотрела на Адама, его душа парила вдали от его замершего тела.

- Да, Ева, Отец наш не только в нас, но и во всем, в каждой пылинке. Он вода, Он свет, Он ночь, Он день, тепло, Он холод. Но везде он одинаков, ибо Он жизнь, и Он многолик в вибрациях жизни. Все Он, но в каждом создании другие вибрации.
- Адам, куда вознеслись твои мысли, куда воспарила твоя душа? позвал Учитель.
- Я здесь, мой Учитель, мне было так хорошо от твоих слов. Они заполнили мою душу, и она действительно воспарила, и в такие высоты моего сознания, в которых я давно не был.
- Скоро я расстанусь с вами, Адам, и только Ева будет твоей путеводной звездой, храни ее, общайся с ней. Она сейчас твой духоводитель. Она твои крылья, которые вознесут тебя и детей твоих к Отцу.
 - Ну да, рассмеялся Адам, Она крылья.
- Адам, умей быть благодарным, не Еве, но Отцу подарившему тебе помощника и друга. И не отдаляй ее от себя, ибо вы неразделимы, вы одна плоть. Это слова не мои, но Отца нашего. Или они для тебя ничего не значат, Адам?
 - Учитель, я так не сказал, Адам испуганно осмотрелся.
- Но почему ты постоянно стремишься утвердить свое первородное превосходство? Тогда получается, что ты должен покоряться всем скотам и зверям, кого Отец создал ранее тебя, так как они все старше тебя. Каждому, Отец назначил свою работу. И все мы Ему одинаково дороги, нет у него любимых и не очень любимых. Почему ты возомнил, что Отец может забыть всех ради тебя одного? Земля и все, что на ней, принадлежит только Отцу. Ты, Адам, будешь с Евой на ней лишь управителем, но не хозяином.

Напомни мне, пожалуйста, слова Отца нашего, которые он заповедовал тебе в последний раз, - попросил Учитель.

Или ты забыл?

- Я помню их, мой Учитель. «Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей, и будут двое одна плоть».

Мне не совсем понятны слова Отца. Почему я должен оставить Его и прилепиться к Еве? Я не хочу расстаться с Отцом и исполнять указания Евы. Пусть она прилепится ко мне, а не я к ней. Получается, что она главная, а не я. Но она же от меня, значит я начало, я целое, а она: часть моя. Малое управляется большим.

- Адам, мне казалось, что ты уже давно созрел для жизни на Земле, но

рассуждения твои меня удивляют. Да, ты первый плотский человек, но сейчас, когда Отец взял часть от тебя, ты уже не целое, не полноценное без твоей части. Евой, Отец усовершенствовал тебя, дополнил. Твое плотское тело осталось таким же. У тебя столько же рук, ног, глаз, сколько и было. Но Отец изменил Евой твой Дух.

Если работу, порученную тебе, ты будешь исполнять без любви к созданиям Отца, без уважения и возомнишь из себя господина, Отец может заменить тебя на создание, более достойное и покорное Ему.

Он к твоей силе, страсти, напору добавил мудрость, сострадание, жертвенность, способность воспроизводить подобных тебе по плоти. Сам себе, в одном лице, ты этого сотворить не в состоянии. Тебе нужна была жена-дополнение: «кость от кости, плоть от плоти», равнозначная тебе, но способная пожертвовать себя бескорыстно ради тебя и рода твоего. Поклонись ей, Адам, ибо в ней теперь твоя жизнь во времени и пространстве.

Когда ты жил в раю без Евы, как ты говоришь, «одним целым куском или телом», ты ничем не отличался от бегемота, собаки или твоего любимого друга ленивца, с которым вы валялись тысячи лет под деревом Познания, но никогда не поинтересовались, для чего оно существует. Ели упавшие плоды с него, но пользу от плодов его получали одинаковую, и ты, и ленивец, и свинья. Но в тебя, Адам, Отец вдохнул Дух святой, а друзья твои, просто души живые- животные. Ты бы и сейчас, Адам, валялся под Древом Познания, и хрюкал вместе со своими друзьями, и плоды с Древа Познания переводил в навоз.

И только когда Отец создал Еву, в раю все изменилось. Она, Адам не лежала на боку вместе с тобой, а стала искать знания, чтобы не оставаться скотом, под названием «человек», каким ты оставался тысячи лет. Это она захотела стать божеством, каким вас создал Отец, по образу и подобию Своему. Это она, вопреки твоим воплям и угрозам, что вас «выселят» из рая, когда узнают, «что у вас открылись глаза, и вы способны отличать и творить благое, милосердное от жестокого, приносящего боль и страдания». Это она, рискуя всем, даже твоими угрозами, что ты попросишь у Отца другую жену или пару, молила Отца дать вам Учителя, чтобы питать душу от Древа Познания.

Да, Адам, Ева твоя часть и эта часть очень маленькая. Ты мощь, сила, плоть - огромная, чувственная и ленивая. Ева - твой дух, который не даст тебе валяться, подобно скоту, на траве. Она будет твоим тираном, плетью, которая сделает из тебя Сына. Ибо будет гнать, и гнать тебя вперед; к свету, знаниям, победам над плотью. Она будет гнать тебя, Адам, через тернии к звездам.

Все это она будет совершать не ради себя, но ради душ детей ваших, которых

вам пошлет Отец наш. Ева, подарит им жизнь вечную, она отдаст каждому из них часть своей жизни, любви. Она вырастит им "хлеб насущный" - любовь к Отцу, к истине, к знаниям, к мудрости, ко всем созданиям Его. Ты Адам, дашь им силу, и хлеб земной. Чем больше знаний, ты почерпнешь в Эдеме, тем легче тебе будет жить, и работать на Земле.

Если же ты будешь валяться со скотами на траве, то и знания твои будут не более скотских. И тогда хлеб свой станешь добывать потом и кровью, голыми руками. Ибо разум твой неспособен будет облегчить труд твой, и труд из радости, наслаждения превратится для тебя в муку - тяжкое бремя, и проклята будет Земля тобой, «со скорбью будешь питаться во все дни жизни твоей». Ибо не будешь ты видеть результатов трудов своих. Труд твой будет подобен черпанию воды горстями из бездны океана.

Тернии и сорняки произрастит Земля тебе, без знаний. Будешь питаться полевою травою, и ослабеет душа твоя от бестолкового труда. Какую силу ты сможешь передать потомкам своим от трав полевых? Только знаниями ты можешь быть подобен Творцу нашему. Уже близко то время, когда эти знания вы предъявите на Земле. Поторопитесь, чтобы Земля не стала для вас преисподней. При желании и рай можно превратить в Тартар. Учитесь, познавайте и Земля возблагодарит вас сторицей, если вы облегчите, поможете ей прокормить вас и братьев ваших. Если вы поможете ей облегчить ношу, возложенную на нее. Все мы создания Отца нашего, но пока не все мы дети Его. Несите знания на Землю. Отец наш всемогущ, но всемогущ Он знаниями. Учитесь, чтобы быть могучими; Отцу нужны помощники, подобные Ему, скотов у него и без нас достаточно. Ему нужны бескорыстные соработники, наследники, носители света.

Отче, подай нам, пожалуйста, знак, что Ты знаешь, все, о чем я сообщаю Тебе. Все ли мы, Отче, правильно делаем? А если не правильно, то как нам узнать об этом? Мне очень хочется, чтобы Ты всегда был доволен нами.

Когда мы жили в раю, Ты часто беседовал с нами из облака Света, которое клубилось над престолом Твоим. С нами рядом почти всегда, находился наш любимый Учитель или кто-нибудь из ангелов. И тогда у нас почти не возникало вопросов. Нам всегда все было понятно, или это только казалось так, потому что "ответ" всегда находился рядом: или Учитель, или ангел.

На Земле, мы одни. Мы и учителя и исполнители, мы - "хозяева". Какое, Отче, для меня это страшное слово "хозяева". Я только сейчас понимаю, почему. Адам так не хотел уходить из Эдема, так избегал показывать свои знания, и даже отказывался получать их.

Он наивно думал, что отсутствие знания избавит его от ответственности на Земле, что он вечно будет бездельничать в Эдеме, и ему никогда не придется ни за что отвечать.

Он был, Отче, по-своему мудр. Высшее наслаждение и блаженство, в его понятии - это только получать и брать, вечно получать помощь от Тебя. Поделиться с кем-то, для него, уже горе, покушение на его свободу, наказание, изгнание.

У Адама, Отче, есть только одна свобода - свобода для него. У всех остальных тоже есть свобода - свобода ублажать Адама. Другой свободы ни у кого не должно быть. И когда заходит речь о том, что на Земле мы хозяева, Адам отвечает, что хозяином он был в Эдеме, где он ни о чем не думал, где все его желания исполнялись, где он жил бы так вечно. Сейчас Адам горько и раздраженно жалуется мне.

- Ева, неужели ты не понимаешь, что нас из Эдема изгнали? Теперь на Земле мы всем скотам прислуживаем. Мы называемся наследниками, хозяевами. А наше место в Эдеме заняли, может быть, какие-то другие, новые человеки? Отец, наверное, нас разлюбил, или мы ему надоели. Вот Он и отправил нас на Землю. Мне постоянно приходится его успокаивать.
- Адам, но почему ты хочешь, чтобы только за нами ухаживали, чтобы только нас баловали, лелеяли? Ведь Отец наш объяснял, что когда-то, и мы будем могучими и разумными как архангелы. Милый, нам нужно трудиться. Пройдет время, и все будет так, как Он обещал нам. Потерпи.

Глава 10. Адам и Ева страшатся покидать пределы Эдема.

- Адам, еще в раю я мечтала стать такой, как наш Учитель: передать знания другим, "открыть глаза" на Отца нашего, всем обитателям Земли, сделать их подобными нам. Представляешь, все земляне говорят на едином, понятном языке, и птицы, и рыбы, и скоты, и звери; как в раю было. У всех тварей есть свои, только им известные знания. У рыб свои, у птиц свои, а у нас человеков, свои. Что знают рыбы, того не знают скоты, что знают скоты - не знают рыбы, а один всем понятный язык сделает нас единым созданием Отца - всезнающим.

Мы так и останемся, каждый тем, кем был; рыбой, птицей, человеком, но каждый будет иметь знания всеобъемлющие. Тогда мы будем еще разумнее. Ибо каждое существо имеет совершенное знание о чем-то своем. А мы будем иметь совершенное знание обо всем: и о воде, и о солнце, о всякой плоти, и о всякой душе.

- Такого никогда не будет, да и зачем столько знаний, - отмахнулся Адам. От

многих знаний, много ответственности, забот.

- Тебе, Адам, может быть столько знаний и не нужно, а мне это просто необходимо. Я хочу, чтобы наши дети, которых мне подарит Отец, были столь же мудры, как Создатель-Отец, как Учитель наш. Я думаю, что от многих знаний, много радостей, потому что Знания приближают нас к Отцу нашему. Пусть наши дети знают больше нас, пусть знают все.
 - Все знать невозможно, самодовольно рассмеялся Адам.
- Да, я с тобой согласна, все знает только Отец. Но я хочу, чтобы они были подобными Отцу нашему. Чтобы Он любил их еще больше, чем нас. Я постараюсь отдать им все, что дал нам Отец. Я согласна на любые испытания, но я наполню Землю подобными Отцу. Я верю, и ты поможешь мне в этом. Адам посмотрел на меня с удивлением и уважением.
- Ева, я не отказываюсь выполнить ту работу, которую мы обязаны исполнить, если даже мне это не нравится. Но не торопись покидать Эдем. Жизнь на Земле предрешена, это неизбежность. Это не наш выбор. Это предназначение, жребий, который бросали не мы с тобой. Никто из творений Отца, не волен выбирать себе предназначение в бытии, иначе каждый хотел бы остаться рядом с Отцом. Кто-то рай насаждает, кто-то орошает, кто-то уносит отходы от нашей плоти. Есть отходы и от души нашей это наши не совсем чистые помыслы, заблуждения. Их тоже кто-то обязан брать на себя, чтобы очистить нас.
- Адам, я сейчас прочитала твои мысли раньше, чем ты сказал мне все. Слова твои верны, но почему ты пытаешься отсрочить миссию, которая нам предопределена изначально?
- Жена, ты это еще не осознала, у тебя меньше бытийного опыта. А я знаю точно, я видел, что всякое событие во времени возможно приостановить, замедлить или ускорить. Его невозможно остановить, но сдвинуть сроки возможно. Потому что это происходит в пространстве, и время возникает только с возникновением мыслящей души и для души, которая может проявлять себя в ограниченном пространстве, как, например, Земля или какое-либо другое тело вселенной. Для духа, Ева, нет времени, так как он ничем не ограничен, и его среда обитания бесконечность.

Сейчас здесь, в Эдеме, наше тело - уже не совсем чистый дух, но еще и не совсем плоть. Мы еще можем общаться с созданиями духовными; ангелами, с нашим Учителем, слышим и понимаем нашего Отца. Мы также свои и с существами плотскими, братьями во плоти. Мы, как бы связующее звено между миром вечным - духовным, и миром плотным - постоянно меняющим форму во времени. И мы пока имеем право, сами определять, готовы мы к служению в плотском мире или нет.

Адам задумался и притих. Я видела, что его душа устала и поникла. Вибрации духа стали замедленными, свет души, из голубого превратился в бледно-серый.

- Ева, я не готов, я не могу взвалить на себя такое бремя, - горестно сказал он.

Его голова поникла, руки безвольно опустились. Весь он стал каким-то маленьким, беззащитным. А еще мгновение тому назад он казался мне гордым, непокорным существом, не желающим выполнять чью-то волю. Существом, которое все знает, все может, но принципиально не желает никому служить, покоряться.

- Почему ты об этом ничего не говоришь Учителю, и всем, кто готовит нас к плотской жизни, - удивилась я.

Они помогут нам, они все знают. Ты сам говорил, что наш Учитель всезнающ, - попыталась успокоить я мужа.

- Нет, Ева, только Отец всемогущ, но сейчас Он даровал нам свободу самим строить нашу дальнейшую судьбу. Пока нам не было предоставлено такое право, я чувствовал себя спокойно, как-будто все происходящее нас не касалось, как-будто на Землю готовили кого-то другого. Но когда в последней беседе нам сказали, что только мы решаем, уходить нам сейчас или продлить подготовку в Эдеме еще на какое-то время, у меня появилась неуверенность в нашей полной готовности.

Если бы нам сказали «идите», было бы легко и просто; решение приняли не мы, и ответственность легла бы не только на наши плечи. Но сейчас, все резко изменилось, сейчас все решаем только мы, следовательно, и отвечать только нам, так как нам надо сказать "да" или "нет". Этот ответ определяет не только наш выбор, не только наш путь.

Мы обязаны сделать выбор за всех тех, кого мы оставим на Земле после себя. Это выбор не только для будущих землян, закваской которых мы являемся. В дальнейшем это может повлиять на жизнь вселенной.

Мы предназначены Отцом для воспроизведения новой человеческой расы « по образу и подобию Отца нашего».

- Адам, но почему об этом ни ты, ни Учитель мне ничего не сказали? спросила я.
- Ева, тебя не хотели пока беспокоить. Духовный Совет и Учитель считают, что ты более продвинута, более готова к жизни на Земле. Они боятся, что ты можешь, не задумываясь, подвергнуть любой опасности себя, спасая зазевавшуюся под ногами бегемота, мышку или бурундучка. В тебе, Ева, заложен слишком сильный инстинкт материнства. А во мне его, как в пролетающей комете нет. О чем сожалеет не только наш Учитель, но иногда я сам. Это делает меня рациональным, разумным, почти не способным на самопожертвование.

- Эх, Адам, тебе хотя бы немножечко Евиных слез, Евиного самопожертвования, тогда, может быть, Отцу не пришлось бы и Еву создавать. Все совместилось бы в одном Адаме, недавно пошутил Учитель.
- Нет, Учитель, возразил я. «Пусть будет так, как сказал Отец наш: «И станут муж и жена одна плоть», чем «и будет Адам сам себе мужем и сам себе женой».

Ева, пришло время принять решение нам с тобой. Учитель сказал, что если мы сомневаемся в своих силах, то время отправки может быть отодвинуто. Он советует лучше начать позже, чем потом переделывать все заново. Теперь думай и ты; ибо главная ответственность за наше будущее ложится на твою душу.

Когда раньше я подшучивал над тобой, называя тебя ребенком, я просто хотел укрепить твою веру в себя, ибо понимал, что Отец действительно подарил мне не только помощника, но мудрого надежного друга.

В тебе есть все те прекрасные божественные качества, свойства, которых мне не дал Отец наш. Вместе мы будем служить Отцу как одно целое. Я тело твое, разум и сила твоя, ты моя вера, надежда, дух жизни.

Я принимаю все, то чудесное, что говорил о тебе наш Учитель. Сейчас я просто не представляю, как я жил в Эдеме без тебя эти долгие, долгие, годы, заполненные бессмысленными играми. Чем бы все это закончилось, если бы Отец не подарил мне тебя?

За последнее время я многое переосмыслил и понял, что рай, это не место для отдыха и бездумных развлечений. Это место для самого упорного труда. Рай – это всякое место на Земле, где мы можем выразить Отцу нашу благодарность за возможность творить благо, радость во всякое время всякому созданию Его.

Отче, ну что я могла ответить ему после такого признания? Это, наверно, была его молитва Тебе, но высказанная мне. Ты прости его, Отче, что он немножко стеснителен в делании благодарности. Он считает это проявлением своей слабости. Но не он, Отче, сотворил себя таким. И ему не с кем, пока, сравнивать себя.

Слава Тебе, Отче, что мы с ним разные по замыслу Твоему. Я хочу, Отче, чтобы и дети наши были всякими: похожими и на меня и на Адама и на Учителя, и чтобы я могла отличать их одного от другого.

Пусть они будут разного цвета. Учитель говорил нам, что когда-нибудь, мы заполним человеками всю Землю. Что человеков будет также много , как звезд на небе.

Я испугалась и сказала, что не хочу рожать так много. Собаки рожают по десять собачат, и свиньи тоже по столько, а, по сколько же буду рожать я, чтобы заполнить всю землю? Неужели я буду беременной, с большим, как у коровы животом всю жизнь. Мне их всегда очень жалко, им так трудно ходить, а при родах они страдают и плачут.

Рожают они всего раз в год по одному теленку, а как же я, сколько детей за один раз будет у меня?

Мне хочется иметь много детей. Может, мне откладывать яйца, как динозавры? Это очень удобно, нанесла бы, я яиц, зарыла их в песок и занялась бы своими делами, а через какое-то время пришла, откопала яйца, и сразу тридцать или сорок детишек, которые сами умеют есть. У них сразу открыты глаза, они сразу бегают, и сами клюют зерна. Их, как собак, не надо кормить молоком, ждать пока откроются глаза.

Когда я рассказала о своей исповеди Учителю, он долго смеялся, а потом сказал, что если я хочу иметь детей, как динозавры, то и душа и разум у наших детей должны быть, как у динозавров.

Теперь рассмеялась я, потому что представила, как я откладываю яйца в песок, а Адам охраняет меня, чтобы никто из огромных тварей, таких, как динозавры, не наступил на меня в гнезде.

Потом я и динозаврихи вместе нянчим наших подрастающих детишек. И, конечно, мне совсем не хотелось, чтобы мои дети мыслили, как мыслят динозавры. Они очень милые, на них можно кататься сколько угодно, они этого даже не заметят. Иногда они подходят к нам с Адамом, смотря на нас огромными влажными глазами, как будто, чтото хотят спросить, но только протяжно вздыхают, и больше ничего. Адам с ними разговаривает, а я их просто очень люблю. Они низко опускают голову, чтобы им почесали за ухом, от удовольствия они громко сопят и начинают лизать меня в лицо своим огромным, как лист папоротника, шершавым языком.

Этого я остерегаюсь больше всего потому, что язык у них слюнявый и липкий, как тысяча улиток. Их благодарности и ласки остерегаются все обитатели. Мне кажется, что они созданы только для того, чтобы всегда кому-то прислуживать. Своей назойливой добротой и заботой они могут принести много неприятностей.

Недавно мы с Адамом спасли теленка, которого они зализали до такой степени, что он уже перестал дышать.

Отче, а может нам, как рыбам, метать икру? Тогда я смогу быстро заполнить Землю человеками. Но когда я наблюдаю за тварями, которые приносят за один раз много детей, то замечаю, что они потом не знают детей своих, и дети не узнают своих родителей.

Мне хочется, Отче, всегда знать своих детей. Я своих детей буду носить возле сердца, где всегда вижу Тебя, когда взываю к Тебе, и сейчас, Отче, когда я беседую с Тобой, я вижу Тебя. Я хочу, чтобы дети мои тоже всегда видели и слышали Тебя, сначала в моем сердце, а потом и в своем, чтобы они привыкли к Тебе.

Я даже согласна, как корова, вынашивать детей в животе, согласна рожать в муках и слезах, согласна плакать и страдать, согласна рожать с кровью.

Я хочу, Отче, носить детей под сердцем, хочу слышать, как стучат их сердечки, видеть, как светятся их души, как у всех новорожденных детенышей, которых я беру на руки; и у обезьянок и у зайчат. Когда маленькие, они все похожи друг на друга. Они все взывают к Тебе, а потом когда подрастают, начинают взывать к матери: повзрослев, забывают Тебя и ищут, только когда у них, что-то заболит или когда им плохо.

Мне стыдно за них, Отче, когда я им напоминаю об этом, им тоже стыдно. Я не хочу, чтобы мои дети когда-нибудь забывали о Тебе. Я хочу, чтобы они любили Тебя так же, как люблю я и чтобы, Ты, Отче, любил их также как любишь нас. Я хочу, чтобы дети мои называли Отцом только Тебя, а меня и Адама родителями.

Адам же говорит, что его дети будут называть его отцом, потому что он породил их. Я не согласна, Отче, Отец должен быть один - только Ты. А все мы, создания твои, просто родители. Мы рожаем, воссоздаем то, что ты в нас вложил, мы же просто повторяем, а сами мы ничего нового создать не можем. Учитель говорил, что мы только воспроизводим плотскую форму человека, а душу в него посеешь Ты, Отче.

Глава 11. Кто такие дельфосы? Полеты Адама и Евы на Гарудах. Наставления Учителя.

Возле нашей пещеры живут летающие динозавры. Адаму нравиться подниматься на них в небо. Взлететь без разбега они не могут. У них огромные кожаные крылья, а на крыльях лапы с загнутыми, острыми когтями, и длинный хвост, которым они могут схватить все, что им надо и действовать им, как руками. Они очень сильные, поднимаются так высоко, что с земли кажутся маленькими, как ласточки. Адам может спокойно лежать на спине ящера, взяв с собой связку бананов, чтоб покормить их в полете.

В небе, ящеры очень маневренны, они могут молнией взмывать ввысь и также быстро устремляться к земле. Кажется, что сейчас он врежется в землю, как метеор; но миг, и черные крылья как бы сами собой несут его тело ввысь, без всяких усилий.

Мне страшно, когда Адам садится на этих черных зверей. Их любимое развлечение: подняться высоко в небо группой по пять или шесть ящеров. На одном из них сидит Адам, вдруг один из ящеров, с пронзительным криком, сложив крылья, бросается к земле. Адам быстро вскакивает и, расставив руки и ноги, кувыркаясь и

крича, бросается вслед за уносящимся ящером. Остальные ящеры устремляются вдогонку за Адамом.

В небе стоит невообразимый шум. Я не могу понять, где Адам, а где ящеры. Они несутся к земле, как-будто их подгоняет ураган. Но вот я вижу, как самый нижний ящер замирает почти над самой землей, распластав могучие крылья, он хватает хвостом за ноги, пролетающего мимо Адама. Адам хохочет на все небо. Остальные ящеры, страхуя Адама, проносятся еще ниже. Убедившись, что все нормально, что Адам уже на спине у их сородича, спокойно набирают высоту для нового падения. Иногда во время полета они перетягивают Адама друг у друга, своими мощными хвостами. Адам говорит, что ему все эти игры очень нравятся. «Только жаль, что мы сами уже не можем парить в небе, как парили над землей раньше, без всяких усилий, только одним желанием мысли, - сожалеет Адам.

- Представляешь, Ева, с горечью говорит Адам, Когда-нибудь мы расскажем своим детям, что летали, как птицы под облаками, а они, наверно, нам не поверят и тем более не поверят, что мы летали, не имея крыльев. Мы их обязательно научим летать на Гарудах и ящерах, а еще кататься на динозаврах.
- Да, Адам, на Гарудах обязательно, а на ящерах не хочу. Они слишком бесстрашные, слишком бесшабашные, слишком безответственные. Искалечим детей. Нет, Адам, не хочу.
- Ладно, посмотрим, детей еще нет, а мы уже боимся, как бы с ними ничего не случилось. За нас с тобой тоже все боялись, и Отец и ангелы, и даже духи; как бы с нами ничего не случилось.

Все называли нас детьми, только Учитель нам много позволял, для остальных мы все еще дети, - Адам, почесав затылок, пробурчал недовольно, что-то еще. О том, что у всех обитателей земли детей, сколько хочешь, а нам Отец детей не дает « молодые, молодые» ничего не молодые, - бурчал он. Ангелы говорят, что наше тело еще не созрело, что ты пока, не можешь быть матерью.

После таких бесед с ангелами, Адам несколько дней ходит сумрачный; жалуется, что ему «подсунули» такую молодую жену, которая даже родить не в состоянии, что лучше бы он взял еще в начале, другую жену. Не от его плоти, но все равно из плоти. А теперь ходи и жди, когда она созреет. «Не созрела, не созрела», - повторял недовольно Адам. Но проходило несколько дней, Адам забывал, что у него нет детей, и наступали спокойные дни, без упреков.

- Учитель, что такое жена, и что такое муж? Чем мы с Адамом отличаемся друг от друга. Сколько я сравнивала себя и Адама, мы совершенно одинаковые. Столько же рук, ног, глаз, один нос, рот. Почему же он муж, а я жена. Если я взята от мужа, если я

кость от кости его, плоть от плоти его, то я тоже муж.

Если мы, Учитель, возьмем от лозы винограда ветку, и посадим ее в землю, у нас вырастет виноград, а не апельсин, не капуста. Так почему же от мужчины взяли часть мужчины, а вырастает что-то другое, которое надо называть не мужчиной, а чем-то другим? Я так же, как и Адам сплю, ем, получаю знания, работаю в раю. У меня все так же, как у Адама, но он муж – мужчина, а я жена – женщина. Это несправедливо, или я чего-то не знаю? Ответь нам, пожалуйста, Учитель, объясни.

Тогда меня можно было бы назвать «карамукой», луной или помидором, но я – жена, - допытывалась я. Учитель посмотрел на меня с удивлением.

Вопрос твой, Ева, интересный и справедливый, в нем есть зерно истины. И такая мысль могла возникнуть в ищущей знания душе, Ты ничего не признаешь, как должное, как само собой разумеющееся. Ты всегда ищешь причину. Адам доволен следствием, ему не интересно, почему солнце всходит и заходит. Он знает, что если солнце было всегда, то он уверен, что оно будет и завтра.

На свой вопрос ты, Ева, почти полностью сама дала ответ, но не заметила этого. Упомянула ты апельсиновое дерево, так постарайся развить эту мысль дальше. Представь себе, что Адам это корни и ствол дерева. На стволе растут ветви, на ветвях листья, проходит определенное время, и на ветвях появляются цветы, над которыми порхают бабочки, маленькие птички, жужжат с рассвета, до заката пчелы, собирая с цветков нектар.

Так вот, Ева, ствол должен сначала созреть, чтобы дать плодоносящие ветви и ветви должны тоже созреть, чтобы дать цветы, наполненные нектаром. Потом появляются плоды, в них зародыш жизни - семена жизни, это сила и энергия, готовые дать другую жизнь.

- Спасибо тебе, Учитель, теперь мне ясно, почему Адам называл меня «жизнь», когда увидел в первый раз. Он бессознательно высказал заложенную Отцом во мне истину. Да я взята от ствола, то есть Адама, он цветок, он плод, в котором созревают семена будущей жизни. Мое предназначение от Отца, вынашивать эти семена, освящать их своей любовью, через свою жизнь давать новую жизнь, ибо в каждом семечке, когда оно созреет, проснется дыхание нашего Отца.

Радость откровения и озарения поразила меня своей простотой. Отче, да мы же почти ничем не отличаемся от обыкновенных цветков, которыми наполнен рай. Отче, ты устроил все так просто и так сокровенно. Все деревья, цветы и травы пьют одну и туже влагу из земли, но вырастают разных размеров и окрасок, дают разные по вкусу и назначению плоды. Птицы, звери и мы с Адамом, едим одни и те же плоды, но почему все мы по-разному мыслим, имеем, кто лапы, кто когти, кто руки и так далее... Вот мы

имеем и руки и ноги; ходим на двух ногах, остальные создания не все имеют руки. Птицам, совсем трудно без рук. А рыбы вообще и без рук и без ног, и все время в воде. Но все довольны, все счастливы. Как-то я разговаривала с птицами, рыбами и спрашивала, кто из них хочет быть вместо рыбы птицей или зверем. Никто из них не согласился быть не такими, какими Ты их создал, Отче. Ни один из них не согласился стать человеком. Все утверждают, что они самые совершенные и счастливые. Я даже не могу представить себе, сколько Ты, Отче, размышлял, страдал, сомневался, прежде чем сотворить все, что мы видим вокруг себя.

Ангелы говорят, что все, что мы видим и слышим, это только тысячная доля созданного Тобой мира, что все пространство заполнено сотнями и тысячами невидимых нам существ, которые живут, любят, размножаются. Так же как и мы любимы Тобой, Отче.

Ангелы говорят, что и мы с Адамом не одиноки во вселенной, что как рыб в океане, как птиц, как зверей и скотов на земле великое множество и многообразие, так и человеков на планетах вселенной такое же множество и разнообразие, которое нам с Адамом невозможно даже вообразить. Что все они, как и рыбы или птицы, разной формы, цвета, размера, вида, совершенно не похожи своим видом на нас с Адамом, как не похожи друг на друга рыбы или как не похожи друг на друга цветы. Но все они созданы по образу и подобию Твоему. Все они творят благо и мир, живут, чтобы заслужить любовь Твою, и быть не только созданиями по образу и подобию Твоему. Но все хотят заслужить усыновления, стать, Отче, сынами Твоими.

Все мы человеки Твои, но не все еще сыны Твои. И только тогда мы заслужим усыновления, когда станем делами своими похожими на Тебя, Отче, когда станем жить, не думая о себе.

Я никак не могу уяснить окончательно, что такое Человек, и все объяснения ангелов мне не совсем понятны. Адам смеется и говорит: «Смотри на меня, я есть настоящий Человек, по образу и подобию Отца нашего». Но я с ним не согласна, потому, что Учитель объяснял, что Ты, Отче, есть Дух Абсолютный, что Тебя невозможно увидеть или представить ни ангелам, ни человекам. Но если Ты пожелаешь, то предстанешь перед любым созданием своим в любой понятной для него форме. Ты, как бы воплощаешься, чтобы спасти нас или научить, или укрепить нашу веру.

Я знаю, что мы с Адамом, тоже существа духовные, ибо мы часть Твоя, дыхание Твое во плоти. И наша цель, которую Ты нам поставил, стараться быть похожими на Тебя, Отче, во всем. Забыть о том, что мы во плоти. Или точнее, научить плоть служить духу, который в нас, который есть Ты, Отче. Одухотворить плоть, заставить ее стать

легкой, прозрачной, подвижной, как свет, как огонь, поднять ее в пространство, научить двигаться, мыслить, молиться, творить, созидать ради Тебя, и для Тебя.

Отче, но никто не видел образа Твоего, и мы только подобие Твое, поэтому наш образ всегда будет зависеть от того насколько мы будем подобны Тебе. И если мы делами своими приближаемся к подобию Твоему, то и образ наш будет излучать любовь, свет, мудрость, милосердие, терпение.

Как ты жертвуешь себя ради всего живущего, так и нам подобает. Но если мы будем противоположны свету, любви, мудрости, если мы покоримся лени зависти, мы удалимся от Твоего подобия.

- Учитель, если вселенная наполнена человеками, почему мы никогда не видели их, почему они не познакомятся с нами, почему они нас ничему не научат? Когда мы с ними встретимся? Мы будем летать друг к другу в гости, да? Учитель, мне так хочется посмотреть, как они живут, чтобы они показали нам свои планеты, поделились знаниями.

Давайте мы пригласим их к нам на Землю, полетаем с ними над горами, над удивительными, огнедышащими вулканами. Они, наверное, никогда не видели таких, как наш, гремящий водопад. Он такой высокий, что кажется, будто вода падает с небес. Его вершина всегда закрыта, клубящимися облаками, переливающимися сотнями радуг, а грохот падающей с высот воды, слышен далеко, далеко: когда уже не видно ни водопада, ни переливающихся над ним радуг.

Я так размечталась, что уже представляла себе, как показываю человекам с других планет нашу чудесную Землю, как угощаю их плодами, фруктами. Я представляла их почему-то такими, как мы с Адамом, но Учитель говорит, что они не похожи на нас ни лицом, ни ногами, ничем. Что это человеки, человеки по состоянию души, разума, но не по наружности.

- Учитель, - разочарованно прошу я: Объясни мне, чем же тогда они человеки еще, если ты говоришь, что они могут быть человеками только душой, только разумом, а по внешности могут быть как черепаха, змея или слон. Как же мы тогда узнаем, что это человек, а не черепаха. Может быть, они уже сейчас на Земле, рядом с нами, а мы не знаем, что они человеки.

Учитель загадочно улыбнулся.

- Может быть, может быть, отвечали его глаза.
- А как узнать, Учитель, подскажите мне, пожалуйста.
- Поступай со всеми живыми существами так, как будто перед тобой не собака, не крокодил, а человеческое существо, с другой планеты, и ты никогда не ошибешься. Вот мой совет.

- Но это же так просто, удивилась я.
- Да, просто, но всегда поступать по-человечески, видя в каждой бабочке человеческое существо не совсем просто
- Не возноситесь, Ева, помните, что вы с Адамом для Отца равные среди всех созданий Его. Будьте мудрыми, только мудростью добьетесь любви Его. Только мудрость, милосердие отличает вас от других созданий. Поступайте сами первыми со всеми так, как хотите, чтобы поступал с вами Отец наш. Никогда не делайте другим того, чего не хотите получить себе.

Учитель еще долго беседовал с нами, и я очень огорчилась, узнав, что мы никогда не встретимся с человеками с других планет. Учитель рассказал нам, что Ты, Отче, охраняешь нас от других разумных существ вселенной, чтобы каждая из рас человеческих развивалась самостоятельно, чтобы никакая раса не стала вампиром для других рас. Чтобы мы не научились ничему вредному у древних рас. Иначе мы можем заболеть их страстями, пороками, болезнями плоти.

Или молодые человеческие расы могут получить, пока еще закрытые для них знания, и это принесет непоправимый вред той расе, которая получит эти знания преждевременно. И вместо пользы мы получим урон своему здоровью духовному. Цивилизация может быть загублена, а мы все очень дороги Отцу. Существует закон вселенной, по которому, человеческие расы не имеют права вмешиваться в развитие молодых человеческих рас. Они видят ошибки и заблуждения, от которых страдают человеки. У них есть возможность и стремление оказать бескорыстную помощь, как отдельному человеку, так и целой цивилизации. Но, по закону, мудрому и праведному, каждый человек волен, выбирать себе путь бытия, волен ошибаться и исправляться, ибо он «по образу и подобию».

Человек должен сам себя сотворить, доказать свою божественность без посторонней помощи.

Если мы, Отче, будем взывать к тебе, - подумала я, - то можем получить совет, но работу за себя обязан выполнить каждый сам, насколько позволяют ему его знания и силы. Воздаяние получит тоже каждый сам за себя.

- Учитель, обратилась я, но Ты же нас обучаешь, другие обитатели Эдема тоже учат нас день и ночь.
 - Мы вас не учим, возразил Учитель.

Мы только стараемся помочь вам стать счастливыми, когда творите благое, стараемся открыть глаза души вашей, наполнить ее светом разума, и преклонения перед мудростью Создателя, побуждаем вас не только восхищаться, но попробовать и самим быть достойными помощниками Отца на Земле. Хотим уменьшить количество

ошибок, совершаемых вами по неведению.

Мы только наблюдаем, как вы сами обучаете себя. Разве мы запрещаем вам чтото делать полезное или насильно заставляем выполнять то, что вам вредно?

Где есть насилие, там властвует страх, там нет веры, нет и надежды на истину, на успех, на праведность совершаемого поступка. Поступок, совершаемый или не совершаемый, под страхом, противен Отцу нашему.

Творите с любовью, с надеждой, с верой. Творите так, потому что так творит Отец наш, не ожидая от нас благодарности. Творите, чтобы принести радость любящим вас. Творите без ожидания награды, или не творите вообще, нежели потом будете в печали, не получив ожидаемого.

Путь к вечной жизни невообразимо тяжел, но награда – вечность. Сделав счастливым любое существо, вы подарили счастье его Создателю. Будьте этим счастливы и вы. Не бойтесь ошибиться. От ошибок свободен только Отец, потому что совершенен. Он свободен. Свободными в изучении мира, в творчестве он создал и вас. Раб никогда не создаст ничего достойного Отца. Отцу нужны свободные, разумные помощники, получающие от служения радость, но не трусливые, безвольные рабы, боящиеся поднять глаза на своего Создателя.

У Отца есть только дети. Но для того чтобы стать его сыном, заслужить усыновление, необходимо «родиться» вторично – свыше - осознать Его в душе своей, в каждом видимом и не видимом создании Его. Не только осознать, но и всей своей жизнью стараться быть подобным ему: в милосердии, милости, любви, свете, бескорыстии, в разумном духовном служении Ему через творения Его.

Служением мудрым, поднимающим душу к свету, любви, к служению более слабым существам, но не к безрассудной услужливости и прислужливости существам жестоким, корыстным вампирам, живущим за счет светлых, но бездумных созданий, приносящих своим безразличием больше вреда, нежели пользы.

Отче, мы так давно на Земле, и бывают дни, когда мне кажется, что Ты забыл нас, что мы никчменные пожиратели фруктов. Неужели, Отче, мы ни на что большее не способны. Я не вижу смысла в нашей жизни на Земле. Нам с Адамом не с кем посоветоваться, так ли мы живем, как Ты нам завещал? Мы, Отче, оставлены Тобой, забыты. А нам так хочется услышать Твой совет, получить поддержку, одобрение.

Животные смотрят на нас с надеждой, как будто мы являемся для них спасителями, или богами. А мы сами, Отче, так беззащитны, слабы, одиноки. Мы не в состоянии помочь всем не только делом, но и даже советом.

Недавно, одна очень маленькая обезьянка, совсем еще ребенок, засунула себе в нос косточку от финика. Косточка в носу застряла, и мать принесла ребенка к нам в

надежде, что я помогу, что я всемогуща и все знаю. Ребенок плакал от боли, нос его распух. Когда я это увидела, то очень испугалась, потому что не знала, как избавить от мучений это существо.

Мне казалось, что косточка застряла у меня. Я заплакала вместе с ребенком, я чувствовала его боль. Я вспомнила, как в раю ангелы обучали нас оказывать помощь. Я призвала Тебя, Отче, почувствовала, что Ты рядом. Я перестала плакать, руки сами собой выполнили необходимую работу, и мы с матерью обезьянки извлекли косточку из носа ребенка.

Потом я сорвала нужную траву, помяла ее и капнула в нос малышу. Боль сразу прекратилась, и ребенок радостно прыгнул с рук матери на дерево, как будто не он минуту назад заливался горькими слезами. Мать поцеловала меня с благодарностью и любовью.

Отче, как мне было радостно, что я избавила их от страданий. За такой миг я готова перенести любую боль, любое испытание, только бы всем было хорошо.

Но так бывает не всегда. Чаще мы с Адамом бессильны оказать необходимую помощь не только братьям нашим меньшим, но и самим себе. В такие дни мы чувствуем себя забытыми и беззащитными. Раньше, когда рядом с нами неотступно находились ангелы, нам казалось, что они ущемляют нашу свободу, мешают нам проявлять инициативу, и мы старались спрятаться от них, уединиться. Нам казалось, что они все что-то подглядывают, подсматривают. Теперь я понимаю, как была не права и какое это было благо, когда рядом с нами присутствовали бескорыстные и покорные нам слуги.

Зачем Ты внял нашим жалобам глупым и забрал ангелов, или сделал их для нас невидимыми и неслышимыми.

Иногда мне кажется, что они рядом. Я не верю, Отче, что Ты оставил нас на Земле без поддержки и помощи. Я знаю, что Ты любишь нас.

В трудные минуты я ощущаю, как к нам приходит помощь в совершенно безвыходных обстоятельствах. Значит, Ты, Отче, постоянно с нами. Ты любишь и хранишь нас через своих слуг, которых мы теперь не видим.

Неужели, Отче, так будет всегда, и мы больше никогда не услышим Твоего голоса, не увидим света, который обволакивал нас необъяснимой радостью, покоем. Придавал нам уверенность в том, что Ты всегда будешь с нами, и мы вечно будем ощущать Тебя, как ощущали в Раю.

Учитель говорил, что знания сделают нас свободными, что мы сами станем творцами. Но теперь иногда мне кажется, что Адам был прав, что многознание приносит многие неудобства – печали. Теперь мне кажется, что знания, которые я

стремилась получить, разлучили нас с Тобой.

Мы с Адамом вместе, но вместе мы по плоти. Духовно же мы, Отче, одиноки всегда. Одиноки, как могут быть одиноки только архангелы Твои. Они знают все о той работе, которую Ты им поручил. Каждый из них знает свое. Это Твое воинство, Отче. Они могучи, но как они одиноки. Я осознала, что чем могущественнее Твое творение, чем оно разумнее, тем труднее ему найти себе пару, единомышленника.

Великие знания делают нас великими одинокими. Мы ни в ком не нуждаемся, и такие как мы не нуждаются в нас.

Отче, избавь нас с Адамом от мании «всезнания». Пусть каждый из нас будет нуждаться в другом, чтобы поделиться с ним своими знаниями, пусть стремление к знанию объединяют нас перед Тобой. И пусть знания, которые Ты даруешь нам, принесут всем братьям нашим только помощь, только радость, только поклонение и любовь к Тебе. Отче, может быть, мне так грустно и так одиноко из-за события, которое недавно произошло с нами.

Мы с Адамом купались в море вместе с дельфосами. Вдруг один из них, испуганно прижался ко мне и прошептал, что он чувствует, что к Земле приближается опасность. В его глазах стояли слезы. Я тоже почувствовала непонятный страх, душа настороженно сжалась. Дельфос замер.

Ева, - прошептал он, - я вижу огромную багровую комету, которая несется к нашей Земле, разрывая тьму пространства. Она еще очень, очень далеко. Впереди нее катится огромный, огненный вал. Мне больно смотреть на это зрелище. Как будто тысяча солнц слилась в одно всепожирающее, огромное светило и несется на нашу Землю, сжигая все на своем пути.

Я слышу гул, исходящий от этого всепоглощающего чудовища. Как-будто сотни водопадов низвергаются с невообразимой высоты в бездну космоса. Взрывы, взрывы, их невозможно слышать.

- Ева, я не могу передать, что я вижу, что слышу. Это надвигается на нашу Землю непостижимое горе, это смерть. Я слышал о подобной катастрофе от своих дальних предков, а они от своих.

Я знала, что дельфосы переселенцы с далекой, давно погибшей планеты. Что они живут на Земле уже давно, а до этого находились на близкой к нам планете. Но там случилась катастрофа; взорвалось сразу несколько вулканов. Ядовитые облака губительного для всего живого пепла закрыли солнце. Температура катастрофически снизилась, и все живое начало впадать в спасительную летаргическую спячку.

Дельфосы не были аборигенами планеты, и Духовный Совет срочно эвакуировал всего несколько особей дельфосов на Землю, чтобы сохранить хотя бы их генофонд.

Условия жизни на Земле для переселенцев оказались благоприятными, но обитать на Земле они могут только в водной среде. А у себя на родине они жили на поверхности планеты Дельфиды. Атмосфера их родины по своей плотности напоминает плотность нашей воды. Они говорят, что водная среда для них даже более благоприятна, чем атмосфера их родины. В воде их жизнь стала более безопасной, она оберегает их от ушибов. В водной тверди они носятся с огромной скоростью и затрачивают мало энергии. А на их планете состав атмосферы более густой, более вязкий и зависит от времени суток; утром они плавали, как-будто в воздухе, и часто получали увечья. К вечеру атмосфера становилась настолько плотной и горячей, что двигаться было очень тяжело, и всякое движение причиняло обжигающую боль. Дельфосам Земля кажется их родной Дельфидой, со своими морями и океанами, заполненными прохладой. Их знания о Вселенной превосходят знания ангелов. А когда они начинают рассказывать о Тебе, Отче, то становятся совершенно другими существами.

Над их головой появляется голубой ореол, в области сердца пульсирует розовато-алый лотос. В такие минуты их голос наполняется необъяснимо нежной музыкальностью, и кажется мне, что Ты, Отче, говоришь из их сердца. Самое грустное событие мгновенно забывается, как-будто они подключают меня к потоку, который входит в меня из пространства, заполняет душу, разум, сознание, оставив после себя в душе необъяснимую радость. И душа еще долго вибрирует, вздрагивает, наслаждаясь присутствием самого Творца.

Их знания подкрепляются необыкновенными способностями созерцать не только события на планетах нашей Вселенной, но и знать то, что происходит в других вселенных.

Они свободно вспоминают свои прошлые воплощения в других телах, но никогда не пытаются заглянуть в будущее. Говорят, что будущее знаешь только Ты, Отче, так как Ты творишь и изменяешь миры ежемгновенно. Творенье не может быть запрограммированным. Творенье, говорят они: «Как бы подсказывает Отцу свое желание». Они объясняют, что только раб пытается увидеть свое будущее, предугадать намерение Отца — пытаться поставить себя на один уровень с Тобой. Сын просто старается отдать себя в руки Отца, стремится исполнить Его волю, делая полезное всем, не стремясь предугадать результат заранее. Праведные намерения, - говорят они, - дадут результаты, угодные Отцу.

Отец дает оценку нашим трудам, и стыдно пытаться поставить себя на Его место. Всегда при упоминании о Тебе Отче, у них благоговейно озаряется лотос сердца и розовый цвет, заливает все находящееся рядом с ними. Я замечаю, что и у меня

всегда мурашки пробегают по телу, душа выходит из плоти и на какие-то мгновенья воспаряет над телом, пытаясь вознестись в пространство. Дыхание замирает, вибрации затихают. Серебряная нить, идущая от души, натягивается до звона, и Дух Твой, казалось бы уже вознесшийся к Тебе, как парящая в лазурном небе паутина, нехотя опускается в свое на время опустевшее жилище.

Рядом с дельфосами я всегда ощущаю себя так, как будто я вновь в Эдеме со своими друзьями-наставниками.

И я уверена вновь, Отче, что Ты не оставил нас, что Ты посылаешь нам своих слуг, наших наставников, только в других обличьях. Но в их глазах я всегда вижу ту же любовь, ту же отеческую заботу, и мне, Отче, хочется встать перед ними на колени, сложить молитвенно руки, и славить Тебя, и благодарить через них Тебя, ибо в них я вижу Тебя.

Отче, я полностью доверяю дельфосам. Но неужели это правда, неужели все созданное Тобой на Земле погибнет. Неужели нельзя предотвратить это горе. Неужели погибнут любимые мной созданья? Неужели погибнут дельфосы? Спаси их, Отче, они так любят Тебя.

Я не могу себе представить гибель своих друзей. Как мир будет жить без Гаруд, Дельфосов, динозавров, собак? Без всего созданного Тобой, Отче. Я не знаю, что такое гибель. Я никогда еще не видела, кто такая смерть, гибель.

Я видела только рождение, это прекрасно, это новое создание Твое, Отче, которое рождается слабым, беззащитным, слепым. Его надо оберегать, любить, потому что в этом существе Ты. И мы все, обитающие на Земле, знаем это.

Отче, я ощущала только щемящую, пульсирующую боль в центре груди. Все, что говорили Дельфосы, было совершенно непредставимым, я не могла поверить, что все, о чем они сообщили, действительно может случиться.

Отче, кому это горе нужно, как это могло произойти? Зачем эта комета, катастрофа, смерть, насильственное перевоплощение. Непонятные для меня события, которых еще нет, но которые уже обязаны произойти. Помимо нашей воли разрушить все, что Ты, Отче, создал для нас.

Может быть, мы что-то делаем не так, как Ты хочешь? Ты сообщи нам, Отче, мы сделаем все, так как необходимо Тебе, но сохрани от разрушения эту прекрасную, добрую Землю, которая дала нам столько счастья, любви, которая лелеет все, обитающее на ней. Она отдает нам все свои силы. Я слышу, как она с мольбой взывает к Тебе, когда не может порадовать нас чем-то новым, необычным. Обращается к Тебе, как дитя к матери, чтобы Ты, Отче произрастил на ней какой-нибудь новый цветок, фрукт, или чтобы Ты укрыл ее облаками, когда лучи солнца слишком опаляют нас.

Я вижу, как замерзая сама от космического холода, она посылает нам тепло своего материнского сердца, только бы мы не чувствовали себя одинокими и забытыми.

Защити ее, Отче, она мать наша. Она молит не за себя, Ты же знаешь, Ты Отец наш. Если Ты не защитишь нас, если Ты позволишь беспорядок и произвол в доме Твоем. Если нарушат законы пространства, установленные Тобой, то, что Отче станет с нами, малыми и недолговечными человеками. Мы не в силах защититься сами от произвола стихий.

Я молилась и молилась, слезы заливали мою душу. Земля закачалась под моими ногами, я почувствовала, как ее вибрации и вибрации моей души соединились, и превратились в единую вибрацию, в единый зов, единый стон к Тебе, Отче. Я как бы сама превратилась в Землю. Чернота космоса поглотила нас, холод сковал нашу плоть, но мы молились, молились... Молилась, не осознавая слов.

Нас несло на крыльях нарастающего гула, но он не пугал нас, он вселял в нас веру, что Ты, Отче, услышал нас, что Ты хочешь видеть нас. Душа Земли такая же трепещущая и беззащитная, как и моя, обняла меня, и мы, как две маленькие птички, несомые бездушным ураганом, вдруг упали в море света. Этот свет поглотил и ослепил нас, так же как мгновение тому назад, ослепила и поглотила непроглядная тьма.

Я ничего не видела, не слышала, только ощущала, как оживаю в этом море ласки, любви, непередаваемого восторга, чувствовала, как вздрагивает, вибрирует в радости и благодарности со мной душа Матери-Земли: «Отче, Отче, Отче»..., вибрировал во мне Дух: «Отче», - вторило пространство. Да, это Ты, Отче. Ты услышал нас.

Вдруг, все вибрации замерли, время приостановилось, и тихий, едва уловимый шепот, проникающий в каждый атом, в каждую молекулу, наполнил наши души миром и покоем.

"Земля, и все сущее на ней в сей миг спасены". "Спасены, спасены, спасены..." эхом запело пространство.

Что такое смерть, никто из нас на Земле еще не видел. Но это слово пугает всех. В нем что-то угрожающее, непредставимое, неведомое, новое, или давно забытое нами. Дельфосы рассказали мне, что они смерть испытывали много раз, что она естественна, как и рождение. Они называют ее перерождением, получением новой оболочки. Они объясняют, что смерть – это когда душа уже настолько устала в своем изношенном плотском теле, что не в силах удерживать элементы материи в своей власти, и тогда материальные элементы возвращаются к своему изначальному первоисточнику, а Дух Твой, Отче, возносится на отдых к Тебе, чтобы отогреться у

сердца Твоего и возвратиться в человеческую душу, когда будет на то воля Твоя.

Сама по себе плоть безвинна и целомудренна, не может обладать никакими хорошими или дурными качествами. Плоть инертна, плоть – строительный материал для тела-храма. Только душа придает плоти форму, качества, свойства. Когда мы пытаемся свалить на плоть все наши пороки, как на некоего «врага», мы тем самым показываем окружающим и Создателю своему, что мы не достойны управлять той плотью, в которую одел нас Отец, что она для нас еще слишком «разумна», слишком неподъемна, что мы способны только на то, чтобы опустить эту плоть еще на более низкую ступень эволюции, вместо того, чтобы придать ей новые качества, более совершенные свойства...

Сама по себе плоть чиста. Это мы окрашиваем ее в тот цвет, каким окрашена наша душа. Это мы придаем ей форму яркой звезды, или горбатого уродца, и почти всегда по своей лени, безответственности, или хамскому отношению к человеческим обязанностям.

Мы лепим из своей плоти то, что потом стыдно показать другим и на что позорно взирать самим. Но чтобы скрыть свою низкую безнравственную бездуховность, мы обвиняем Создателя в том, что Он подсунул нам плохую плоть, которая никак не поддается нам. И забываем, что Луна – плоть, Солнце – плоть, все мироздание Отца нашего – плоть. Наша плоть, тело – это зеркало вашей души.

То есть, какое тело душа себе построила, слепила, в таком теле-плоти она потом и обитает. Но душе стыдно признаться, что тело, в котором она страдает, от тесноты, грязи, убожества, кусков, облепившего его сала, паразитов, сотен болезней и запустения — это ее детище, творение. И когда человек жалуется на плоть, он унижает себя до состояния глины, воды, ветра, и жара. Ибо из его слов получается, что это глина, вода, огонь и другие элементы природы слепили его душу. Что это они управляют его душой, а она покорно служит им.

Он не понимает, что песку, воде и ветру, или огню не нужны слуги, боги, что даже растения сами сосут ту глину и воду, которая им больше нравится.

Никому не предлагает себя магний, калий или кислород. Поэтому, душа сама одевает себя по своему выбору, в ту скорлупу, которая ей легче поддается, которую можно слепить быстро, не прилагая особых усилий, и из тех элементов, которые потом так же скоренько распадаются. Что от песка взято, то в песок и уходит.

Материя всегда стремится к покою, инертности, а дух Твой, который живит душу, все время заставляет тело наше пребывать в движении. Заставляет противоположные элементы служить друг другу, душе.

Поэтому стоит душе на какое-то мгновенье забыться, расслабиться, как

материальные частицы теряют энергию, застывают, разрушаются, распадаются.

Пока душа обращена к Тебе, Отче, пока она исполняет установленные Тобой для нас законы бытия, она сильна, частицы покорно исполняют свою работу. Если же душа вялая, ленивая, то вибрации ее становятся все слабее, замедленнее, и она уже не в силах удержать их под своей властью.

Но всякая частица материи, побывавшая хотя бы краткое время под властью разумной одухотворенной человеческой души, приобретает или заражается ее разумностью, духовностью, и после некоторого отдыха, эти частицы материи, попадая в любое живое тело, возрождаются и вибрируют, теми же вибрациями, какими они заразились, находясь в человеческом теле.

В них появляется стремление к свету, движению, передаче своих вибраций другим частицам, стремление соприкоснуться с подобными себе вибрациями. Ибо находясь в материальном мире невозможно не соприкасаться с ним. Даже солнечные и лунные лучи материальны. И все материальное заражено страстями, а всякая страсть должна быть очищена, освящена, болью, терпением. Умереть без боли может только бесплотное, но все бесплотное бессмертно. Всякая мысль, даже молитва, это тоже страсть.

Дельфосы говорят, что объяснять, что такое смерть, невозможно. Это надо ощутить, пережить, тысячи раз. Ибо одно и то же существо «рождается и умирает» каждый раз по-новому. Но всегда рождается в муках, а уходит в страхе и без удовольствия.

Но сами они смерти боятся, потому что это очень неприятно, больно, так как при всяком новом перевоплощении необходимо пройти очищение огнем, страхом, муками. Для того чтобы из прошлого воплощения не принести в новое воплощение ни порочных мыслей, ни порочных знаний.

Душа сохраняет только те качества и привычки, которые закреплены уже многими воплощениями.

По их объяснению, мы с Адамом совершенно чистые, непорочные души. У нас нет никаких приобретенных прежде качеств и опыта, из нас возможно воспитать существа по образу и подобию Отца нашего. Эти свойства необходимо закрепить многими и многими воплощениями. Но эту цель мы должны сделать смыслом своего бытия во всех, предоставляемых нам Создателем обстоятельствах. В любых самых трудных, самых жестоких условиях мы должны стремиться подражать нашему Отцу. Мы обязаны всегда помнить, что наша жизнь принадлежит ни нам, но тем, кто нуждается в нас, что в любой катастрофе мы обязаны спасать не свою плоть, а существа, плоть и душа которых (жизнь) зависит от нас. Спасая жизнь созданного Отцом нашим мы тем самым

освящаем свою душу, если даже при этом погибнет наша плоть.

Но если мы пытаемся сберечь собственную плоть, то наша душа теряет все те божественные качества, которые подарил нам Отец, при первом человеческом воплощении; по образу и подобию Отчему.

Глава 12. Дельфосы предупреждают Адама и Еву о возможной катастрофе на Земле.

Адам с жалостью посмотрел в мою сторону.

- Я жил рядом с Отцом, ангелы называли меня господином. Я точно знал свои права. Я имел все со дня творения. Меня никогда не интересовало, откуда все возникает. Я знал, что Земля и все ползающее, плавающее и летающее над ней отдано мне в наслаждение, что все это готово исполнить любое мое желание. Мне служили все, я не служил никому. Сколько это продолжалось, я не знаю. Но мне это нравилось, и я не желал никаких перемен. Я знал, что меня все любят, что все, что наполняло Эдем и Землю создано для меня и ради меня. Что у Отца нет более любимого существа во всей вселенной.

Дельфосы и я смотрели на Адама с нескрываемым любопытством. Я знала, что Адам любит себя, возносит до неописуемых высот.

- Ты, Адам, видел маленький садик в маленьком Эдеме, и не думал, что это центр Вселенной, ты знал, что Эдем – это всего лишь точка, затерянная пылинка в безмерном, бесконечном хозяйстве Отца нашего, а ты маленький, напыщенный человечек, которому было поручено поддерживать порядок на этой крохотной грядке, называемой Раем. Ты слышал от Учителя, что мир бесконечен. Тебе объясняли, что из такого крохотного мотылька, как ты, может вырасти Сын Создателя, только если будет трудиться, как Создатель, то и будет подобен Ему. Но тебе не хотелось учиться, трудиться, поливать потом своим Землю. Ты согласен был вечно просидеть, как червяк, на этой грядке, только бы тебя не тревожили. Ты наверное, за все свое пребывание в «садике-Рае» даже не обошел пешком ни разу весь Эдем. Ты заблудился бы в тех десяти деревьях, которые росли дальше Рая, а выход за пределы Эдема был для тебя уже ничем иным, как изгнанием, проклятием.

Ты напоминаешь нам мышонка, которого выкормили с руки жвачкой и который думает, что семена проса растут на этой самой ладошке. Если попробовать потом кормить его на земле, то он наверно сдохнет с голоду: настолько он разбалован, нагл и не приспособлен сам позаботиться о себе.

Но ты же человек, в тебе Дух Отца нашего. Так прислушайся к Нему, доверься Ему, и Он покажет тебе путь твой в царствии своем. Ты станешь хозяином, любимым Сыном, но только тогда, когда ты польешь каждую травинку, каждую пядь подаренной тебе Земли, своим соленым потом. Когда каждая козявка, каждая живая душа на Земле признает в тебе любимого и справедливого заступника от всех невзгод. Тогда всякая тварь земная будет славить Отца-Создателя нашего за Сына Его, который стал на Земле для них отцом.

И будут искать руки твоей мозолистой, чтобы прильнуть к ней с любовью и благодарностью, и будут делиться с тобой всем, чем одарил их Создатель, и даже плотью своей, и жизнью своей.

Но если ты будешь требовать от всех только рабской покорности, если ты попытаешься добиваться любви и уважения насилием и унижением, то скроются все от тебя. Станут искать защиты у воды, леса, у высоких неприступных скал. Скроются от света дня, когда ты явишься, и выходить будут только при ночном мраке, только бы не встретить тебя - своего истязателя.

И только тогда полюбишь ты Землю и будешь называть ее своею, и всякое зерно, и всякое дерево будешь защищать от ветра, от горячего солнца, от стужи, когда все будет выращено, посажено, построено твоими заскорузлыми от кровавых мозолей руками. И скажет тогда Отец-Создатель наш: «Радуйся, ты уже не нахлебник, не приживала в Эдемском саду. Ты истинный Сын, истинного Отца. Ты способен продолжать дело своего Создателя. Плодись, размножайся, наполняй Землю себе подобными. Но никогда не забывай, Кем ты создан и куда ты обязан возвратиться».

Дельфосы говорят, что Ты, Отче, дал нам такую свободу мысли, о которой мечтают даже боги. Но Ты, Отче, подарил это только нам. Дельфосы напоминают, что приближается первое серьезное испытание для всех обитателей Земли. Но самое тяжкое испытание падет на наши души, потому что каждый землянин будет спасать себя, а мы с Адамом обязаны спасать всех.

Как это, Отче, будет, мы еще не знаем, что будет происходить, что нам делать, чтобы спасти Землю? Старший из дельфосов сказал, что если мы искренне захотим помочь всем, то Дух Твой, Отче, который в нас, всегда научит, как нам быть подобными Тебе, как помочь всем.

После разговора с дельфосами, жизнь наша резко изменилась. Адам перестал «царствовать на Земле», как он всегда любил напомнить, подчеркнуть.

Сейчас мы смотрим на все созданное Тобой с удивлением и грустью.

Как невыносимо тяжело видеть нашу Землю и все живущее на ней и знать, что скоро все это может исчезнуть в огне. Отче, у наших Гаруд появилось на свет

двое деток. Они такие забавные, все время раскрывают клювики и просят есть. Родители не успевают приносить им апельсины, мандарины, гроздья бананов. Больше всего они любят клубнику и виноград. Насобираем мы целую корзину клубники, а через минуту, корзина уже пуста, и Адаму приходилось бегать еще и еще.

Отче, неужели эти детки Гаруд никогда не поднимутся в небо? Неужели они погибнут, даже не испытав счастья полета?

Сегодня утром я принимала роды у львицы, а потом накормила ее виноградом. Она меня поблагодарила и сказала, что от винограда молоко у нее сладкое и детишки сосут ее с удовольствием.

О надвигающейся катастрофе, кроме Дельфосов и нас с Адамом, на Земле никто не знает. Мне хочется всех погладить, поцеловать, попрощаться. Пусть, Отче, они ничего не знают, пусть наслаждаются жизнью без страха.

Дельфосы говорят, что если произойдет столкновение, то конец наступит так быстро, так неожиданно, что никто не успеет закончить вдох или выдох, как его душа предстанет перед Твоим ликом, а тело-плоть превратится в пар и горсть пепла.

Хорошо, Отче, что мы не увидим страданий братьев наших скотов, зверей, птиц. Хорошо, что мы предстанем пред ликом Твоим сразу все вместе.

- Я думаю, Отче, Ты всем нам дашь новую плоть. Другую плоть Ты дашь и нашей Земле и поселишь нас всех опять сначала в Раю, а потом расселишь по всей Земле. А может, Ты приготовил для наших душ другую планету?

Адам со своими помощниками нашли красивую пещеру. По ней можно ходить целый день. В других пещерах темно и сыро, если уйти далеко от входа. Эта теплая, огромных размеров, как-будто ее кто-то сотворил. Она такая высокая, что в ней свободно ходят даже динозавры. Далеко внизу простирается озеро с холодной и чистой водой. В него стекают ручейки со сладкой, как мед, водой. Здесь можно жить, как на Земле. Только для некоторых скотов здесь темно, они плохо видят. Мы с Адамом видим все прекрасно в темноте. Свод пещеры темно-синий, как ночное небо, а по нему рассыпаны огромные изумрудные и рубиновые камни. Когда в расщелины пробиваются лучи солнечного света, камни искрятся, их алые всполохи отражаются в глади озера. Это напоминает мне подземный Эдем. С высот ниспадают неописуемые по форме сталактитовые папоротники и пальмы. Цветы из бело-голубого камня, тонкие и изящные, как-будто сотворены из белой паутины.

Всюду, Отче, Ты создал свою красоту, все наполнил жизнью. Ты наполнил поднебесье ангелами, землю человеками, моря рыбами и дельфосами. В земле и в подземелье гады, пауки... всем, Отче, Ты отвел свое место, свою пищу, свое предназначение, знание, свое счастье.

Жизнью, Отче, мы все обязаны Тебе. Я восхищаюсь Твоей мудростью, я преклоняюсь и поклоняюсь Тебе, Отче.

Адам пригласил меня в это убежище после предостережения Дельфосов о катастрофе и рассказал, что пещеру нашли они, и что озеро подземными каналами связано со всеми водными источниками Земли.

Как бы в подтверждении его слов по глади озера побежали волны, и под куполом пещеры, отражаясь в тысячах звенящих каменных лепестках, зазвучали голоса дельфосов.

Их язык всегда напоминает мне трели райских птиц. А здесь, под куполом пещеры, он разливался обворожительной музыкой, отражая их дыхание, выделяющее необъяснимый аромат солнечного света. Пещера наполнилась благоуханием. На Земле, я этого аромата, исходящего от них, не улавливала.

Отче, их присутствие освятило подземелье, и пещера наполнилась голубым сиянием.

Я подняла голову. Свод пещеры был похож на озаренное восходящим солнцем лазурное небо. «Что за чудо!»,- хотела сказать я. Но дельфос увидел мои мысли.

- Чудес не бывает, - серьезно сказал он. Это реальность, которую мы не замечаем, за более яркими и привычными событиями. То, что ты увидела сейчас, было всегда. Оно не появилось ниоткуда. Необычная обстановка пробудила в твоей душе дремлющие доселе инструменты познания, открылись твои истинные глаза, истинный разум, уши. Ты увидела истину истинными органами. Подобное познается через подобное. Развивайте в себе качества, которыми поделился с вами наш Отец.

Иногда, чтобы пробудить нас от спячки, безделья, Отец вынужден ставить нас на грань гибели, растворения. Только тогда, спасаясь, мы открываем в себе забытые, изуродованные бездельем таланты и силы, подаренные нам Творцом. Пытаемся в одно мгновенье, в один день исправить и сотворить то, что обязаны были делать в течение многих жизней.

Эта пещера может спасти многих обитателей Земли, если не удастся изменить траекторию полета кометы. Мы думаем, что это удастся, и тогда комета не столкнется с Землей. Все силы небесные брошены на ее спасение. Комета лизнет Землю только своим раскаленным хвостом.

Между Землей и приближающимся телом устанавливается гравитационная защита, которая оттолкнет пылающую убийцу задолго до ее приближения к нам. Иначе атмосфера Земли вспыхнет как факел, мгновенно испарятся моря, реки, озера. Сгорят леса. Все живущие за несколько мгновений превратятся в пепел и едкий дым. Земля на долгие миллионы лет превратится в обуглившийся камень. А может она уже никогда

никого не напоит своими сладкими соками.

Или пока другая, шальная, ледяная комета, случайно, не ударится о Землю и не заполнит ее испарившиеся моря и океаны, живительной влагой. А пролетающие и падающие метеориты принесут на Землю новую жизнь. И тогда вновь на Земле будут реветь динозавры, в озерах цвести голубые и розовые лотосы, а в небесных просторах будут парить новые Гаруды, Адамы и Евы – славя Отца-Создателя своего.

Они забудут прежние воплощения свои, радости и страдания, какие испытали прежде. И старые Учителя будут обучать их помудревшие души новым правилам бытия. И только Мать-Земля будет всматриваться с любовью и лаской в их голубые, серые и черные глаза и узнавать в них прежних человеков с их прежними страстями, на истерзанной своей груди. Ибо она все помнит, помнит и ту огненную убийцу, которая могла на миллионы лет оставить ее на страшные муки одиночества одну, обгоревшую, изуродованную, не потерявшую веру.

Отче, Милый, но почему Ты не отвечаешь нам на наши мольбы?

Если бы не Дельфосы, которые теперь для нас являются и ангеламихранителями, и учителями и той единственной надеждой, которая не дает нам погибнуть еще до наступления катастрофы. У нас, Отче, не хватает ни опыта, ни мудрости для борьбы с приближающимся горем.

Но я заметила, что всегда, когда нам очень трудно, когда кажется, что уже все наши силы исчерпаны, когда уже совсем неоткуда ждать помощи, когда потеряна последняя надежда, когда душа моя говорит: «Отче, прости, но я уже не в силах что-то сделать». Когда душа шепчет в отчаянии: «Отче, Отче.....», откуда-то совершенно непонятным и необъяснимым образом появляется спасение от неминуемого несчастья. Тогда я знаю, Отче, что Ты все время был рядом. До последнего мгновения наблюдал, какое я приму решение, и если видел, что вера моя еще слаба, что я могу упасть и потеряю веру в себя, в Твою помощь, очень надолго, Ты протягиваешь мне руку помощи из моей души, как озарение, как награду за страдания и веру, в Твою любовь к нам.

Когда я рассказываю об этом Адаму, он криво улыбается и говорит, что я слишком люблю себя, когда думаю, что Ты, Отче, всегда с нами, всегда в нас. Говорит, что своими молитвами и рассуждениями я давно надоела Тебе, что если бы Ты нас любил и помнил о нас, то давно бы убрал эту комету и не заставлял бы нас страдать и бояться, что все может погибнуть вместе с Землей. Он говорит, что ему все надоело, и погибнем мы сегодня или будем на этой Земле дрожать еще долго, его мало волнует.

- Все равно, мы ничего не можем изменить в этой ситуации, ни сейчас, ни потом. За нас все давно уже решили, не только на много лет вперед, но и за много

воплощений наперед. И эта катастрофа: что мы можем изменить, если Отец ничего не хочет сделать ради нас? Что изменится оттого, что уйдем мы с Земли сегодня или через тысячу лет? Пусть наступает это перевоплощение, если оно необходимо кому то? Что ему было прекрасно в Эдеме и без перевоплощений?

Получается, что я, как орешек, созрел и меня теперь можно расколоть. Шкурочку и сердцевинку скушают червячки, а душа, может быть, когда-нибудь получит новую, неизвестно где, и неизвестно какую одеженку, - ехидно говорит он.

- Ева, ты представляешь, может быть, в следующем воплощении я буду слоником и буду поливать тебя водой из болота, или стану комариком и по ночам буду звенеть возле твоего ушка и жалить твою толстую попочку.
- Перестань, Адам,- не выдержала я его цинизма. Ты же знаешь, что человек никогда, и ни за какие проступки не воплотится ни в зверя, ни в скота, и ни в какое другое существо. Только в человека, пусть и в самого грязного, подлого, но в человеческом облике и в человеческом обществе. Об этом нам говорили и ангелы, и Учитель.

Мы созданы «по образу и подобию». Поэтому мы можем, по характеру, инстинктам, потребностям, по внутренним свойствам быть похожими на своих братьев: на свинью, собаку, корову, то есть чьи свойства мы запечатлели, переняли, таков наш характер, повадки и даже пища и будут. Но облик наш всегда будет человеческим, «по образу и подобию». Мы теперь вечно будем напоминать всем существам своего Создателя.

Плотность души животного, так велика для Духа, столь инертна и столь непроницаема, ограничена в возможностях, что поселение Духа Святого в нее равносильно смерти и для всякого в кого попытались бы заточить Его, - напомнила я мужу слова Учителя.

Ты знаешь, Адам, что мы Отцом подготовлены для жизни и сотрудничества и во плоти, и в Духе. Мы, которые знаем Отца нашего, которые сами избрали путь свой. Мы, в душе которых пребывает любовь, свет, мудрость Создателя нашего, при малейшей трудности не умеем пользоваться на благо себе и другим тем, что даровано нам изначально. Из-за нашего маловерия и лени Дух Отца нашего томится, страдает в нас, стонет, так как не имеет свободы от нашей души, помочь нам из-за нашего страха потерять полюбившееся нам плотское тело.

Но что будет, если этот Дух святой поселить в душу неопытную: коровы, крокодила, или как ты говоришь, комарика?

Адам, как всегда, поскреб затылок, устало вздохнул и ничего не ответил.

- Отец всему сущему дал душу, но Дух святой, Свой, Он поселил, вдохнул только

в душу человеческую. Душа зверя, птицы, гада, еще не подготовлена принять Духа святого. Это так же верно, как и то, что человек в современной плоти не в состоянии жить на солнце или в космосе, хотя другие существа живут и на солнце и в космосе.

Другие существа пока еще не умеют отличать Свет от Тьмы. Если бы Дух Отца нашего поселился в душу зверя или скота, Он бы просто разрушил ее, как молния разрушает, сжигает все, с чем соприкасается на Земле. Только душа человеческая способна принять и вместить свет, любовь, мудрость, сострадание, присущее нашему Отцу.

Адам, неужели тебе незаметно, что звери, скоты не умеют молиться, что они могут плакать только от боли, а мы можем плакать от стыда, радости, от неудачи.

Животные не умеют предугадывать события, а мы можем. Мы можем анализировать, что нам или животным полезно, а что не полезно. Мы можем отличать, сравнивать, мы умеем считать, писать, сочинять молитвы.

Мы способны попросить у Отца прощение, если ошиблись, а скоты никогда не просят прощение ни у нас, ни у Отца, потому, что они не могут ошибаться, а не ошибаются, потому что они не умеют мыслить. Они, как ангелы, способны делать только ту работу, которую в них заложил Отец. Учитель называл это инстинктом. У нас тоже есть инстинкты, но мы сами можем изменять свои инстинкты и превращать их в привычки, полезные или вредные. Лень — это вредная привычка.

Благодаря тому, что Дух Отца живет в душе нашей, мы способны разговаривать, советоваться с Ним внутри себя. Просто мы не всегда слышим, исполняем то, что Он нам советует, и чаще стараемся выбрать самый «легкий», самый «короткий» для нас путь. Мы щадим свою плоть, делаем так, как удобно нашему телу.

Адам задумался, а потом спросил: «Жена, откуда ты все это знаешь? Мы все время вместе, вместе спим, работаем, вместе учились. Но то, что ты говоришь, я как будто где-то слышал, и в тоже время оно для меня звучит убедительно и по-новому.

- Да милый,- ответила я. Все, о чем я тебе напоминаю, мы слушали вместе, но тогда ты слушал, анализировал разумом и еще не был готов принять истину в свое сердце. Последние события насторожили тебя, проснулась твоя душа, и теперь ты слушаешь и слышишь свою душу, в которую впустил Дух Отца нашего и теперь ты веришь Ему, и ждешь спасения.

Адам смотрел на меня спокойно и доверчиво.

- Но почему ты слышала и усвоила то, чему нас учили, а я нет? спросил он, как бы сам себя.
- Потому что ты еще и сейчас не веришь, что нам самим придется спасать других и себя. В глубине души ты уверен, что если случится катастрофа, то все равно

Отец не оставит нас. Появятся ангелы, архангелы, запеленают тебя в облака и как несмышленую мышку, на ручках, отнесут в безопасное место, где ты, как в Эдеме, будешь вновь куклой и любимчиком, где тебя опять будут учить глотать, ходить ножками, хватать ручками.

Нет, милый муж, - напомнила ему я, ты, Адам - муж, не кукла, не игрушка в руках нянек. «Муж» - самодостаточный, созревший, обученный, ответственный за жену и за всех, кого доверил тебе наш Отец. Своими вопросами ты подвигнул меня ответить на твой главный вопрос. «Почему человек уже никогда, и ни за какие темные, грязные, бессовестные поступки не воплотится в тело осла, змеи, бабочки или любимого тобой комарика».

Потому, что когда-то наши души прошли ступени и насекомых и гадов и зверей и скотов, и еще кого знает только Отец наш. Это все уже в прошлом. Время вспять не возвращается. Нельзя щенка или страусенка вернуть в лоно его матери. Нельзя даже семя самца возвратить в его лоно. Потому, что созрела уже новая сущность, новая плоть. Та же душа, но с другими свойствами, связями в космосе, с другим опытом и с другим бытием, в другой вселенской плоскости. И все это невозможно разорвать и перестроить ради любой ошибки Адама, Евы, или даже нескольких Адамов и Ев. Потому что душа человеческая вместила Святой Дух Того, Кто создал, возлюбил и воспитал ее.

Неужели ты, милый, думаешь, что воплотившись в форму комара ты сможешь осознать свои человеческие ошибки и будучи комаром, ты сможешь исправить, искупить свои человеческие поступки.

Это преступно наивно и даже оскорбительно для Духа Отца, который теперь вечно в тебе, комар ты, осел, или шакал по натуре. Теперь ты навечно Его сын, и останешься Его сыном, и проступки свои будешь искуплять только в теле человека. То, что ты совершил, будучи сыном, то ты и искуплять будешь, как сын, а не как комарик. Ибо ни комарик, ни шакал, ни динозавр вообще ничего не искупляют, так как они еще не отличают доброго поступка от недоброго поступка. Они живут инстинктами, без мысли и осмысления. Их не терзает совесть. Но нам жить инстинктами уже запрещено. Нам оставлен один инстинкт: «Спешите творить добро и не вздумайте ожидать награды, если вы, конечно, хотите быть подобными Отцу своему». Ибо Отец наш любит нас не ради награды, не ради мзды.

Смотри, милый, как жуки копаются в куче навоза, которую оставил после себя бегемот. С нее еще пар идет, а они уже делают из дерьма шарики и каждый катит в свою сторону, чтобы насладиться ее вкусом. Смотри, смотри, Адам, они даже отбирают шарики друг у друга. Не думаю, что они боролись бы за шарики, если бы для них это не

было бы лакомством. И если ты, милый, или я в следующем воплощении будем жуками, то и для нас потом, все это будет таким же желанным лакомством, наслаждением, как и для них. И сейчас для них эта пища не наказание, а награда за труды их.

Посмотри на все дышащее. Предложи самцу гиены самку леопарда, которая изящнее, грациознее и чистоплотнее вонючей, неопрятной и взъерошенной самки гиены. Разве он согласится поменять ее на другой запах, цвет, вибрации? Конечно нет. Дело, милый, не в плоти. Каждый счастлив вибрациями своей души. Каждый ищет для себя те вибрации, которые близки его вибрациям. Подобное тянется к подобному, и подобное порождает подобное себе. Просто мы этого не замечаем потому, что ищем внешнее сходство, а сходство внешнее исходит или отражает подобие внутреннее, которое не всегда умеем для себя определить.

Каждое существо или даже явление в разное время в разном настроении издает присущие только ему вибрации, звучание, музыку, свет. Жизнь – есть вибрации: дыхание – вибрации, запах – вибрации, вкус, свет, ощущение, осязание, даже молитва, мольба, прославление и благодарение Отцу духом, языком - все это вибрации, которые не прекращаются, ни на долю мгновения. Вибрации и есть Бытие.

Я смотрела, Отче, в глаза Адама и видела, что ему непонятно, или безразлично то, что очень ясно мне. Когда я с ним говорила, то все о чем говорила я, как бы, не только осознавала, но и ощущала телом. Я, как бы, находилась в каком-то потоке пространства. Мурашки пробегали по моему телу, слезы мешали говорить. В эти мгновения для меня все было ясно, понятно. Мне хотелось все это вложить в душу Адама, сделать все живым, видимым собеседнику. Но я чувствовала, что где-то внутри него стоит какая-то преграда, какой-то фильтр, который из сказанного мной, выбирает что-то несущественное и каким-то образом переделывает в противоположное тому, что известно мне, что я ему пыталась передать.

Но почему, Отче, мы с ним смотрим на один предмет, а видим его совершенно поразному.

Адам посмотрел на меня с грустью и сожалением.

- Ева, ты не смотри на меня с таким удивлением. Я понимаю, что ты хочешь сказать. Я даже, как бы, прочитал твои мысли, потому, что ты очень хочешь, чтобы я стал таким же, как ты видел все твоими глазами, жил и ощущал твоей душой. Но ты же мудрое прекрасное создание Отца нашего, и тебе наверное даже лучше, чем мне, понятно, что мы и созданы специально разными. Да, мы из одной плоти, да, мы зеркальное отражение друг друга по наружности. Но тебе не хуже меня известно, что в каждом из нас живет часть духа Отца нашего, и что каждая его частица - это

отличная и неповторимая его идея. Мы можем только дополнять друг друга, но не повторять. Мы подобны друг другу, но совершенно противоположные.

Ты - новая вселенская идея, ты - новое вселенское божество, ты новый сын, со своими, только тебе присущими задачами. И никто из нас не знает, какие у кого из нас роли в этом вечном спектакле бытия. Меня всегда раздражает, угнетает то, что я не знаю, для чего я предназначен. Я не умею, и не хочу соглашаться с тем, что мне не нравиться, непонятно. Я хочу знать конечную цель своего бытия. Я хочу все знать сегодня, сейчас, здесь, или я не хочу быть вообще.

- Но ты сам противоречишь себе. То говоришь, что мы разные, мы божества, а сам хочешь знать точную программу своего бытия. Я думаю, что в деталях даже нам Отец не ставил такую задачу, иначе было бы заранее известно, что Адам, Ева или их дети будут такими-то и такими. Проживут по, столько-то лет, произведут по столько-то детей. То есть надо было бы расписать все по дням и часам. Ты хотел бы такую жизнь? И чем бы ты тогда походил на Отца нашего? Ответь мне, чем?

Слова и мысли, которые я говорила Адаму, пришли в мою душу сейчас. Я как бы опять находилась во вселенском потоке информации. По телу волнами прокатывались мурашки. Я чувствовала какое-то особое вдохновение - когда все ясно. Я почти не задумывалась, что сказать, и как сказать. Мысли сами находили себе слова и примеры.

В какое-то мгновение я заметила, что Адам как бы подключился через меня к этому невидимому потоку. Он вздрогнул, его глаза ожили. Он как бы увидел что-то доселе не видимое, но знакомое, внутри своей души – вспомнил?

- Спасибо тебе, Ева, какая ты умница. И действительно, если бы все было нам известно заранее, то зачем дальше и жить. Можно сразу умирать. Знаешь, я почему-то никогда об этом не задумывался. И все-таки так хочется заглянуть в будущее.
- Милый, ну зачем заглядывать в будущее?- не выдержала я. Может быть, ты это будущее сделаешь еще прекраснее, чем было намечено. Будем трудиться, учиться, совершенствовать все вокруг нас, будем совершенствоваться и сами, если даже не будем желать этого. Мы должны быть беспредельно благодарны Отцу нашему за то, что он не ограничил нас в свободе помогать другим. Помогая другим, мы помогаем себе стать более совершенными, а совершенство сокращает путь души к вечности. Ты же замечаешь, что когда учишь своих друзей, как удобнее доставать плоды, то ты и сам незаметно что-то открываешь для себя новое.

Я видела, как вы с обезьяной раньше палкой сбивали груши, а вчера ты подобрал палку с загнутым корнем, и когда вы ее бросили, она зацепилась за ветку. Гоша потянул за палку, вместе с палкой потянулась и ветка. Ты ухватил ветку и вместе с помощником вы, хохоча, быстро оборвали все плоды. Вы перестали плоды сбивать.

Теперь вы додумались загнутым концом зацеплять ветку и подтягивать ее к себе. Теперь плоды не падают на землю и не разбиваются, как раньше. Вы приносите их домой целыми, и они долго сохраняются. Адам довольно улыбнулся.

Глава 13. Адам и Ева погружаются в транс. Виденья Евы.

Отче, вот в таких заботах и проходит наша жизнь на Земле.

Но чтобы, Отче, ни делала, где, бы ни находилась, я всегда думаю только о Тебе, я всегда спрашиваю, как мой поступок, или мысль оценишь Ты. Поэтому я всегда чувствую себя защищенной, уверенной и каждый свой поступок считаю правильным, потому что прежде чем что-то сделать я всегда советуюсь с Тобой и только когда Дух Твой, который я постоянно ощущаю, одобряет меня, я начинаю действовать. Когда я советую Адаму поступать так же, он отвечает, что меня приучили в Эдеме с первого дня сотворения во всем советоваться, всем задавать вопросы и получать ответы. Говорит, что я росла свободной, и мое стремление к знаниям всячески поощрялось, что я более способная к знаниям, что во мне Ты, Отче, осуществил все, что было не доработано, не учтено в нем.

- Я был первый, меня слишком любили и оберегали даже от знаний, от всякого перенапряжения. Боялись, как бы со мной ничего не произошло, боялись «потерять». Сейчас здесь, на Земле, я понимаю, что произошло, даже худшее, нежели то, чего боялись. Из первого я превратился во второго.
- Адам, зачем ты так говоришь о себе? Я не претендую ни на власть, ни на первенство. Мне приятно быть всегда рядом с тобой. Пожалуйста, повелевай мной. Ты умный, сильный, ты все умеешь. Ни в Эдеме, ни на Земле, нет существа равного тебе ни в чем.
- А Учитель?- вдруг вспылил Адам, ты всегда у его ног стояла на коленях. Ты всегда говорила ему такие похвалы, которых я и придумать не умел. Ты всегда целовала ему ноги и руки, а слезы восхищения из твоих глаз лились такими ручьями, что в них можно было искупать стадо слонов.
- Но он Учитель, он свет, он дух. Он давал нам знания, он обучал нас всему. Мы даже не знаем, кто Он, наш Учитель. Мне всегда казалось, что это наш Отец принимает облик Учителя, чтобы не опалить нас своим сиянием. Адам слушал меня со спокойным равнодушием, размышляя о чем-то своем.

Вдруг он замер и приложил палец к губам, давая знак, чтобы я замолчала. Так он стоял долго, с закрытыми глазами и поднятым к небу челом. Его губы что-то неслышно

шептали. Я ничего не могла понять и только с удивлением ждала, что произойдет в следующее мгновение. Адам так же неожиданно открыл глаза, посмотрел на меня невидящим взглядом, как будто увидел меня, и все, что его окружало сквозь невидимую мной завесу времени.

- Я вспомнил, я все вспомнил. Я вспомнил, где его видел, знаю ... Он, один из тех...

Учитель, Учитель...

Я вспомнил его сан, его имя.

Я поняла, что Адам находится в состоянии озарения, что сейчас он способен увидеть и осознать все, что с ним было еще до состояния Адама - человека. Сейчас ему нельзя мешать, нельзя прерывать его связь с потоком пространства. Но я также знала, что через очень короткое время он ничего не сможет вспомнить и объяснить из того, что ему сейчас открыто.

Как он смог подключиться к потоку пространства? Это могло произойти только с позволения Духовного Совета. Я не должна пропустить ни одной детали, ни одной интонации из его трансляции, ибо сейчас говорит не Адам-человек, но Адам-дух.

- Ты, брат мой. Ты первый, который до меня. Ты путь, истина, Ты Кристос-Кристос... учитель, ты Кристос.

Я смотрела на Адама затаив дыхание. Во мне тоже начали мерцать какие-то проблески воспоминания. Пересиливая себя, чтобы не соскользнуть в поток вечности вместе с Адамом, так как потом ни он, ни я не вспомним ничего того, что проходило перед нашим сознанием на бессознательном уровне. Не сможем перевести на уровень сознания, не сможем придать всему форму, образ, найти слова и понятия, равнозначные материальному миру. Это можно только переживать, как мелодию, как пение птиц, как игру солнечного света в облаках, как наслаждение от молитвы: откровение истины есть, а слов и сравнений для объяснений нет — только слезы и восторг. Я своими глазами старалась удержать широко открытые глаза его. Мне хотелось увидеть, уловить, ощутить то, что сейчас воскресало из его подсознания перед его внутренним взором. Он говорил что-то шепотом, я ничего не могла уловить из того, что он видел.

- Отче, взмолилась я: «Я хочу знать, что знает он, хочу видеть его глазами, как…»
 - Отче, громко воззвала я.

Глаза Адама полуприкрылись, по лицу пробежала гримаса страдания, он побледнел, улыбнулся, и его голос зазвучал спокойно и четко.

- Кристос, - Адам увидел кого-то перед собой. Его лицо озарилось светом счастья.

Он даже рванулся вперед, чтобы обнять кого-то, невидимого мне, но дорогого и любимого Адамом.

- Учитель, ты Кристос. Так мы Тебя звали. Кристос, Поток Любви, Поток Света.

Слезы оросили лицо Адама. Он упал на колени, и все, что происходило в его видящей душе, изливалось через его чувства, эмоции.

- Ты прошел все испытания, твоя вера вознесла тебя, ты в Свете, ты сам Свет ныне. Ты - богоподобный Сын. Я ныне звероподобный человек.

Таким я его не видела. Это не был Адам. Передо мной было другое, не понятное существо, со своим неизвестным мне прошлым, может быть, божества, может быть такого же Учителя, каким я восхищалась в Эдеме.

Передо мной страдало древнее, как сама вселенная, существо, которое вдруг, неизвестно почему и зачем вспомнило часть своей вечной жизни, наполненной взлетами и падениями.

Я подумала, что наверно и мне есть, что вспомнить, есть от чего содрогнуться.

- Отец, Отец, - стонал Адам.

Позволь мне, испытай меня еще раз. Освободи меня от этой опостылевшей плоти. Я справлюсь, Отец...

- Кристос, брат, поручись за меня. Я молю, я заклинаю.

Лицо Адама побагровело, голос срывался, мысли путались. Он вновь заговорил быстро и непонятно. В уголках губ появились розоватые пузырьки.

- Кристос..., - безнадежно взывал Адам и обессилено повалился на землю.

Искаженное мукой лицо стало серым. Его большое тело, казалось, прилипло к земле, в распахнутых глазах отражалось заходящее солнце, дыхание жизни замерло в затихшей груди.

Мне показалось, что остановилось солнце, замерли в полете птицы. Все остановилось вместе с дыханием Адама. Я не могла понять, где нахожусь; на земле, в небе, или между ними.

- Отче...Отче... Отче, - молило сердце, - где он? Он ушел из своего тела. Верни его, Отче. Я не могу остаться без него. Я хочу быть там, где он.

Мысли потеряли связь, передо мной проносились картины жизни в раю и на Земле. Я видела все как бы со стороны.

Адам, мне нужен Адам. Без него зачем мне, Отче, жизнь. Я даже не стала матерью. Мы ничего не исполнили, Отче, из того, что ты завещал нам. Мы ничего не успели, Отче...

Меня поглотила тьма безразличия. Я не понимала, живу ли я, дышу ли, или я тоже покинула свое тело и плаваю в какой-то непонятной, тошнотной, бездыханности. Мое тело медленно проваливалось куда-то вниз, в какой-то обволакивающий, засасывающий холод безвозвратности, вечного безразличия и равнодушия. Казалось, душа моя оцепенела вместе с телом, и я уже никогда не увижу солнца, неба, и только вечно буду падать в этой тьме, не ощущая ни верха, ни низа, не осознавая, где я и кто я.

Мне хотелось взывать к тебе, Отче, я напрягала все силы, чтобы произнести хотя бы один звук, хотя бы одно только слово «Отче». Но все поглощала пустота. Я как бы отделилась от всей вселенной и только падала, падала: тьма сгустилась, она сдавливала меня со всех сторон, сжимала. Я не могла вздохнуть. Казалось, что даже мысль не способна проникнуть сквозь эту кромешную неподвижность. Мне хотелось рыдать, меня охватило отчаяние, что я не в силах взывать, к Тебе, что Ты не слышишь меня. Но я звала и звала Тебя беспрерывно. Я молилась в себе, и я стала ощущать свою молитву, я услышала в себе ее, Отче. Ты услышал меня. Ты, который во мне, который есть - Я, который есть все.

Я узнала, мне открылось, что нет такого места во всей вселенной и за ее пределами, даже в самой кромешной тьме, в пустоте, где бы Ты не услышал нас, в теле мы или вне тела. Ибо молитва – это не слова. Молитва – это намерение, вера, надежда, стремление, ставшее вибрацией благоговения пред Тобой, Отче.

Я увидела, как ниже меня во тьму медленно погружается крохотная искорка света.

Моя душа напряглась, замерла.

- Отче, это Адам, это его душенька, Отче. Я с ним, я за ним, я догоню, я спасу его.

Я напрягла все силы, чтобы понестись молнией, догнать и схватить этот мерцающий, трепещущий светлячок. Но тьма сомкнулась, стала непроницаемой и как бы даже оттолкнула меня, остановила, а искорка уходила и уходила в бездонную тьму.

- Отче, - рыдала я, - Отче, пусти меня к нему, Отче.

Тьма на мгновение распалась, стала, как вода, и я ринулась вниз. Но чем глубже опускалась я, тем гуще становилась тьма. Я извивалась, как червь, пытаясь скорее догнать мерцающий пузырек света.

Вот он уже рядом, еще расстояние в один палец и я схвачу его. Еще, еще, расстояние в одну ресничку. Светлячок замер, остановился, но остановилась и замерла я. Тьма настолько сгустилась, настолько окаменела, что я не могу пошевелиться. «Ну и ладно», - обессилев, подумала я.

Спасибо тебе, Отче, теперь мы рядом, теперь мы вместе. Теперь нам не страшна

никакая вечная тьма.

Я напрягла последние силы, чтобы еще хоть на волосок приблизиться к родной душе. И в это мгновение я увидела Тебя, Отче, твое сияние, как когда-то в раю. Это было как блеск молнии, как протянутая Тобой рука.

Тьма на миг ослабла, и я почувствовала, осознала, что эта искорка жизни, которая было так близко и так недосягаемо далеко, завибрировала, задрожала: такая маленькая и оцепеневшая от ужаса и одиночества, прижалась, приросла к моей душе.

Я замерла в неподвижной невесомости, а затем, вздрогнув и как бы перевернувшись во времени, и ощутив верх, стремительно понеслась ввысь, к невидимому солнцу, к свету. Жизнь врывалась в наши души, пронизывая, колола, оживляла каждую клеточку, каждый атом, вибрировала, трепетала, свистела и звенела в ушах пронзительно и радостно.

Слезы счастья растворили тьму, свет озарил пустоту, и я увидела, что вместе с нами ввысь понеслись еще сотни и сотни светлячков. Они вырывались из всколыхнутой нами бездны, и радостно устремлялись к свету, обгоняя нас.

- Отче, чьи это души, откуда они, и почему они здесь в этой бездне? Спасибо Тебе, что Твой Свет помог им вырваться к жизни.

Но сколько их еще там осталось, и когда настанет их черед.

Мне казалось, что густота этой тьмы – это слезы покаяния тех, оцепеневших от ужаса душ, которые еще остались отмаливать, отрабатывать, исправлять то, что исполнили плохо в своих прежних житиях.

- Отче, направь нас, подскажи нам, как лучше выполнить нашу работу, здесь, сейчас, чтобы порадовать Тебя, нежели потом исправлять все там, где мы сейчас были в гостях. Отче, подскажи тем, которые остались там, благослови их, Отче, надежду на искупление, прими, Отче их покаяние. Но пусть, Отче, будет на все только Твоя святая воля, ибо Тебе известно все то, о чем даже не догадываюсь я.

Я знаю, что Тебе за их страдания еще больней, чем мне. Знаю, что вместе с ними страдаешь и Ты, ибо в каждой душе безвинно страдаешь и стонешь, Ты, Отче.

Я открыла глаза. Вечерние звезды мерцали в темно-синем прохладном небе. Надо мной склонилась Лея.

- Что с вами Ева? – тревожно спросила она.

Мы уже давно не можем привести вас в чувство. Вы в каком-то трансе. У вас не было дыхания. Вы оба холодные, как рыбы.

«Адам, что с Адамом?» – была моя первая мысль. Я хотела подняться, но тело мое не повиновалось. Я была бессильна пошевелить даже пальцем.

- Успокойся, - Лея положила свою руку мне на грудь. Когда мы нашли вас, то

подумали, что уже никогда не услышим вибрации ваших сердец, что дыхание уже никогда не войдет в вашу грудь.

На, выпей, это сок кактуса, он быстро восстановит ваши силы.

Лея приоткрыла мои губы, несколько капель горьких, как полынь, обволокли мою гортань приятным холодом. Я сделала глоток. Жидкость наполнила пересохший рот.

- Фу, какая горечь, хотела сказать я, но не смогла. Вместе с горечью по телу потекло тепло. Оно заполняло грудь, диафрагму и покатилось по ногам, к пальцам.
 - Спасибо. Аа.. Адам, как Адам, прошептала я.

Лея улыбнулась: «С Адамом все нормально. Он спит».

Подошел Ур.

- Вам необходимо успокоится, отдохнуть. Я думаю, что скоро вы сможете вставать. Но сегодня мы за вами должны присмотреть. Он погладил мою руку. Я, как сквозь сон, слышала его последние слова.
- Отче, спасибо Тебе за все, и за этих прекрасных братьев, которых Ты нам дал, и за урок, который я сегодня получила.

Тепло благодарности и покоя разливалось по моему воскресающему телу. Я чувствовала, как кто-то взял меня на руки, и я спокойно поплыла по ласковым, теплым волнам сна.

Глава 14. Сынами Создателя не рождаются - ими становятся. Отче, пусть будет на все только Твоя воля.

Пелена спала с моих глаз, голубизна небес заполнила все пространство. Небо внизу, небо вверху, слева, справа, всюду небо и я медленно, как маленькое одинокое облачко, плыву по этой сияющей лазури. Я не ощущала тела, я не ощущала ничего, я просто одинокий дух среди пустоты.

Мне жутко, Отче, как страшно оставаться одной в бескрайней вселенной. Я не ощущаю никакой опоры. Где мое тело, где моя душа? Мне кажется, что я блуждающая мысль, слово, первозданный дух, ищущий опоры, хотящий видеть, слышать, осознавать себя. Хотящий отдавать себя, дарить себя, хотящий разделить себя на многих, хотящий заполнить любовью все необозримое пространство. Раствориться, но не быть одним, не быть одиноким. Быть кому-то нужным, кому-то служить.

И появилась тень, и тень отразилась в свете, и увидела я свое отражение в бездне лазурного света. И узнала я, что не одинока, и увидела я себя среди нашего Эдема. Также спокойно журчала река посреди рая. Так же чудесно благоухали

белые лилии на голубой глади озера. Я искала глазами наше любимое Древо познания добра, но его почему-то не было на том месте, где оно возвышалось когда-то посреди рая. Вместо него уходило вершиной в холодную тьму космоса, одинокое без плодов и цветов древо вечной жизни.

И почудилось мне, что древо вечной жизни поглотило ради себя древо познания добра, и исходил от него пугающий леденящий душу холод пустоты. И увидела я, что нет возле него ни одной пташки, ни одной живой душеньки, что не нужно оно никому, когда не стало рядом с ним древа добра.

И искала я Тебя, Отче, во всех уголках Эдема, и взывала я к Тебе голосом. Но только одинокое, бездушное эхо отвечало на все мои призывы. Ни сияния Твоего, ни ангелов. Осталась только вечная жизнь. Тоска сдавила мою душу. Тень древа, никому не нужной без Тебя вечной жизни, накрыла меня холодным ознобом. Я в испуге открыла глаза.

Ночное небо улыбалось мне дрожащими ресницами, миллиардов звезд. Отче, спасибо, что это был только сон. Спасибо, что я не одна в этой вселенной. Отче, Эдем для меня везде, где есть Ты. Но без Тебя и Эдем наш превратился в осиротевший, всеми забытый, покинутый, мрачный лес.

Несколько дней Лея и Ур ухаживали за нами так же, как и за своими маленькими детьми. Они старались предугадать любое наше желание. Мне было стыдно, что мы доставляем им столько хлопот, но я видела, что заботы о нас с Адамом, хоть и утомляют гаруд, но доставляют им большую радость.

- Мы счастливы, что как-то можем отблагодарить вас за все то доброе, что вы делаете на Земле для всех существ. Мы просто хотим вернуть вам хоть малую частицу любви, которую вы с Адамом даете всем нам,- радовался Ур.

Друзья Адама; белые волки и обезьяны приносили ежедневно столько фруктов, орехов и ягод, что ими можно было бы питаться нам с гарудами десять дней. Милые дельфосы не могли навестить нас и очень переживали. Но с ними мы прекрасно общались, передавая мысли друг другу на расстоянии.

Дельфосы умеют передавать не только свои мысли и читать наши, но и способны свои мысли материализовать: они являлись к нам, как духи, как призраки. Мы с Адамом такими способностями не обладаем. За дельфосами мы соскучились, и когда увидели их эфирные, почти прозрачные образы в своем жилище, то растерялись. Дельфосы рассмеялись, заметив наше недоумение и не то в шутку, не то всерьез сказали, что и не такое умеют.

Через три дня мы с Адамом смогли встать и самостоятельно передвигаться. Я старалась восстановить все пережитое в своей памяти, осмыслить, проанализировать, запечатлеть в своей душе навечно. Для того, чтобы душа помнила, знала, что мы созданы не только для бездумных наслаждений. На нас возложена великая ответственность за все, что мы совершаем каждый миг. Как мы используем свою плоть и дух: приносит ли наша жизни радость всему сущему, или мы являемся источником ужаса и печали для тех, кто рядом с нами, Кто ждет от нас, с надеждой всего того, чего мы – человеки ждем от Тебя, Отче.

Я несколько раз пыталась выяснить у Адама, что с ним произошло, что видел он. Скорее узнать кто такой Кристос. Почему я никогда о нем ничего не слышала? Почему он так горько плакал? Мне хотелось узнать хоть что-то? Где мы с ним побывали? Где эта бездна мрака, кто, те души, которые вырвались вместе с нами на свет и где они сейчас?

При воспоминании об этом месте меня, Отче, охватывает ужас, и слезы отчаяния наполняют душу за тех, которые обрекли себя на бытие в таком месте. Я и раньше не думала, что мы созданы для удовольствий. Сейчас я поняла, что всякое удовольствие необходимо заслужить, что энергия, которую мы используем всеобщая. Иногда она забирается нами бездумно у кого-то, кому она была предназначена. Забирая чужое, мы отбираем у кого-то его часть бытия. Кто-то лишается нормальной жизни, которую, Ты, Отче, подарил ему. Забрав сегодня света, незаслуженно много, завтра, мы можем оказаться в кромешной тьме, как те, которые еще остались в бездне.

Когда я вновь заговорила с ним, он как-то дико посмотрел на меня, отдернул свою холодную руку из моих рук.

- Зачем ты это сделала? – сказал он отчужденно, глядя куда-то в сторону.

Я не просил тебя. Я не хочу никому причинять боль, но всегда являюсь причиной чьих-то страданий. Мне казалось, что наконец-то я избавлю всех от своего неудачного присутствия. Ты все испортила. Мне представилась возможность искупить что-то, чего я никак не вспомню, не осознаю, но что мешает мне принимать бытие так, как принимаешь его ты. Сейчас я уже не могу любить жизнь так, как воспринимал ее в Эдеме. Или эта Земля еще не пригодна для меня, или я не готов вместить ее в себя. А как приятно было это бездумное падение, это неожиданное избавление от всего и от всех.

Он с укором посмотрел на меня, закрыл глаза и замер, как бы наслаждаясь, воспоминанием пережитого. Я смотрела на него с недоумением. Мне казалось, что он покидает свое тело, и мне вновь придется погружаться в эту мерзкую, липкую гадость, чтобы его капризная душа не упала так далеко, откуда возвращаются, как из небытия. Вдруг между мной и Адамом возник образ дельфоса Атмы.

- Ева, - спокойно произнес он. Приложи свои губы к его межбровью, правой рукой

закрой ему темя. Не бойся, еще денек и вы избавитесь от стресса, - успокоил он меня.

- Атма, что с ним случилось? Объясни мне, пожалуйста, обратилась я к дельфосу, выполняя его совет.
- Я все постараюсь объяснить, насколько это допустимо мне, и насколько доступно понятно тебе. А сейчас сосредоточься, представь, что это твое дитя, которое тебе подарил Отец наш. Что дитя твое страдает от нестерпимой боли. Ты мать, Ева, забери его страдания на себя. Дай ему свою любовь. Я слышала слова Атмы, как его молитву. Они вливались в меня, и я почувствовала, как душа моя переполнилась избытком сострадания и любви, как вибрации из сердца поднимаются к горлу, к небу, и через губы входят в горячий лоб Адама, как они вибрируя идут в темя и мягко отталкиваясь от моей ладони, опускаются в его затылок, проходя между лопатками, устремляются в центр груди, в его поникшую, теряющую свет душу. Его сердце напряженно вздрагивало, наполняясь кровью и медленно выталкивая ее в раздувающиеся артерии, с трудом гнало по каппилярам.

Мне показалось, что там, в бездне, его душа светилась ярче. Сейчас, она напоминала мне далекую звезду, закрытую облаками, которые то густеют, то редеют, закрывая то одну звездочку, то все небо, заполненное мерцающими созвездиями.

В такой миг небо гаснет, чернеет, и кажется, что жизни нигде нет, есть только мрак и небытие. И если в такое время родится на свет новое существо и увидит, и ощутит только тьму и холод, и тишину; его охватит ужас и отчаяние. Может быть, и наши блуждающие души появились там в такой миг затмения, в миг покоя. Там для нас другие вибрации, другое, не воспринимаемое нами время и пространство. Я с радостью увидела, что душа Адама серая и сморщенная, розовеет, принимает свое естественное бело-голубое сияние, распускается, как бутон розы, вздрагивая лепестками.

- Теперь не тревожь его и постарайся больше ни о чем не расспрашивать. Не пытайся узнать, то, что еще закрыто от вас временем. Это, Ева, не тайна. Всякое знание должно прийти в нужное время. Тогда оно полезно, а знание, полученное прежде, чем оно может быть использовано, приносит разочарование, и будет надолго проклято тем, кто его неправильно использовал.

Лоб Адама стал прохладным, сердце уверенно держало спокойный ритм. Я бережно опустила его голову на подстилку. На его лице проступил румянец, губы улыбались.

- Не напоминай ему больше о том, что с ним произошло. Это может ввести его в длительную депрессию. Постарайся чаще беседовать с ним на приятные для него воспоминания, - посоветовал Атма. Он никак не может отвыкнуть от Эдемских

привычек. Труд, забота о жителях Земли, его раздражают и утомляют. Для него это неприятное испытание, против, которого он всячески восстает. Он считает, что, то доверие, которое вам оказал Создатель, непосильное для него бремя, наказание. Наказание. Он готов спрятаться где угодно, затаиться, раствориться, только бы оставили его в покое, позволили заниматься тем, что приятно ему.

Адам - это личность, которую создал, сформировал долгими упорными стараниями весь Эдем. И теперь, ни в Эдеме, ни на Земле, нет сил, которые смогли бы изменить эту личность. Он создан для господства самим Творцом по образу и подобию. Он познал любовь всего Эдема. Теперь он требует, чтобы его так же боготворила вся Земля. Девиз его души – «Все для Адама, Адам для себя». Теперь только долгие и строгие испытания могут эту личность направить на сострадание, на путь служения Тому, частью Кого мы все являемся. Через слезы и страдания, он обязан осознать, что Сынами не рождаются, Сынами становятся, когда научатся покоряться. Сынами становятся не для того, чтобы повелевать силами для своих прихотей, но для того, чтобы направлять силы во благо, созданному, Творцом нашим. «Божество» – это слуга, без права на собственное «я», без права называться личностью. Всякое «божество» это страсть, покорившая себя и посвятившая себя трепетному, вечному служению своему Создателю, без мысли о награде. Девиз этих душ: « Отче, пусть на все будет воля Твоя». Эти «божества» управляют Силами космоса. Они как бы, руки, ноги, глаза, уши... Того, кто все создал. Мечта всякого осознавшего себя, заслужить место рядом с этими бескорыстными слугами, - закончил дельфос.

Глава 15. Ева вновь посещает Рай в Эдеме. Ева раскаивается о шутке над ангелами.

Свой сон об Эдеме, я рассказала Гарудам. Они с удивлением посмотрели на меня.

- Ева, твой сон – это не сон - это явь. Мы просто не хотели огорчать тебя. Но ваш рай уже давно не тот. Рай, который ты знала, в котором прошли твои лучшие счастливейшие дни.

Сейчас он покинут всеми, его уже давно не охраняют ангелы. Ограда разрушилась. А маленький, прозрачный купол, который был над ним, и который подбросил тебя на наши спины, тоже исчез, растворился. Ваш Рай пуст, открыт; нет ограды, нет купола. Можешь побывать там в любое время.

- Сейчас, немедленно, в этот же день и час, взмолилась я.
- Но почему вы столько молчали, почему вы нам с Адамом ничего не сообщали?
- Я тебе уже ответила, что мы не хотели вас огорчать. А после того случая, когда ты так долго болела, ударившись о купол который был над Эдемом, мы вообще старались к этому месту не приближаться. Мы оказались там совершенно случайно, и сначала не поняли, что это ваш первый дом, ваша Родина.
 - Так вы опускались в Рай, вы видели его?
 Лея, так звали Гаруду, недоуменно посмотрела на меня.
- Да, мы там были, пили воду из того пруда, о котором ты нам рассказывала. Мы ели огромные белые цветы, растущие в этом пруду. Они сладкие, как нектар и пахнут лилиями.
- Это и есть водяные лилии, объяснила я. Я как бы наяву увидела свой Рай. Перед глазами полетели картины из прошлого.
- Милая Лея, отнеси меня туда немедленно, иначе я сейчас побегу туда сама. Где это, далеко?
- Успокойся, погладил меня своими маленькими руками, которые находились у гаруд под крыльями, Ур, супруг Леи. Мы только накормим Мику и Юкка орешками и скоренько отнесем тебя в твою мечту. Это совсем близко, вон за тем холмиком. Ур приподнял крыло и показал своей перепончатой, как у гуся ручкой, на восток. Не успеет солнце подняться и до четверти неба, как мы уже будем там, а к полудню возвратимся.

"Какой он всегда добрый и внимательный, этот Ур, - с благодарностью подумала я. Стоит только подумать о чем-то, а он уже уловил мою мысль и готов исполнить. Был бы Адам таким же. Но Адама необходимо долго просить, подбирать интонации, заглядывать преданно в глаза, и на какое-то время как бы забыть о своей просьбе, потому что о ней забудет он. И только потом, осторожно напомнить ему, как бы невзначай, вновь свою просьбу. В такие минуты Адам напоминает мне ленивого, объевшегося смоквы кота, самодовольного, высокомерного. Любую, незначительную свою обязанность он выполняет, как вселенскую жертву, которая стоит ему больших усилий. Поэтому я стараюсь все делать сама, или прошу кого-либо из друзей. Да их и просить не надо. Они сами стараются предугадать любое из наших желаний".

- Давайте, я помогу вам, - предложила я Лее.

Втроем; Лея, Ур и я быстренько накормили детишек, и они тут же уснули, положив пушистые головки друг другу на спины. Ур поцеловал каждого в закрытые глазки, укрыл лепестками настурции, и мы бесшумно покинули жилище Гаруд.

Я сидела на спине Ура, держась руками за его теплую, сильную шею. Лея летела

чуть повыше, прикрывая нас своими широкими крыльями, от горячих солнечных лучей. Мне хотелось, чтобы Ур летел быстрее и я инстинктивно била пятками по его могучей груди.

Ур уловил мое настроение и его раскатистый клекот понесся под поднебесьем, как весенний гром. Птахи поменьше уважительно ринулись вниз, к земле, освобождая путь царям небес.

- Ева, успокойся, - рокотал его голос, быстрее мы не полетим. Лея сейчас – кормящая мать, и ей еще трудно летать быстро, ниже облаков, а подниматься выше нельзя; там холодно, она может застудиться, и у нее пропадет молоко.

Мне стало очень стыдно, за свою несдержанность, торопливость. «простите меня, милые братья», - взмолилась я.

- Я все понимаю, - успокоил меня Ур.

Мы мчались под самыми облаками. Временами нас обволакивали теплые потоки пара, и мы становились мокрыми, но я почти ничего не чувствовала. Я всматривалась только вперед и вниз, где проплывали ручьи, озера; на поляне резвились длиннохвостые динозавры. Их рев доносился даже сюда. Ур начал снижаться, он как бы проваливался, резко падая вниз. От этого у меня замирало дыхание. Ур, замедляя полет, начал кружить, снижаясь и выискивая место, где можно было бы сесть, не задев своими огромными крыльями за деревья. Я всматривалась в быстро мелькавшие поляны и деревья, стараясь увидеть свой Эдем с высоты. Я бы его узнала сразу, почувствовала сердцем. Неожиданно Ур резко устремился вниз, сложив крылья. Он мягко опустился на траву и пробежав несколько шагов остановился, придерживая ступни моих ног своими цепкими, горячими руками. Потом он слегка пригнулся, и я спрыгнула на землю, покрытую густым ковром пахнущего прохладой темно-зеленого мха. Через мгновение рядом с нами грациозно и бесшумно опустилась Лея.

Мне не терпелось поскорее оказаться в раю. Я не верила, что Эдем здесь. Мне хотелось, чтобы Ур и Лея ошиблись и показали мне совсем другой, похожий на наш рай сад.

Я всматривалась, стараясь в каждой группе деревьев угадать рай.

- Где же Эдем, где Рай? с нетерпением обратилась я к Уру.
- Вон, справа. Ур показал глазами на рощицу, посреди которой чуть возвышались два ветвистых дерева, похожих на баобабы.
 - За этими баобабами? уточнила я.
 - Те два больших дерева как раз и находятся посреди Рая, пояснил Ур.
- Это наш Рай? Ноги сами понесли меня вперед. Я уже не помню, когда мне приходилось бегать с такой скоростью, с такой легкостью. Мне показалось, что моя

душа, мое райское тело опередило на много мое земное тело, потому что сначала я увидела Рай как бы с высоты полета птиц, а потом уже прискакало мое плотное тело и тяжело задышало. Я растерянно осматривалась по сторонам, остановившись под двумя баобабами.

«Надо успокоиться, не надо торопиться, сразу все узнать», - уговаривала я себя. Но это конечно не Эдем, это конечно не Рай. Там все было совершенно по-другому. Я присела на упавшее сухое дерево, закрыла глаза.

Отче, - позвало мое сердце, подскажи мне, успокой меня. Слезы отчаяния сдавили мое горло. Вдруг душа моя вздрогнула, по телу побежали мурашки. Душа как бы выглянула из моего тела, и неуловимо нежный запах чего-то знакомого и желанного наполнил мои ноздри, защекотал небо, опустился в горло, грудь, проник в глубину души.

Отче, так пахли только плоды с «Древа познания». Я явно ощутила даже их вкус и ароматный необъяснимый нектар полился по моему горлу. Мои глаза приоткрылись, и сквозь полуприкрытые ресницы я увидела любимые мной заросли лилий, где мы любили прятаться с Адамом в полуденный зной. Где мы мечтали о самостоятельной жизни на Земле, и где не оставляли нас в покое всевидящие ангелы.

Неужели это не сон, неужели это наш Эдем, наш Рай?

Я подбежала к лилиям, прижала белые бутоны к губам. Их аромат, их нежная прохлада вошли в мою плоть далекими воспоминаниями, и мне показалось, что сейчас ангелы окликнут меня, проводят на занятия в зал знаний. Где усадят на коврик из мягкой душистой травы в позу лотоса под «Древом познания». Я бережно поцеловала благоухающие бутоны, бережно погладила упругие в золотых узорах распустившиеся белые цветы.

Может быть, я увижу и ангелов, - с надеждой подумала я и обернулась. Я замерла от неожиданности, с поднятой к небу головой и открытым ртом. В десяти шагах от меня возвышались Древо познания и Древо вечной жизни. Под ними я плакала всего несколько минут тому назад и не узнала их. Я не верила, своим глазам. Как жаль, что я ничего не сказала Адаму. Как обидно, что я не позвала его с собой. Каким счастьем было бы для него оказаться вновь в Эдеме. А может быть и к лучшему, что сначала все исследую я, подготовлю его, а потом сделаю ему такой грандиозный подарок, который не мог и во сне присниться ему.

Я обняла Древо познания и прижалась щекой к его шершавой теплой коре. Я разговаривала с ним, я благодарила его за то, что оно такое красивое, такое доброе и разумное. Это оно побуждало нас к совершенству, открывало наши глаза на твой мир, Отче.

Я помню, когда первый раз откусила его плод, то он показался мне горьким, как полынь, и я с удивлением посмотрела на Учителя, а он с подбадривающей улыбкой промолвил: «Не торопись, дитя, делать выводы. Знания всегда сначала разочаровывают, потому что мы не знаем, куда их применить, как ими пользоваться».

Не успел он закончить свою фразу, как по моему телу полилось блаженство, душа наполнилась восхищением и благодарностью к Тебе, Отче, за то, что Ты не только благословляешь нам знания, но еще за знания так щедро награждаешь.

Я не заметила, как опустилась на колени, и гладила уходящие в землю корни Древа. Я поцеловала нашу милую Землю, прошептала ей слова благодарности, за то, что она отдает свои жизненные силы всему сущему на ней. Я почувствовала, как волна тепла и радости от Земли вошла в мое тело, как ее вибрации отражаются в моем сердце: «Не славь меня, не благодари меня, поклонись и восславь нашего Отца-Создателя», - отвечала она.

Я ощутила ласковое прикосновение на своем плече. «Ангелы, неужели ангелы», - подумала я... Как мне хотелось сейчас увидеть их, хотя бы на мгновение. Как я за ними соскучилась.

В Эдеме они казались нам назойливыми и нудными со своими нравоучениями и советами. С вечными «нельзя», «не положено», «еще рано», или наоборот, «это необходимо», «это полезно», « мы обязаны за вами присматривать».

Отче, я только на Земле поняла, какие они терпеливые, безропотные и безответные. Только они, Отче, смогли вынести все наши безблагодарные поступки и насмешки, которым мы их с Адамом подвергали. А они покорно сносили все наши жестокие выходки, и никогда не жаловались на нас ни Тебе, ни Учителю. Сейчас я понимаю, что они были нашими настоящими, многотерпеливыми и многопрощающими друзьями. Адам считал их слабыми и трусливыми, а себя смелым и сильным. Но они, наверное, были просто мудрыми и терпеливыми и старались своим поведением, своим примером показать какими должны стать и мы.

Отче, если я сейчас обернусь и увижу пред собой ангелов, я поклонюсь им в ноги, за их доброту, за их бескорыстное служение нам. Я попрошу у них прощение за себя и Адама. За поступок, который терзает меня до сей поры. Ты простил нас тогда, Отче, но я не простила себя, и не прощу никогда, за то, что участвовала в том постыдном действии. Я часто вижу это во сне. Сон повторяется, я просыпаюсь, плачу и потом не могу уснуть до утра, молюсь и плачу.

А ведь мы, Отче, хотели просто подшутить, посмотреть, что из этого получится, хотели научить ангелов быть осторожными. Это была моя идея.

Однажды ангелы в полдень стояли под солнечными лучами, с вытянутыми к небу

руками.

Может быть, они молились, Тебе, Отче.

Мы, в такие минуты предоставлены обычно сами себе. Может быть, им было дано право, несколько минут отдохнуть от наших выходок.

Мы с Адамом знали, на какое время ангелы уходят на «молитву», и решили подшутить над ними. Когда семь ангелов выстроились в ряд и замерли, воздев руки к солнцу, я предложила осторожно связать их между собой длинной лианой, а конец лианы привязать к дереву. Идея Адаму очень понравилась.

- Посмотрим, что будут делать эти умники, - радовался Адам, проверяя лиану на прочность.

Мы подождали, пока ангелы запоют, или «зазвенят», как говорил Адам и осторожно спутали их лианой.

Отче, мы не желали сделать им что-то неприятное, нам просто хотелось посмеяться вместе с ними. Мы знали, что они добрые, хотя пытаются казаться строгими. И еще я знала и знаю, Отче, что Ты читаешь мысли в наших душах, что Ты знаешь, наши помыслы задолго наперед. И если не запретил нам эту шутку, то Ты знал, что мы еще дети, и не совершенны, как совершенен Ты, Отче. Ты позволяешь нам иногда совершать ошибки малые и невольные, чтобы мы учились на них, не совершать ошибки преднамеренно и с умыслом.

Мы затаились в зарослях фиалок, и с нетерпением ожидали «пробуждения» ангелов. Как всегда, они одновременно опустили руки и вдруг замерли-оцепенели. Голубое пламя пробежало между ними по лиане, ударило в дерево, к которому мы привязали конец лианы. В мгновение каждый листик на его ветвях вспыхнул ослепительной молнией, и дерева не стало, оно испарилось.

Теперь от увиденного оцепенели я и Адам. На треск молний и яркие вспышки спешили обитатели Эдема. Все бросились к нам. Все ощупывали, обнюхивали нас, потому, что возле нас пахло молнией и гарью.

- Ангелы, ангелы, закричала я в слезах. Мы сделали им больно. Это мы привязали их к дереву.
- Молчи, Адам зажал мне рот рукой. Мы скажем, что лиана упала на них с дерева сама. Скажем, что мы нечаянно. Я наклонилась над ангелами. Их глаза были широко раскрыты, тела распластались на земле. Я упала ангелу на грудь, я хотела помочь ему дышать. Он был холодным, и каким-то пустым, как-будто из него выпустили воздух.

Раньше я никогда не притрагивалась к ангелам. Они тоже всегда держались от нас на некотором расстоянии. Я знала, что они не такие, как мы с Адамом, что для

других существ они невидимы и не ощутимы. У них нет плотской формы, и сейчас в Эдеме Ты, Отче, сделал их видимыми и слышимыми только ради нас. Ты научил их нашему языку, Ты поручил им во всем помогать нам, оберегать нас от нашего необдуманного любопытства.

Слезы раскаяния за содеянное текли по моим щекам, сдавили горло.

- Адам, что мы наделали? Мы причинили им страдания, нас все перестанут любить, нас больше никто не станет при встрече прижимать к своему сердцу, шептала я сквозь слезы.
- Они сами виноваты, раздраженно отмахнулся Адам. Они обязаны предостерегать охранять нас, а не мы их. Хорошо, что эта шутка произошла с ними, а не с нами. Они отвечают за наши поступки. Мы это сделали не специально, мы не предвидели последствия. Я даже не знаю, что произошло. Нас никто не предупреждал, нам никто не говорил, что так шутить опасно. Больше мы никого и никогда связывать не будем.
 - Давай, об этом расскажем Учителю. Пусть все знают, как все случилось.
- Нет, резко ответил Адам, и в его глазах появилась как бы завеса, разделившая нас. Я не считаю себя причиной их страданий. Это их ошибка, и в следующий раз они будут более бдительными к себе, и более внимательными к нам. Они оставили нас. Представь, что по их упущению это произошло с нами, что на траве валяются не они, а мы с тобой.
- Знай, что у Отца, таким ангелам нет счета, а таких, как я и ты, пока только двое. Береги меня, Ева, и себя, Адам с улыбкой погладил мою голову.

Той завесы, которая мгновение назад была в его глазах, уже не было, но не было в них и тени раскаянья.

- Молчи, жена, - повторил он холодно. Они сами подшутили над собой, а мы просто помогли им в этом; связали их лианой. Сами они до такого бы не додумались, потому что они ангелы и думать им не надо.

В такие минуты, как сейчас, Адам казался мне таким же холодным, как ангел, к которому я притрагивалась. Все, что он говорил, было разумно. Я понимала, что эти оправдания, при желании по правилам рассудка и отсутствии совести можно принять. Но там, внутри самого центра души, Ты призывал меня, Ты робко шептал мне, что Тебе больно, что если я не избавлю Тебя от этой боли сейчас. Потому что сейчас больно ангелам. Если я не открою причину их страданий, то эта боль останется во мне навечно.

Пока будут ставить диагноз, пока проведут анализы, страдать будут все обитатели Эдема. Я поняла, Отче, что если я не помогу Тебе, Который во мне, сейчас,

то не услышу Твоего призыва, стона в следующий раз. А предавший Тебя однажды, способен сделать это всегда. Ужас всколыхнул мою душу, дрожь пробежала по телу.

Отче, как такие низкие мысли могли возникнуть в моей душе, из каких тайников они всплыли? Мне кажется, что так грязно мыслить не способно ни одно из Твоих творений, а тем более я, человек, созданный по образу и подобию Твоему.

Отче, может, Ты нас испытываешь, проверяешь, способны ли мы осознанно причинить кому-либо страдания и получать от этого наслаждение. Нет, Отче, я согласна страдать вечно сама за всех, только бы никто не пострадал, даже мгновения, из-за меня.

Отче, молю тебя, не испытывай меня так больше никогда. Отче. прости меня, если я невольно причинила Тебе боль, причинив боль одному из Твоих созданий, моих братьев.

И заседал «Духовный Совет», и предстали мы с Адамом как свидетели и участники потрясшего всех события. И рассказала я все с согласия Адама, как было, и не убавили мы, и не утаили ничего. Выяснилось, что нашей вины или участия в происшедшем не было, и никто из ангелов не пострадал, а был только стрессовый шок.

Оказалось, что в этот день на солнце были сильные выбросы энергии, и ангелы просто немножко перегрелись. Одному из них стало дурно, он упал и лианой потянул за собой и остальных, а накопившаяся в них энергия нашла себе выход через лиану в дерево, которое мгновенно вспыхнуло.

Но я, Отче, до сих пор чувствую свою вину перед этими светлыми, чистыми созданиями Твоими. Мне хочется быть во многом похожей на них.

Прикосновение повторилось. Я обернулась, и как бы возвратилась из другой жизни. За моей спиной стояли Ур и Лея. Они смущенно и растерянно показали мне на поднявшееся в зенит солнце.

- Ева, ты прости нас, но нам пора кормить наших деток, - смущаясь, заговорил Ур. Мы едва ли успеем вернуться засветло, - закончила виновато Лея.

Я ничего не могла понять, где я и куда мы должны возвратиться.

- Так давайте быстренько покормим их, предложила я.
- Да. Но мы сначала должны возвратиться домой, напомнил Ур.

Я осмотрелась. «Отче, да ведь мы же в Эдеме. Это не сон. Это наш Эдем.

Да, да, - спохватилась я. Почему вы не позвали меня раньше.

Мне стало стыдно и обидно, что я все это время была занята только собой, только своими воспоминаниями, а эти прекрасные существа не решались оторвать меня от моих бесконечных воспоминаний.

Ур протянул мне полную корзину с плодами. Такая же корзина была в руках у Леи.

- Пока ты наслаждалась воспоминаниями, мы внимательно обошли и осмотрели весь ваш любимый Эдем с Уром, - улыбаясь, сказала Лея.

Здесь действительно очень красиво, но сад маленький, а фрукты и ягоды такие же, как и по всей Земле. Вот только яблоки какие-то странные, и запах у них очень необычный. Как понюхаешь, по телу разливается ощущение покоя и счастья, умиротворения. Мы их собрали с дерева, под которым ты стоишь. Нам они очень понравились. Одну корзину мы собрали для вас с Адамом, а эту, - Лея показала на плетенную корзину, у ее ног, наполненную плодами: Мы отнесем нашим деткам. Пусть и они попробуют райских яблочек.

Корзинка, у алых трехпалых ножек Леи, искрилась янтарными лучами.

Отче, так это же плоды с Древа познания. Как они прекрасны. Я вновь ощутила их запах небом, рот наполнился ни с чем не сравнимым нектаром, от одного их вида и аромата.

Ур протянул руку к Древу, приподнялся на цыпочки и сорвал самый искристый, самый аппетитный плод, и с каким-то трепетом протянул мне.

- На, Ева, освежи свои воспоминания. Мне кажется, что этот плод достоин того, чтобы быть посаженным и взращенным в первом саду на нашей земле. Сегодня, когда я поел этих яблок, у меня появилось ощущение, что я когда-то очень давно где-то их пробовал. Чем больше их ешь, тем больше хочется их есть, а в душе всплывают воспоминания прошлого.
- Или мне так показалось, или здесь такая аура, рассуждал вслух Ур. Но нам пора домой, спохватился он.
- Ева, Лея, вы готовы? Ты, Лея, полетишь за мной, чтобы вечерняя прохлада не застудила тебя, и в моем потоке ты меньше устанешь.

Я не заметила, как мы оказались дома. Воспоминания полностью овладели моей душой. Обняв шею Ура, я ничего не видела и не слышала.

Отче, как получилось, что я была в Эдеме, но ничего не увидела? Я просто просидела, как во сне, под Древом познания и Древом жизни. Я даже не попробовала плодов с Древа, хотя их запах и вкус пропитал мою плоть и душу. Такие ли они, как были тогда, или другие?

Ур, отведав яблок, погрузился в воспоминания.

А что будет с Адамом, со мной? Спасибо гарудам, что они позаботились и собрали плодов себе и нам.

Последний плод, сорванный Уром, до сей поры у меня в руках. Мне почему-то жаль надкусывать его, он такой красивый, такой лучезарный; пусть поживет еще. Пусть, еще дозреет. Мы отведаем его вместе с Адамом, а семена посадим на вершине

холма, где я всегда, Отче, приношу тебе свою благодарность в ночи полнолуния, и где журчит, стекая к нашей хижине сладкий, пахнущий мятой ручеек. А может быть эти семена посадить и возле хижины? Когда вырастут наши дети, мы будем обучать их всему, что знаем сами, а в награду за старания и хорошие знания мы будем награждать их этими чудесными, райскими яблоками, рассказывая им, как мы жили в Эдеме. Мы с Адамом постараемся насадить такой же рай для наших детей по берегам ручья или озера. Мы обсудим с ним, как лучше это сделать.

Глава 16. Адам показывает Еве, чему научился в медитации. Ева пытается медитировать с Адамом.

- Ева, ты напрасно думаешь, что медитация мне ничего не дает. Для меня медитация это не только путешествия в пространстве, по другим планетам. Там другая жизнь, другие живые существа. Многое из того, что я там вижу совершенно непонятно. Но иногда встречается что-нибудь такое, чего нет на нашей Земле, но что может и должно быть у нас, что нам будет полезно.
 - Адам, а может тебе это все просто снится? засомневалась я.
- Нет, милая, это не сон. Это реальность, но другая, другой опыт. Эта реальность не спрятана от нас, она существует рядом с нами, она как бы параллельна нам. Нам не надо мучительно что-то придумывать самим. Другие уже придумали за нас: иди, смотри, повторяй, пользуйся.

Отче, Адам сильно изменился. Целыми днями он пропадал то в пещерах, то в лесах; иногда на целый день спускался на дно океана, где занимался медитацией. Когда я расспрашиваю, и зачем ему еще какие-то Силы, если Ты, Отче, и так наградил нас всем, чего только может пожелать любое существо на Земле. Адам криво ухмыляется и отвечает, что ему мало того, чем наградил его Ты, что он хочет кое-чего добиться сам.

- Я хочу остаться человеком, но обладать силами и знаниями божеств. Я это сделаю, и мои дети будут богочеловеками, человеками-богами. Я заполню собой всю Землю, все планеты, всю вселенную, гордо отвечает он.
- Адам, милый, смеялась я. Ну зачем тебе столько детей? Зачем тебе населять собой все планеты? У нас с тобой и одного человека пока нет, а ты хочешь заполнить ими всю вселенную. Отец наш не заповедовал тебе, наполнять собой все планеты. Он сказал: « Плодитесь и размножайтесь и наполняйте Землю», напомнила я. А ты замахнулся на всю вселенную.

- Ева, но Отец и не запрещал нам покидать Землю. Значит, мы имеем право, жить и продолжать себя не только на Земле, но всюду, где я захочу.

А чтобы ты не думала, что медитация это сновидения, я покажу тебе, чему научился у одних из наших соседей.

Адам сел на землю, скрестив ноги и сложив молитвенно руки у груди, и замер. Так он мог сидеть сутками. В это время бесполезно было пытаться с ним заговорить или предложить пищу. Палило ли солнце, лил ли дождь, или дул ветер; тело Адама было, как бы лишено жизни. Мне казалось, что если его толкнуть, то он так и пролежит дватри дня, как чурбан, со сложенными у сердца руками. Когда в такое время, к нему приходили за советом скоты или звери, то они говорили друг другу: «Господина нет в его доме, он где-то гуляет».

Сейчас я подумала: «Адам пошел гулять, я тоже пойду к океану». Мне захотелось увидеть Дельфосов, поплавать, пообщаться с ними. Я не хотела отвлекать мужа от его фантастических мечтаний, хотя я и не приветствовала его долгих отсутствий. Мне не одиноко, Отче, без Адама. Я всегда ощущаю рядом с собой Тебя. Но мне как-то жутко проходить мимо его опустевшего, оцепеневшего тела.

Я повернулась, чтобы уйти. В это время за моей спиной что-то зашуршало, обернувшись, я не поверила, своим глазам. Огромный белый валун, величиной с бегемота, на котором грелась оранжевая, с изумрудными глазами ящерица, вдруг вздрогнул и приподнялся над землей; покачиваясь, он медленно поплыл к Адаму. Ящерица испуганно заметалась, пытаясь спрыгнуть.

Камень замер шагах в двадцати от нас, завибрировав, плавно заскользил над землей, поднимаясь вверх как будто его нес кто-то невидимый, или камень плыл в невесомости, настолько он казался легким. Валун завис на уровне глаз сидящего на земле Адама, как бы ожидая дальнейших указаний. «Это чудо», - промелькнуло у меня в сознании. Я невольно потерла глаза, пытаясь удостовериться, что происходящее мне не снится. Камень по-прежнему висел над землей, в том же месте и на той же высоте. Я скосила глаза на Адама, стараясь не потерять из виду валун. В это время камень легко перевернулся в воздухе и острым ребром встал на землю. «Сейчас упадет», - подумала я. Камень зашатался, как балансирует иногда Адам, стоя на одной ноге с закрытыми глазами, и замер. «Упадет», - опять екнуло мое сердце. Мне захотелось, подбежать и удержать камень, чтобы он не упал, потому что стоял он очень необычно и красиво. Так стоять он не мог. Это противоречило всем законам.

- Не упадет, - сказал Адам со счастливым выдохом. Он открыл глаза, и смотрел на стоячий камень с нескрываемой гордостью. Затем он вскочил и начал скакать вокруг камня, как маленький теленок. Он схватил меня за руку, и мы вместе закружились

вокруг глыбы в неописуемом восторге.

Когда первый восторг утих, я стала кружиться вокруг камня с опаской. Он казался мне живым существом, которое устало стоять и может рухнуть. Валун был выше Адама и если бы упал, то мог придавить нас. Адам заметил мои опасения и рассмеялся.

- Смотри, крикнул он и резко двумя руками, с разбегу толкнул камень в самую верхнюю точку. Камень резко наклонился к земле. Адам отскочил в сторону. Камень не упал. Он раскачивался вправо и влево, упираясь в землю. Адам подскочил и толкнул камень с другой стороны. И вновь камень не упал; покачавшись, он вновь замер. Я правильно установил центр тяжести. Теперь он будет так балансировать сколько угодно, при любом дуновении ветра, но не упадет.
 - Но такого не бывает, Адам, восхищалась я.
- И не такое бывает, вдохновился Адам. Я видел, как силой духа, существа крушат скалы, как они отламывают от скал огромные плиты. А потом из этих плит строят себе убежища от метеоритов. Знаешь, Ева, я построю тебе сад из всевозможных, необычных камней. Ты видела, какой удивительной формы бывают глыбы рубина, изумруда, хрусталя... Некоторые из них напоминают мне фигуры животных, а другие похожи на огромные цветы. Ты покажешь мне самые красивые, самые яркие камни. Я заставлю прийти их к нашей хижине и стать так, как тебе захочется. Я заставлю их подняться со дна океана, и они будут сиять для тебя день и ночь всеми цветами радуги. Только роди мне маленького человечка. Я буду носить его на руках. Я научу его медитации. Мы будем с ним вместе путешествовать по самым далеким мирам. Мне нужен помощник, мне нужен друг, сокрушенно вздохнул Адам.
- Милый, но у тебя же есть друзья среди скотов, зверей. Мы дружим с гарудами, дельфосами. Я твой друг, милый.
- Да, вы все мои друзья, ты, и гаруды, и дельфосы. Но мне нужен друг из меня, такой, как я, чтобы видел мир такими же глазами, как и я. Чтобы он соглашался со мной, чтобы он был таким как я.
 - Адам, я же из тебя. Я такая же, как ты.
- Нет, ты не такая, как я. Ты совсем другая. Ты всегда видишь все совсем другими глазами, чем я. Мне нужно много таких, как я, чтобы они много знали, много умели и чтобы они всегда послушно исполняли мои команды, замыслы.
- Но для этого у тебя есть ящеры, лошади, обезьяны. У тебя десятки послушных помощников, которые с радостью исполнят любую твою команду, убеждала я мужа.
- Да, безнадежно ответил Адам, Они могут только исполнять. А мне нужны такие помощники, которые могли бы подумать, подсказать, как сделать лучше. Таких помощников у меня нет, и их возможно произвести только из меня.

Ты видела, как помогают друг другу обезьяны, муравьи, пчелы? Как послушно они исполняют команды, указания своих родителей, потому что все они друг из друга. Если бы у меня было хотя бы сто человеков, таких, как я, я бы такое на Земле натворил, что ее не узнали бы ни ангелы, ни сам Отец. Я бы все необычное, что есть на других планетах, сотворил на нашей Земле.

Отче, мне так хочется помочь ему, хочется сделать его счастливым. Но у нас почему-то нет детей, нет помощников Адаму, моему мужу.

Адам на мгновение замер, задумался, потом громко и широко, как лев, зевнул, потянулся, и не докончив мысль, понесся к лесу, где гарцевали несколько молодых кобылиц. Увидев Адама, они радостно и тонко заржали. Я знала, что они все в восторге от своего господина, что каждая из них готова хоть целый день носить его на своем крутом крупе.

Лота, белая, как небесное облако, кобылица с серебристой гривой, сорвалась с места и поскакала навстречу Адаму. Ее изящные копыта, казалось, не касались земли. Она не скакала, она летела над землей, трепетно раздувая ноздри, и игриво, задирая голову, с развивающейся по ветру, гривой. Я залюбовалась грацией Лоты. Мне казалось, что это я несусь по ветру навстречу Адаму, что сейчас не Лота, а я прикасаюсь своими мягкими губами к его глазам, щекам, губам.

Из всех лошадей Земли, только у Лоты, на спине красовались два белых, как у лебедя крыла. Я иногда садилась к ней на спину, и она несла меня легко и грациозно, не ощущая моего веса. Иногда, чтобы доставить мне большую радость, она на скаку помогала себе крыльями. Тогда казалось, что мы сейчас взлетим и понесемся к облакам. Я крепче прижималась, к шелковистой шее Лоты, слышала, как упруго посвистывают ее крылья, отталкиваясь от плотных потоков ветра, и, оглядываясь, видела, как все наши подруги-кобылицы оставались далеко позади. А мы с Лотой бросались в холодные воды озера, счастливые, разгоряченные и уставшие.

Сейчас я залюбовалась тем, как Лота, шепнув что-то в ухо Адаму и изогнув изящно шею, несколько раз обошла вокруг него, как бы приглашая к прогулке. Адам опустил руку, на загривок, Лота вздрогнула. Ее большие темные глаза покрылись влагой. Она взмахнула крылами, и, пригнув голову, молнией метнулась вперед. Адам какое-то время бежал рядом, ухватившись за гриву. Еще мгновение, и он в прыжке взлетел на круп кобылицы, обхватив ее живот своими мощными ногами, он уткнулся лицом в ее мягкую гриву. Я почему-то почувствовала себя одинокой. Душенька моя сжалась, стала маленькой, беззащитной, как-будто вместе с Адамом на кобылице ускакал и Ты, Отче.

Отче, неужели Ты никогда не сделаешь меня матерью, неужели я всегда буду

держать на своих руках только детишек моих друзей? Сделай, Отче, так, чтобы душа его успокоилась, чтобы я произвела ему детей.

Я готова на все: готова заниматься медитацией, готова вместе с Адамом обучать ящеров, лошадей, мамонтов. Только бы он не горевал о том, что у него нет помощников. Я даже несколько раз пыталась медитировать вместе с ним. Но как только по его наставлениям я успокаиваю дыхание, закрываю глаза, и выхожу из своего тела. Я сразу же оказываюсь в нашем Эдеме, вижу Твои глаза, Отче, слышу Твой голос. Меня охватывает невыразимый восторг. Из моих глаз непрестанно текут слезы счастья. Я ловлю себя на том, что уже давно сижу с открытыми глазами, улыбающаяся, счастливая, и не способна ни на что, кроме молитвы и радости от встречи с Тобой, Отче. Потом я тихонечко встаю и ухожу, оставляя мужа одного, чтобы не мешать его медитациям. Я знаю, что он уже далеко, далеко от Земли, а может быть, он парит надо мной, и криво ухмыляясь, уносится за новыми знаниями в пространство вселенной. Последний раз он вернулся из своего путешествия раздраженный и разочарованный. «Я ничего не помню или ничего не видел», - растерянно произнес он.

О моих попытках медитаций я рассказывала дельфосу Атме и сокрушалась, что я ни на что не способна, что не умею путешествовать, не умею вырваться, уйти своим разумом за пределы Земли, что я мало, чем отличаюсь от скотов и зверей.

- А тебе это нужно? — удивленно спросил дельфос. Ты уверена, что все, о чем тебе рассказывает Адам, он действительно видел на других планетах? У тебя нет сомнений в истинности его откровений? Тебе не кажется, что это его разум, во время долгого путешествия по своему собственному сознанию проникает в самые далекие, самые сокровенные тайники знания, заложенные Отцом для того, чтобы вы могли пользоваться этими знаниями, когда будете готовы. Тогда эти знания принесут вам пользу, а не разочарование и вред. Ты же знаешь, что если плод кокоса или смоквы сорвать прежде, чем он созрел, то ты не получишь наслаждения от его сладости и аромата, а выплюнешь и скажешь, что этот плод для пищи не пригоден; если ты не ела его прежде. Так и плод знания покажется тебе бесполезным и даже вредным, пока ты не созрела для этого нового знания. Пока вы не научитесь пользоваться нынешними сегодняшними знаниями так же легко, как вы пользуетесь своими руками, ногами и всеми своими органами. Новые знания не срастутся, не смешаются со старыми знаниями, как не смешается мед с соком винограда, пока их не нагреешь и хорошенько не перемешаешь.

Те знания, которые Адам добывает из своего сознания, он не может пока использовать. Для этого ему нужны, новые, другие силы, другие энергии, другие органы. Представь себе, Ева, что мы на спину черепахи прирастим крылья гуся.

Я представила себе такое чудо и рассмеялась.

- Как ты думаешь, принесут ли они пользу черепахе? Облегчат ли они ее существование в глубинах океана? А теперь представь, что эти же крылья Отец подарил кошке.

Второе создание мне тоже показалось довольно смешным, но вполне подходящим, и даже очень симпатичным.

Да, Ева, ты права, - грустно улыбнулся Атма.

Такая кошка будет слишком совершенной. Нельзя одному существу давать много превосходства над другими. Необходимо, чтобы все сообщество Земли развивалось, одинаково, пропорционально. Иначе ушедшие в развитии далеко вперед, могут обижать задержавшихся, отстающих.

- Вот вас, Отец на Земле, выдвинул далеко вперед. Вам дано слишком много. Но вы учителя для слабых, вы защитники и хранители заповедей Отца-Создателя. Вы подобие Его. Вы Его надежда, и ваша цель регулировать отношения мира и равноправия между всеми членами семьи землян, для которой вы сейчас эталон. Под вас устроена Земля, а вы созданы, чтобы согревать и освещать светом любви и знания всю тварь Отца. Украшать Землю, мудростью создавшего вас.

Слова Атмы проникли в меня, как сила, свет. Они заставили меня задуматься. Я ясно представила себе ту ответственность, бремя, которое мы с Адамом обязаны исполнить, по воле Твоей, Отче. Дельфос посмотрел на меня с одобрением. Я почувствовала, как энергия сочувствия вошла от него в мою душу.

Ева, не волнуйся. Вы все делаете правильно, - он лукаво подмигнул. Его глаза засветились добром, он пытался сказать что-то еще о нас хорошее; так мне показалось. Я хотела прочитать это в его глазах. Но глаза Атмы затуманились голубизной, и его мысли возвратились в его душу.

- Атма, а откуда тебе известно, что мы все совершаем правильно? Я думаю, что это может определить только Отец. Или ты решил подбодрить нас? Я старалась проникнуть в непроницаемые, искрящиеся любовью глаза Дельфоса. Но в них можно было прочитать только любовь, только благожелательность. Это все, что я смогла увидеть в глазах Атмы. Все остальное хранилось где-то далеко в глубинах его души и подсознания, куда никто кроме Тебя, Отче, не имел права проникать. Душа всякого создания это жилище Твое, и оно свято. Ты, Отче, хозяин всякой души.
- Ева, это не моя тайна, смущенно произнес он. Не я ее туда спрятал, и не мне ее открывать, даже если я попытаюсь это сделать. Придет время, и ты узнаешь обо всем больше меня.

Мне стало стыдно, что я пыталась опередить события, проникнуть в твои планы,

Отче.

- Атма, прости меня, - попросила я. Я не хочу знать ничего, что для нас пока закрыто. Но кто вы, и зачем вы на Земле. Я знаю, что Отец ничего и никого не создал просто так, от нечего делать. Все сотворено Его любовью, все Ему дорого и все исполняет Его волю. Все служит Ему через служение друг другу; от самой крошечной былинки до самой огромной звезды, вселенной, галактики. Мы все равны перед ним, и не размерами плоти измеряется наша благость, а потоками любви, излучаемыми душой.

Отче, мысли Дельфоса о том, что «только нам, человекам, Ты дозволил самим выбирать путь в вечности бытия» сначала обрадовали и окрылили меня, но потом, мне стало страшно. Всем тварям Земли Ты определил путь бытия. Ты, Отче, для них все устроил. Их не тревожит совесть. Они живут инстинктами, им не ведомы сомнения в правильности своих поступков, по отношению к другим существам — к своим собратьям, к Тебе, Отче. А как быть нам, человекам? Мы обязаны все соизмерять. Прежде чем что-то сказать или сделать нам необходимо тысячу раз подумать: как это повлияет на тех, кто рядом с нами. Мы лицо Твое, мы подобие Твое, для всех, кто знает Тебя, и для тех, кто не осознает Тебя, Отче. «Подобие Твое» - это слишком тяжкое бремя для души человеческой, или я, Отче, еще не готова осознать и принять бремя подарка, бремя света Твоего.

Отче, оказывается, даже свет, даже любовь могут стать бременем для души еще не готовой пользоваться ими для благо своего. Это как раз то, о чем говорил Атма; что мы должны созреть для знания, чтобы оно принесло нам радость, а не печаль.

Сейчас, я не могу понять; радоваться или печалиться нам тому, что Ты даровал только человекам свободу творить жизнь нашу по нами же создаваемым законам, для нас, и для тех, кто под опекой нашей.

Отче, чем больше я размышляю, тем больше сомнения сковывают меня. Мне страшно ошибиться, страшно выбрать из миллиона тропинок, один правильный для человеков путь. Путь, который Ты наметил для нас, Отче. Но путь, этот мы обязаны отыскать сами. И если мы занесем стопу нашу не на ту тропу, никто уже не остановит нас. Лучше бы тропа истины навечно была запечатлена в душе нашей Тобой. Но мы обязаны найти ее с закрытыми глазами в самой непроглядной тьме лабиринтов. И если мы вдруг, оступимся, то поведем за собой все потомство наше. И потомки наши, тропу эту превратят в дорогу жизни для сотен и тысяч поколений человеческих.

О, Отче, а если мы ступим на тропу, которая приведет нас в лабиринты, где мы будем блуждать, и где заблуждения наши покажутся нам истиной? А разум наш откажется признать свои заблуждения, или при всем нашем желании, мы не в силах

будем найти, верного пути.

Укрепи нас, подскажи, милый Отче, путь, по которому мы обязаны привести к Тебе, в свете и благости, всякую душу живую. Ибо если мы ошибемся хотя бы в одной из заповедей Твоих, то может исказиться весь путь, намеченный Тобой.

Самое печальное, что мы можем просто не догадываться, что мы ведем всех в противоположную от истины сторону. Где полусвет или мрак, нам может показаться светом истины. Ибо несовершенны мы, Отче, и мне иногда хочется закрыть глаза от слишком яркого света; передохнуть от потока радости, но потом, когда я открываю глаза, то и не слишком яркий свет кажется для меня достаточным. Где мера всему, Отче? Где мера истине и что есть истина? Дельфосы говорят: «Вы человеки, мера всему на Земле». Но и мы, «мера» изменяемся во времени и пространстве. И если меняется сама «мера», то что же постоянно, вечно, Отче? Дельфосы утверждают: «Вечен и неизменен, по отношению ко всему творению только Творец - Ты, Отче, ибо кто может Тебя измерить и где мера для необъятного?» Если мы человеки и «мера», то только для временного и имеющего пределы земные.

Вот Отче, о чем я хотела сегодня поделиться с Тобой. Разреши, пожалуйста, мои сомнения о предназначении нашем. Направь, нас на путь истины Твоей, будь, Отче, в каждой нашей мысли, в каждой вибрации духа. Не оставь нас, Отче ни на вдохе, ни на выдохе, ни между ними. Пусть Твои желания станут желаниями нашими. Пусть мы исполним Твою волю, Отче.

Отче, если мы «мера» всему на Земле, то будь, пожалуйста, Ты мерой для нас – человеков. Определи нам меру в наших потребностях и возможностях. Определи нам, Отче, границы дерзаний наших, чтобы наши потребности не погубили наших возможностей. Отче, угомони Адама, ибо его мечты, его медитации лишили его покоя. Он желает иметь все сейчас, здесь и немедленно. Отказывается подождать. Он вновь вернулся из своего медитационного путешествия разгневанный.

- Я что-то видел, но ничего не помню, раздраженно сказал он, открыв глаза, после трехсуточного «путешествия». Я просто сидя спал, как гнилой чурбан. Я потерял трое суток, не узнав ничего нового.
- Милый, может быть, ты просто попал в ту часть Вселенной, где ничего интересного для тебя нет, или все еще только зарождается? И почему ты решил, что каждый раз ты обязан найти что-то новое. Может быть, ты устал от этих путешествий? Позанимайся земными делами, попыталась отвлечь я мужа, Вчера, к тебе приходили два черных нага. Они говорят, что их беспокоят какие-то необычные вибрации, идущие из глубины Земли. На поверхности, эти вибрации не заметны, а в глубинах Земли, где наги живут, это что-то новое, что их настораживает. Еще, они

сказали, что за последнее время поверхность Земли остыла, и они просят твоего позволения переселиться поближе, к центру Земли, где потеплее.

Адам насторожился.

- А почему об этих необычных земных вибрациях они ничего не говорили мне раньше?
- Они говорят, что поверхность Земли стала слишком шумной, что за последние периоды на Земле появилось бесчисленное потомство новых скотов и зверей, что тело Земли день и ночь содрогается от звериного рева и топота, и поэтому они уходят поглубже, где смогут спокойно размышлять и предаться благодарственной молитве к Отцу нашему. По их словам, Земля настолько пропиталась мочой и навозом, что им нечем дышать. А если и впредь, скоты и все население Земли будет размножаться так же безудержно, то скоро тело Земли истощится, ей нечем будет кормить ее обитателей, скоты и звери станут голодать или...
 - Что «или»? поинтересовался Адам.
- Не знаю что, ответила я. Они ничего мне больше не сказали. Милый, мне больно смотреть, как они ходят по земле на своем чреве, извиваясь каждой частицей тела по острым, горячим камням.
- Это не я их такими создал, думая о чем-то своем, ответил Адам. Он резко встал, как будто и не сидел неподвижно несколько суток, и потянувшись всем телом, как тигр, легким бегом направился к озеру, еле касаясь травы ступнями.

"Да, ему трудно понять Нага и Нагиню, ползущих к нему за советом, из мрачных, подземных лабиринтов", - подумала я. Отче, но им там нравится. Их тяготит яркий, солнечный свет, пенье птиц, запах роз, веселая возня маленьких медвежат на поверхности Земли. Они просятся опуститься еще глубже в чрево Земли, где нет солнечного света, где мрак и первозданная тишина, где для других существ немыслима жизнь — наступает «нечто», противоположное бытию. Я вспомнила их жилища, в сырых, черных гротах, среди холодных камней, и по моему телу пробежал холод, как будто я вновь опустилась в мрачные, сырые подземелья.

Удивительный Ты, Отче, Ты так устроил все в мире, что каждый счастлив в том месте, где Ты его поселил. И что для одного горько, и несъедобно, для другого подобно меду или нектару. Одно существо отбрасывает что-то, как не нужные отходы. Другое существо подбирает эти отходы, ест и наслаждается ими, как лакомством. Все мы служим, друг другу, все мы через Тебя даруем друг другу счастье, называемое бытие.

Отче, сколько Тебе надо было размышлять, чтобы устроить такой совершенный и многообразный мир? У меня не хватает слов, сравнений, мыслей, чтобы выразить то восхищение, которое я испытываю, любуясь каждым Твоим творением. Ты устроил все

невообразимо просто, доступно, чтобы мы смогли постигнуть мир твой и помогли понять его всем тварям. Твоим.

Глава 17. Дети кобылицы Лоты называют Еву мамой. Дельфос Атма побуждает Еву любить все сотворенное.

Отче, милый Отче, если бы Ты только знал, если бы Ты только видел, какая у нас радость. У Адама родились дети. И какие чудесные, какие восхитительные. Они похожи на ангелов. Не на тех, которые присматривали за нами первое время в раю. А на тех, которые обучали нас пению и танцам. Я так счастлива, так рада, за нас с Адамом.

Это случилось для меня совершенно неожиданно. Я даже не могу пока ничего понять, объяснить. Но для меня главное в том, что счастлив мой Адам. Он носится, как на крыльях, и повторяет только одно: «Ты понимаешь, у меня есть деть – и сразу двое. Понимаешь, два ребенка сразу; первые дети. Но у меня, их будет много, сколько захочу, и каких захочу.

Отче, когда я увидела их в первый раз, то у меня остановилось дыхание от восхищения. Адам мне ничего не сказал о своих детях, и я встретила их совершенно случайно. Это, Отче, мои дети, хотя родила их не я. Но если они дети моего Адама, то они и мои.

Перед этим событием, Адам стал часто куда-то отлучаться, не бывал дома по несколько дней. Для меня это привычно. Я знала, что у него много дел. Земля наша бескрайняя, везде необходимо побывать, все проверить. Не напрасно Адам постоянно говорил о помощниках. А я никак не умею родить ему детей. Я чувствую себя виновной в том, что забота о всех жителях Земли лежит на плечах одного человека.

В этот раз, его не было пять дней. Я соскучилась, мне захотелось найти его и чем-нибудь помочь.

Отче, как жаль, что мы совсем утратили способность общаться друг с другом душами; на расстоянии. Слова, язык, совсем лишили нас способности общаться мысленно. Сейчас мы не в состоянии видеть друг друга на расстоянии, как раньше. Теперь, если я или Адам спрячемся за дерево, то уже в двух шагах не заметим друг друга. А как прекрасно было раньше: Адам мог видеть, что делаю я за сутки полета на Гаруде. Такими же способностями обладала и я.

Но это было в прошлом. Мне кажется, Отче, что Ты лишил нас таких

способностей, чтобы мы чаше были вместе, чтобы мы лучше понимали друг друга, чтобы мы больше сблизились. Потому что сейчас, чтобы пообщаться, нам необходимо быть рядом, смотреть друг другу в глаза, в душу, брать друг друга за руки, гладить и в это время чувствовать, как энергия любви, благодати, из моей души устремляется в душу мужа, а энергия его души, какая-то другая энергия, обволакивает, ласкает мою душу.

Это так приятно, Отче, так радостно, что душа замирает, затихает, и мне кажется, что наши души в такой миг, сплелись, соединились; стали одной душой. Мне хочется войти в его душу или затащить его тело и душу в себя, обнимать, ласкать, целовать.

А раньше, когда мы все знали друг о друге на расстоянии, таких желаний и ощущений у меня не возникало. Мы могли обходиться друг без друга, от зарождения Луны, когда она тоненькая, как коготок котенка, и до той поры, когда она вырастает огромной и багряной, как солнце перед ночным отдыхом.

Я пробиралась сквозь заросли ландышей. Сладкий, дурманящий запах перехватывал дыхание. Впереди меня, перелетая с ветки на ветку, скакала белогрудая обезьяна. Вдруг она замерла, повиснув на ветке на одной руке, и раскрыв рот от изумления. Я тоже остановилась, и у меня тоже наверно открылся рот, как у обезьяны. На залитой солнцем поляне, среди голубых лилий, паслась белогривая, с приподнятыми крыльями, красавица Лота. Рядом, прижимаясь щекой к ее брюху, стояло существо; не то ангел, не то человек, не то жеребенок.

Отче, что это? Лицо, грудь, руки, были, как у меня, как у Адама. Дальше все было, как у лошадей: передние ноги с копытами, круп, задние ноги, и такие же, как у Лоты, белые крылышки, и хвост.

Лота тихонечко заржала, и из зарослей жасмина появилось второе существо: точная копия первого ребенка, или жеребенка. Второй ребенок стал рядом с первым, обняв его шею пухленькой рученькой. Они похожи были друг на друга, как одно солнце, отраженное в двух росинках. У второго в розовых губах красовался белый цветок жасмина.

Я ничего не могла понять, это не человеки, но и не лошади. Кто это такие, почему они такие. Моя душа говорила, что это дети Лоты. Но почему они на половину человеки, а наполовину лошади. Как она их родила таких? До сей поры, я видела на Земле только коров, динозавров, лошадей, ни с кем не смешанных. Никогда не рождались на Земле существа смешанные друг с другом. Никогда рыбы не смешивались с обезьянами, с бегемотами. В моей душе, тоже все смешалось.

А что если завтра я встречу жирафа с человеческой головой, или человека с пастью шакала, или змея с туловищем человека. Зачем это, Отче? Кому нужны такие

существа? Разве до сего дня не прекрасны, не совершенны были творения Твои в первозданном виде, что Ты позволил перемешаться видам и родам.

Кто родитель этих лошадиных человеков; может быть, Лота зачала их от существ с других планет, которые посещают нашу Землю? Или может быть, она так сильно захотела иметь детей похожих на Адама, так сильно молила Тебя, что Ты, Отче подарил ее детям, половину облика Адама. Ты можешь, ты все можешь Отче. Любую мечту нашу, если мы будем просить с верой и надеждой, Ты сделаешь реальной.

Но я знаю и другое, я знаю, что сколько бы мы не просили, Ты, Отче, не совершишь за нас того, что мы обязаны исполнить сами.

Следовательно, Лота не только молила, не только верила, что Ты поможешь ей, но она все делала сама для того, чтобы осуществилась мечта ее. Всякое существо обязано мечту свою осуществить собственными руками. А как это осуществить более совершенно, в этом и есть воля Твоя, Твоя помощь.

Почему они получились человеками с лошадиными туловищами? Кто они; лошади, или человеки? Отче, кто они по плоти, и кто они по духу? Если Ты позволил быть и таким существам на Земле, то на это только Твоя воля. Я буду любить их, как люблю и почитаю все, чему Ты определил место под солнцем.

Но мне их почему-то жаль, Отче, мне за них больно. Мне кажется, что они никогда не станут человеками, но и среди скотов им будет грустно. Они навсегда останутся одинокими.

Высоко в небе послышались голоса приближающихся ящеров.

- Это Адам ищет меня, - обрадовалась я. Вот он сейчас поразится, когда увидит, каких необыкновенных детишек произвела на свет Лота. Он видимо, тоже ничего не знает о новых созданиях.

Ящеры сделали круг над поляной. Самый крупный, на котором восседал Адам, бесшумно опустился на противоположной стороне поляны, устало опустив бархатистые, черные, как ночь крылья. Детишки сорвались с места и что-то выкрикивая, поскакали к Адаму; игриво закидывая задние ноги и покручивая, взмахивая пушистыми белыми хвостами. Адам соскочил с ящера, широко расставив руки, шагнул навстречу жеребятам. Его глаза сияли, он нагнулся, и его мощные руки подняли к своему лицу обоих жеребят.

- Отец, отец, услышала я их радостные крики.
- Отче, шептали мои губы. Почему они называют Адама отцом? Ведь только Ты, Отче, Отец? Ты Создатель и Отец всему.

Мы с обезьяной стояли в зарослях, и муж не видел меня. Но он вдруг почувствовал, что я где-то рядом.

Почему мне Адам ничего не рассказывал об этих новых созданиях на Земле? Кто их родитель? Если они получеловеки, которые похожи на Адама, то все равно у них должен быть второй родитель. Не могла же Лота зачать сама в себе, иначе, я бы уже давно подарила Адаму детей, если бы дети рождались только от желания матери. Ктото должен был подарить Лоте свое семя. Даже древо не зарождается без семени. Лота, как мать Земля, а чтобы земля родила, нужно бросить в нее семя. И какое семя в землю упадет — такое растение и произрастит земля. Не вырастет из семени винограда яблоко: как его не три, как его не подбрасывай, каким концом в землю не втыкай. В любом конце земли произрастет только то, что изначально заложил в семя Ты, Отче. Растение возьмет из земли только те элементы, и в таких пропорциях и комбинациях, какие делают его орехом, фиником, морковью; по цвету, запаху, вкусу...

Отче, да это же дети Адама и Лоты. Это семя Адама, которое выносила белогривая и белокрылая кобылица Лота. Эти конечеловеки – дети Лоты, а не мои. А зачем же Ты, Отче, создал меня? Зачем нужна на этой Земле я, Отче? Зачем я, Отче?

В моей душе все завертелось, замелькало и смешалось. Я увидела все происходящее, как бы со стороны. Душа моя растворилась, куда-то провалилась, потом взмыла высоко, высоко: туда, где звезды. Я увидела Землю маленькой голубой искрой, похожей на одну из пылинок Млечного Пути. Мне захотелось раствориться, стать невидимой, забыть себя навечно, потеряться в бесконечности. Меня заполнила пустота одиночества, своей ненужности бесполезности.

Зачем я Тебе такая, Отче, когда я даже не мать? Отпусти меня, Отче, лиши меня памяти, сделай меня деревом, растением, камнем; просто пространством. Отдели меня от всего сущего. Выбрось меня, Отче, раствори меня, чтобы я окаменела и никогда не вспомнила, кем я была, если Ты забыл обо мне, если Ты разочаровался, сотворив меня. Я не хочу, я отказываюсь называться человеком, называться подобием Твоим, образом Твоим во вселенной. Как я могу быть подобием Твоим? Это неправда. Ты свет, Ты любовь, Ты разум. Ты жизнь, Ты дух животворящий. Ты дарующий жизнь всему.

А что я, Отче? я самое бесполезное, самое никчменное создание. Кто объяснит мне цель моего появления на Земле? Я имею право знать, зачем я здесь. Я никого не просила создавать меня. Я хочу быть нужной, полезной, хочу приносить, как и Ты, всем радость. Только тогда я могу стать подобием Твоим, Отче. Зачем Ты дал мне руки, ноги? Зачем Ты дал мне разум, совесть? Зачем Ты научил меня мыслить, любить, молиться: если я не имею возможностей применить эти свойства? Если во мне никто не нуждается? Даже тень от дерева приносит радость, укрывая от зноя уснувших зверят. Я бесполезнее этой тени.

Небо стремительно приблизилось к моему лицу. Меня как будто выкинуло из бездонного колодца с пронзительным свистом. В глаза ударило яркой голубизной неба. Потом меня как будто бережно опустили на душистую траву. В ноздри проник сладкий запах жасмина. Он наполнил, оживил все мое тело, заполнил душу. Чья-то мягкая теплая лапка осторожно прикоснулась к моим сомкнутым векам. Мне не хотелось открывать глаза, не хотелось дышать. Тело было чужым и тяжелым. Хотелось оставаться в таком обездвиженном состоянии вечно. Не хотелось видеть, слышать, осознавать себя.

Отче, Ты исполнил мои мольбы. Спасибо Тебе. Ты убрал меня с Земли. Ты отделил и успокоил меня. Я не желаю вспоминать, кто я, ибо я не знаю, зачем я. Я не желаю участвовать в бессмысленном бытии. Лучше бессмысленный, вечный сон в небытии, чем бессмысленное бытие. Хотелось возвратиться в тот колодец, из которого меня выкинули неведомые волны, и остаться там навечно, заваленной, раздавленной глыбами, скалами, горами тяжести.

Я осознавала, что плачу; горячие слезы катились по моим щекам. Мне стало пронзительно тоскливо. Нежная, теплая лапка опять прикоснулась к моим щекам, вытерла слезу с сомкнутых век. И вновь, запах цветущего жасмина заполнил мою душу. Глаза приоткрылись сами собой. Сквозь дрожащие ресницы я увидела высокое, высокое голубое небо, как будто я видела его из глубокого, глубокого подземелья через полую, бамбуковую трубку. А на другом конце трубы, с неба ко мне в подземелье заглядывал ребенок Лоты, с цветком белого жасмина в розовых, улыбающихся губах.

Мои веки устало сомкнулись, я опять начала медленно погружаться в приятный покой безразличия. Мне хотелось скорее раствориться в вечности, перестать осознавать себя. Но теплая, ласковая лапка вновь коснулась моих глаз. «Это не лапка, это ручка ребенка, нежными, мягкими пальчиками, гладила мои губы, глаза лоб», осознала я.

- Мама, - прошептал ребенок, и цветок жасмина упал из его губ на мое лицо. Мама, - вновь позвал он. Ты моя мама, ты наша мама, ты мама для всех. Так сказал отец-Адам.

"Ребенок зовет свою маму, Лоту", - подумала я. Куда она ускакала? Зачем ее дитя заглядывает в мой колодец?

Я приоткрыла глаза. Надо мной склонились два крылатых ангелочка. В руках одного из них я увидела большую кокосовую скорлупу, наполненную молоком, в руках другого благоухающий букет роз.

- На, мама, - ангел положил букет мне на грудь. Не плачь, пожалуйста. Я никак не могла осознать, где я, и кто эти существа: дети Лоты, или ангелы,

которые в Эдеме, обучали нас мудрости.

- Ты наша мама, Ева, - прошептал ангел, который положил мне на грудь цветы. Мама, сделай нас человеками. Мы хотим быть такими, как наш отец, Адам, как ты, мама, Ева. Мы хотим, чтобы ты была нашей настоящей мамой. Мы не хотим быть только лошадками. На, пей, - дитя протянуло мне чашу с кокосовым молоком, - Дай нам, мама Ева, жизнь человеков, научи нас жить для всех. Мы хотим, как вы, с отцом нашим Адамом, сделать всю Землю, как Эдем, о котором он нам много рассказывал. Мы хотим быть вашими помощниками. Хотим быть вашими детьми, и детьми вашего Отца. Научи нас, расскажи нам об Эдеме, о Том, кто подарил вам и всем братьям нашим жизнь. Кому нам сказать «спасибо». Где Тот, который творит человеков и Землю, и небо, и солнце, и все.

Отче, я мгновенно очнулась, вырвалась из каменного колодца и осознала, что все происходящее не сон. Я осознала, что это не ангелы, а живые, плотские дети Лоты. Но почему они без своей матери? Что со мной случилось, сколько я спала или я, как Адам, была за пределами сознания? Почему они называют меня мамой? Отче, они такие разумные, такие доброжелательные и любознательные. Откуда они все знают? Они же еще младенцы. Лота, просто красивая, необычная кобылица. Она не могла научить их так разумно мыслить.

Отче, я буду их мамой. Я хочу быть их мамой. Лота подарила им свою плоть, а я отдам им свою душу. Я буду для них больше чем мать, которая их выносила в своем лоне. Я поселю их в свою душу. Я расскажу им, Отче, о Тебе, научу их молиться, научу любить Тебя. Я сделаю их самыми счастливыми слугами Твоими, передам их души в руки Твои, Отче.

Теперь я знаю, зачем Ты создал меня. Теперь я узнала, почему Ты, так долго не делал меня матерью. Еще не было на Земле того, кого я могла бы выкормить молоком моей души. Твоя любовь переполняла меня, но для одной меня Твоей любви было с избытком. Сосцы моей души трещали, готовы были лопнуть от избытка любви. Только Твоя мудрость спасла меня.

Я искала, Отче, служения, я не знала, с кем поделиться тем счастьем любви, знания, которое обязательно необходимо кому-то передать, освободить душу для нового знания, новой радости.

Восторг переполнял меня. Мне хотелось обнять весь мир, целовать и прижать к своему сердцу всех, кого я видела. Мне хотелось припасть к Твоим стопам, Отче, целовать их и рыдать от счастья. Мгновение тому назад, я считала себя самым бездарным творением, не оправдавшим Твои надежды. Спасибо Тебе, Отче, за дар бытия, спасибо Тебе и за мгновения печали. Иначе, как бы я смогла стать счастливой, не

познав разочарования.

За моей спиной послышалось знакомое нежное звучание, пространство наполнилось спокойным зеленоватым свечением.

«Это дельфосы посетили нас», - сказала моя душа. Отче, как прекрасно, что они появились в это счастливое мгновение. Мне необходимо с кем-то поделиться своим счастьем. Для одной меня, его сейчас слишком много; пусть порадуются со мной все мои братья. Я увидела, как от моих мыслей засветились благодарностью глаза Атмы, как наполнилась упругостью его аура, как сияние ее из розового перетекло в малиновое, а затем спокойный нежно-фиолетовый ореол окутал облик Дельфоса. Волны фиолетовых всполохов от Атмы струились в пространство, разноцветным эхом отдавались в моей душе.

Атма как бы выплыл из-за моей спины, и его ласковые лучезарные глаза погрузили меня в свою нежную ауру благодати. Каждая частичка моей души наполнилась его любовью. Я как бы омылась, очистилась, возродилась, стала другой, наполнилась уверенностью. Я осознала, что нужна Тебе, Отче.

Атма ничего не говорил, но его молчание было молчанием моего возрождения. От восторга и счастья душа моя замерла, и в это мгновение в меня проникла какая-то сила. Она вошла в меня как вдох, как свет, как необъяснимая свобода, отдать себя всю без остатка всему, что окружает меня. Я почувствовала, как эта сила, через меня проникает во все, что находится не только рядом со мной, но и все то, что есть за пределами моего понимания, видения, осознания. Я ощутила себя, связующим, соединяющим все между собой центром. Я вошла во все, и все стало мной, и я стала всем.

Всякая клеточка; от клеточки вселенной до клеточки моей души или пальца, обязана осознать себя Твоей слугой, Твоей разумной частицей, Отче. Только тогда наша миссия человеческая, будет выполнена. Без совершенства всех, мы всегда будем оставаться несовершенными сами. Мы, человеки, войдем в новую вселенную, последними. Мы обязаны открыть дверь в новую вселенную, и мы же, человеки, обязаны закрыть дверь за самым последним существом, «старого мира», старой вселенной. Другого пути, другой миссии для нас человеков, я, Отче, не вижу. И это прекрасно, ибо это и есть истинное бытие, истинное служение Тебе, через творения Твои. И если мы закрываем дверь за последними исцеленными, то мы есть начало и печать, венец Твой, Отче. В этом мы и станем подобными Тебе.

Я осознала, что бытие мира немыслимо без меня, хочу я этого или не хочу, понимаю я это, или нет. Я всегда нахожусь в потоке бытия, но я не всегда это осознаю, потому видимо, что я чаще думаю о своей значимости в этом мире, а не о той от-

ветственности, самоотдаче, помощи, которую ожидают от меня все те, за кого я, Отче, перед Тобой в ответе.

Мы с Адамом торопимся исполнить миссию самосовершенства, забывая о том, что наше совершенство неполноценно, немыслимо без совершенства всех порученных нам Тобой существ. Порой мы забываем, что Ты поселил нас на Земле, не для того чтобы мы получали счастье через наслаждения своей плоти, а для того чтобы научить счастью всю плоть земную через служение Тебе, через познание Тебя, как источника и причины радости, счастья, бытия. Что мы являемся главным органом целого организма, называемого вселенной, а наша вселенная лишь клеточка в Твоем теле, Отче.

Не знаю, может быть, эти мысли я невольно прочитала в душе Атмы. Но всякий раз, когда он появляется, меня осеняют откровения, которые укрепляют меня, открывают глаза моей души, моего сознания. Я невольно вижу в нем Тебя. Мне еще сильней хочется видеть, слышать Тебя, ощущать каждой частицей своего бытия. И в то же время я понимаю, что Тебя увидеть невозможно. Как нельзя увидеть воздух иди пощупать луч солнца. Но в совокупности и луч света и голубизна неба, и исцеляющая любовь Дельфоса Атмы, это и есть Ты, Отче, во всех твоих проявлениях, это и есть Твои свидетели, Твои посланцы, Твои представители. Это и есть Ты в бесчисленности и многообразии проявлений, которые я никогда не смогу осознать единым целым, со стороны, ибо я в Тебе, Отче, я Твоя частица. И все, кто находятся рядом со мной, видят меня, как часть Тебя; но не осознают, что я — это и есть Ты, и они тоже Ты. Все думают, что Ты где-то далеко. Что Ты, что-то неведомое, необычное, непредставимое. Никто не верит, что Ты рядом, что Ты есть, что Ты состоишь из всех нас, что Ты есть в каждом, что каждый есть, Ты вмещающий всех в себе едином, и что нет ничего вне Тебя, ибо все сущее - Ты. Ты, и целое, и часть всякого целого.

Такие мысли, Отче, исходят из меня, как паутина из паучка, всякий раз когда мне кажется, что Ты забыл меня, когда я теряю эту нить любви, когда я перестаю понимать цель своего существования, когда я пытаюсь оценить сама себя со стороны, увидеть себя во времени и пространстве, узнать то ли я делаю, и так ли я делаю, как хочешь Ты.

Мне не у кого спросить, не с кем посоветоваться, так как оценить мои деяния можешь только Ты, Отче. Но Ты и есть я. Следовательно, я – есть Ты. И спросить я могу только у самой себя, то есть у Тебя. Но доверить оценку себя самой себе, мне всегда страшно, Отче, - а надо. Иначе, зачем Ты тогда создал нас, если мы откажемся взять на себя ответственность. Ты же есть мы, Отче. Мы подобие Твое, но подобие, видимо, трусливое, неуверенное. Это я о себе так думаю. А Адам совсем другое

подобие: подобие, уверенное в себе, в своей праведности, правильности, исключительности. Ему легко, Отче. Его не терзают сомнения и мучительные размышления. Он знает, что он – любимый сын Твой. Ему можно все. Он не думает о последствиях.

Вот мы подобие Твое, Отче, но какие мы разные. Хотя оба мы черпаем силы, мысли и вдохновение из одного источника, - из Тебя, Отче. А используем эти силы; любовь Твою, совершенно по-разному.

Адам бесстрашно бросается в эксперименты с самим собой, с силами божеств, пытается стать сильнее их, заставить их служить себе. Мечтает нашу Землю сделать центром вселенной. Куда будут приходить поклоняться, могучие архангелы, и те Силы, о которых Адам только слышал от Дельфосов, которые знают очень много, обо всем. Адам уже осуществил свою первую мечту: он родил себе первых детей; и каких прекрасных, каких разумных. Он достиг своей цели упорством, своей непоколебимой верой в то, что его дети станут его помощниками, единомышленниками и сотрудниками в исполнении его идей.

Отче, я буду матерью детей Адама и постараюсь их сделать служителями Твоими. Помоги мне, усынови их, Отче, ибо я знаю, что задумал Адам, то в том не остановить, и переубедить его, нет сил моих. Неистребим в нем дух власти, непоколебимо желание стать подобным Тебе. Это прекрасно, ибо для этого Ты нас создал. Но путь, который избрал муж мой — путь силы. Путь этот противен мне. Я боюсь, что стараниями Адама, и сын наш станет поборником жестокой силы. Они во всем старается уже сейчас подражать ему. А что будет дальше, Отче, Ты представляешь лучше меня. Сила прекрасна и благородна, когда она изливается из сердца милостивого и вселюбящего — как у Тебя, Отче, но когда она извергается из сердца властного и холодного; она превращается в насилие, гнет, в подчинение всех, своей воле: все обязаны жить и думать так, как думает властелин. «Властелин» - это новое слово: как и откуда оно у меня возникло? Видимо, новые отношения порождают и новые понятия, новые слова.

Глава 18. Через Адама в душу Евы входит Отец-Создатель. Любить Тебя, знать, советоваться с Тобой - это бесценный дар Твой нам, Отче.

Отче, Ты сотворил меня тихой, спокойной мечтательницей, находящей счастье в размышлениях о Тебе, в молитвенных беседах с Тобой обо всем, что создал Ты, в размышлениях о предназначении нашем.

Адама Ты сотворил деятельным и потому решительным, способным творить, ошибаться, готовым разрушать старое. Отче, но если буду я, всегда и во всем сострадать, то, как сотворить что-то новое, как узнать, увидеть новое, если не встать на плечи старому, или разрушить его, чтобы освободить место, ибо старое мешает расти новому.

В познании Твоих творений, отдельных законов бытия мне, Отче, часто приходится отказываться от вчерашних представлений, чтобы расти, расширять свой кругозор в познании себя.

Я заметила, что изучая, познавая себя, я могу изучать и познавать и окружающий меня мир. Я поняла, что мы все чем-то похожи друг на друга, Отче. Ты не только создал нас всех из одного материала, но Ты сотворил нас всех и все по единому закону. Закон этот – любовь Твоя. Он прост для Тебя, потому что Ты его творец – создатель. Но для меня он, пока только «закон», хотя и прост. Но весь парадокс в том, что пока мы не научимся жить и думать по этому закону любви, так же естественно, не напрягаясь, как дышим, для нас он останется камнем, о который мы будем притыкаться; и я, и дети наши. Будем топтаться на одном месте без продвижения вперед.

Мне необходимо любить в Адаме и его властность, и его жесткость, и практичность, без которых он перестанет быть самим собой, без чего на Земле не появится ничего нового.

Мы просто будем ходить по кругу, повторяя ежедневно одни и те же слова, действия. Мы будем существовать, как насекомые, жить инстинктами, условными рефлексами.

Но мы подобие Твое, Отче. мы обязаны творить, созидать; творить в муках, сомнениях, иногда отступать, уходить в сторону, чтобы найти правильный путь. Если мы остановимся в своем движении к свету знания, хотя бы на миг, мы перестанем быть подобием Твоим; ибо Ты, Отче не знаешь покоя. Ты есть – движение, жизнь. А движение – жизнь, невозможны без изменения, которые немыслимы без боли,

перестройки, перегруппировки, разрушения.

Для того, чтобы на дереве вырос плод смоквы, необходимо разрушение великолепного благоухающего цветка, который разрушаясь сам, дает жизнь плоду, а он, в свою очередь, разрушаясь, высвобождает для жизни семена. И из семян одного плода смоквы, рождаются сотни и сотни новых деревьев, которые покрывают землю рощами, лесами.

На самом деле это не разрушение. Это перестройка, преображение формы, из того же самого материала. Когда разрушаются скалы, они не исчезают, они превращаются в глыбы, валуны, песок. Жизнь — это вечное изменение, наименований в вечности, бесконечности. Но Ты, Отче, Дух животворящий. Ты неизменен. Ты вечно один и тот же. Тебе, возможно принимать любые формы, свойства, качества, оставаясь самим собой; ибо Ты, дух все пронизывающий, все проникающий. Ты подобен солнцу, которое присутствуя во всем, остается самим собой, и тогда, когда мы его видим, осязаем, ощущаем. И когда оно закрыто тучами, или когда оно освещает противоположную сторону Земли. Но и солнце не вечно, и оно дает нам жизнь только по Твоей милости. И оно когда-то изменит свой цвет, форму. И душа солнца насладившись этой формой, перейдет в другую, более подходящую, более совершенную для него форму.

Все Тебе подвластно, все свершается в этой Вселенной по созданным Тобой законам. Для других Вселенных, Отче, Ты установил другие законы. Но главный Твой закон - Закон Любви. Закон, по которому Ты жертвуешь себя нам; созданиям Твоим. Закон этот, правит во всех вселенных, им живы, и живут все вселенные; сколько бы их ни было, и как бы далеко они друг от друга не находились. Ибо Ты всюду один и тот же. Ты - все любящий, все объединяющий, все оживляющий, все заполняющий Свет ли, тьма ли — это все Ты, Отче. Ибо нет ничего вне Тебя, и Ты единый создатель и тьмы, и света. Ты извлек из тьмы свет знания чтобы показать нам, как чудесны творения Твои и как прекрасна и желанна тьма, когда пресытится душа, и попросит покоя, дабы осмыслить и осознать в одиночестве, все величие и щедрость Твою, Отче. А осознав и усвоив урок вернуться вновь на Землю, в новой форме, для того, чтобы познавать Тебя, Отче, в новых и новых бесчисленных ипостасях, узнать Тебя в какой-то новой грани.

В муках и радостях познания и прозрения, расцветает душа моя, Отче. Я все больше укрепляюсь в мысли, что все знания о бытии заложены Тобой в нас самих, что нет необходимости искать знания Адаму в просторах космоса, на других планетах. Другие планеты - для других существ. Ты, Отче, поставил перед ними другие задачи: если там обитают человеки, подобные нам; «подобные», но другие. Всем, Отче, Ты

определил свое время и свое место в мироздании, и нет необходимости нам пытаться исполнить чужую роль, чужую работу лучше того существа для кого она предназначена.

Можно научить, медведя собирать нектар с цветов, но лучше это сделают пчелы, которых Ты, Отче, для этого создал. Хотя пчелы в тысячи раз меньше и слабее медведя, но свою работу они исполнят более искусно: не причинив вреда ни единой былинке. Перенося пыльцу с цветка на цветок, они помогают плодородию.

Отче, как благодарна я Тебе, за те знания, которыми Ты благословил нас в Эдеме. Чтобы мы сейчас делали на Земле, не научившись ухаживать за фруктовыми деревьями, если бы не знали, как отличить полезные нам травы, корни, ягоды. Как составлять целебные растворы и мази, как быть полезными для тех, над кем Ты поставил нас надзирать, помогать, учить.

Мы постигли некоторые законы жизни на Земле. И эти законы служат нам, делают нашу жизнь интересной, насыщенной знаниями. Ты дал нам, Отче, прекрасную память. Я помню все, чему нас обучал Учитель и ангелы в Эдеме.

Отче, где сейчас Учитель? Кому он дарит знания? Где те ангелы, которые казались нам тогда назойливыми и нудными? Я часто вспоминаю их, когда мне трудно. Они как бы предстают предо мной, и я спрашиваю их, как мне необходимо поступить в той или иной ситуации. И ответ приходит всегда из глубины сознания, благожелательный и мудрый. Так, как будто я знала его сама, только подзабыла. Какие они у Тебя услужливые, самозабвенные, благожелательные, Отче. Мне кажется, что вся их жизнь — это мечта о том, как бы кому помочь, исполнить чью-то просьбу, желание.

Я помню, какой радостью вспыхивали их глаза, когда мы их о чем-либо просили, и с какой грустью они с нами расставались, когда мы переходили в обучение к другим ангелам, когда наше задание усложнялось. А как они переживали за нас с Адамом, когда мы сдавали экзамены Учителю и Совету архангелов. Как счастливы были они, когда мы показывали прекрасные знания, которые они нам дали, когда мы получали в награду плоды с Древа познания.

Мне кажется, Отче, что плодами, надо было награждать не нас, а ангелов, которые так терпеливо с нами занимались, Только благодаря их терпению, мы усвоили все, чему обязаны были научиться. Отче, как мне хочется быть похожим на тех ангелов, на Учителя в благожелательности, в терпении и терпимости, при обучении скотов и зверей, сейчас на Земле. Мне очень и очень не хватает этих прекрасных качеств. Хотя Адам упрекает меня в том, что я слишком разбаловала собак, кошек и поросят, что непозволительно, чтобы они спали на одной постели с нами и ели из той

же посуды, что и мы.

Ну, как я объясню ему, Отче, что все эти звери для меня не только братья, но они для меня, мои дети. Дети, дети, как нам их не хватает. Мне кажется, они нас сблизят, объединят. У нас появится общая цель.

Теперь, Отче, у нас появились дети. Адам рассказал мне, что Лота предложила родить ему детей, когда они однажды купались в озере. Его поразила сама идея: иметь детей от кобылицы, или другой какой самки. Она сказала, что родила бы ему чудесных помощников, что у всех скотов и зверей Земли есть свои дети, и только у Адама, господина всей Земли, нет наследников и помощников. Лота сказала, что она готова родить для своего господина целый табун детишек; красивых, быстроногих, и таких же сильных, как Господин.

Адам рассказал мне, Отче, что когда-то, очень, очень давно, когда Ты еще не создал меня, Адам жил в Эдеме со скотами, зверями и гадами; одной семьей. Всех зверей, скотов, гадов, насекомых и рыб, Ты сотворил парами. Все рожали себе подобных и наполняли Землю, и воду, и поднебесье, своим потомством. И только у Адама не было пары. И был одинок он и печален. И вот однажды собрал Ты, Отче, пред Адамом всех скотов и всю тварь земную, чтобы избрал он себе пару из скотов или зверей, или рыб, или птиц и зачал детей себе и наполнил Землю наследниками Тебе подобными. Ибо любишь, Ты, Отче, Адама больше всякого творения Своего. И не мог Ты равнодушно наблюдать, как томится, как тоскует без пары душа, любимого Тобой человека.

Но отвернул Адам лик свой от предложенных Тобой тварей. Ибо не нашел он ни в ком духа Твоего, Отче. Не узрел ни в одной из тварей Твоих подобия Твоего. Ибо дал Адам имена им всем, так как познал путь жизни каждого из них. И узнал, Ты, Отче, что Адаму нужна пара, и по духу и по образу, подобная ему. И заглянул Ты, Отче, в душу Адама, в мысли его. И увидел Ты, Отче, в душе его отражение Свое. И взял Ты это подобие из души его, и часть от плоти его и одел в плоть адамову. И возникла, Отче, я — Ева Твоя. И воскликнул в восхищении Адам: «Вот плоть от плоти моей и кость от кости моей. И дух Твой, Отец вижу я в ней, как и в себе, и мысли рождаются в душе ее. И подобна она мне и Тебе, Отец. И будет она мне и парою моей и половиною. И будем мы одно целое, с двумя противоположными душами, как два крыла птицы, как отражение луны в водах, как два глаза на одном лике. Но противоположными будут наши чаяния, желания. И когда мне будет жарко, то ей будет холодно. А когда мне захочется сладкого, то она не сможет заснуть без кислого. И не узнаю я больше покоя, ибо она — Ева — жизнь порождающая, пробуждающая, побуждающая. Она всегда будет гнать, и гнать меня за новым. У меня есть теперь достойный соперник, которому

докажу, что я совершеннее всех созданий Твоих. Я вижу, Отец, довольную улыбку в глазах Твоих. Я читаю в них радость за создание Твое. Ибо теперь Ты можешь оставить меня на попечение ее. Я вижу, что она действительно совершеннее всех тварей, которых Ты сотворил, и которых я познал, а познав, покорил себе. Я найду, Отец, ключи и к душе Евы Твоей, и она станет слугой моей, как и всякое творение Твоё».

Адам рассмеялся, окинув Землю властным взглядом, и положил свою руку на мое плечо. Она змеей скользнула по груди, и спокойно застыла на бедре. От этого прикосновения мое тело налилось какой-то желанной энергией, мое дыхание остановилось, замерло. Душа наполнилась радостью, как будто встретила кого-то, кого ждала вечность, кого ей всегда не хватало, без кого она была несовершенной, не видела себя, была пустой: с одним крылом, не понимала, зачем она.

Вместе с этой волной силы, власти, превосходства в мою душу вошли и глаза Адама. Но дух мой, который есть Ты, Отче, вдруг воссиял пред взором Адама, и он ослепленный и смущенный, вышел из души моей. Не знаю, Отче, что он успел узреть там, но мне стало ясно, что хотя мы и одно целое, но души наши всегда останутся тайной друг для друга. И эта тайна вечно будет держать нас друг возле друга. И мы никогда не познаем душу друг друга до конца, ибо в душе Ты, Отче, вечный и бесконечный.

Отче, прошло много времени, но я всегда помню это первое прикосновение Адама. Мне всегда хочется вновь и вновь почувствовать ту силу, ту необъяснимую и желанную энергию, которая наполняет, дополняет меня, делает меня совершенной. Я ощущаю себя так, как будто через Адама ко мне прикасаешься Ты. В такие мгновения, я ощущаю себя маленьким, любимым дитем, на руках Твоих, защищенной и счастливой. Отче, зачем Ты дал ему такую власть над всем творением Твоим? Защити меня, от слабости моей.

Осознала я тогда, что не смогу обходиться без него, как не могу быть без солнца. Потому что Ты в нем, потому что он подобие Твое, потому что он — это Ты, Отче. И я часть его — часть от Целого. От него взята я, и не раздельны мы, и не отделимы друг от друга, и от Тебя. Одно мы, хотя и различны, как две руки; луна и солнце. Ибо прекрасно солнце для созидания, а луна прекрасна для отдыха и неги, для зарождения новых идей.

Только сейчас осознала я, Отче, как прекрасна жизнь, когда есть кому ее посвятить, подарить. Только сейчас, я осознала и узнала, для чего Ты нас человеков сотворил. Подобие наше с Тобой, не в том, что мы обязаны быть подобными Тебе ликом или мощью, а в том, что мы обязаны служить Тебе и всему созданному Тобой,

как Ты служишь нам. Но мы отличны от Тебя тем, что Ты даруешь нам радость, потому что Ты и есть сама радость, щедрость и мудрость, а мы следствие Твое. Мы обязаны вторить, повторять Тебя – мы Твое эхо, мы Твое отражение в пространстве. Мы тень от тени Твоей, Отче, для всего сущего на Земле.

Сейчас каждое утро я просыпаюсь с мыслью: как проведу день со своими детьми, что буду рассказывать им о Тебе, Отче, о законах природы. Мои ночи стали продолжением дневных забот. Теперь ночь для меня кажется слишком продолжительной, бесполезной, бесплодной. Во сне я продолжаю жить тем, чем мы занимались с детьми днем.

Сына, мы с Адамом назвали Кентом, а его сестренку, Нея. Меня поражает их любознательность и неутомимость в познании мира. Даже дети Гаруд не задавали мне столько вопросов и не вникали так глубоко во все окружающее нас: хотя они самые способные из всех существ Земли.

У Кента и Неи прекрасная память. Они с первого раза запоминают название лекарственных трав, светил. Им ничего не надо повторять дважды. Мне кажется, что знания о мире в них заложены Тобой, Отче, изначально; стоит им только пожелать, немного приложить усилий, и они все вспоминают.

Кент больше времени проводит с Адамом. Можно сказать, что они неразлучны, и чем больше они вместе, тем больше Кент становится похожим на Адама, не только обликом, но и манерами. У Кента такие же пронзительно черные глаза, как у Адама. Он так же, как Адам, смотрит на все с какой-то иронией. Как будто в этом мире все устроено не так, как хотелось ему; но он знает, как это все переделать, и только ждет подходящего момента. У него также странно подрагивают крылья носа, когда его что-то раздражает. Он никогда не отведет первым своего взгляда. Его сверстники среди скотов, зверей, нагов; видят в нем своего господина, учителя. Они подражают каждому его движению, каждому его слову; как он подражает Адаму. Его спокойный взгляд кажется, видит, что находится внутри дерева, камня. Для него, как и для Адама, нет непознаваемого, в этом мире.

Меня удивляет, как быстро растут Кент и Нея. Ростом они уже почти догнали нас. Я восхищаюсь, когда Кент идет рядом с Адамом. Их темные тела блестят на солнце. Сизые крылья Кента прикрывают его широкую спину, с отливающей голубизной гривой. Когда они вместе, Кент всегда старается положить свою руку на плечо Адама. Я вижу, что Адаму это приятно. Его глаза светятся от счастья, широкоскулое лицо сияет в улыбке.

Нея почему-то, до пояса похожа на меня. У нее белое, как у меня тело, большие, широко распахнутые, голубые глаза; смотрящие на мир с удивлением и восхищением.

А ее, как два райских яблока груди, с розовыми, как вишенками сосцами, мне всегда хотелось легонько ущипнуть.

Она вся, какая-то хрупкая, застенчивая, и ростом меньше Кента.

На меня Нея похожа, только до талии, а дальше, все как у ее мамы Лоты: тонкие, ровные ноги одеты в изящные янтарные копыта.

Белая грива, скатываясь с округлых плеч, растекается по спине, почти до крупа.

Крылья Кента сизые, большие, похожие на крылья орла, а крылья Неи напоминают мне скорее крылья лебедушки, пригодные не для полетов, а для защиты своих детей от непогоды.

Когда мы, беседуя, гуляем с ней по берегу океана, она всегда старается прикрыть меня своими крыльями от лучей полуденного солнца. Меня радует ее заботливость, и я всегда с благодарностью принимаю проявления ее любви.

Я знаю, что желание делать добро, перерастет в привычку, которая наполнит ее жизнь стремлением служить Тебе, и в этом находить смысл и цель бытия. Служить тем талантом, который Ты, Отче, вложил в душу, в наши органы. Служить каждой частицей этого органа.

При постоянном служении этот орган совершенствуется, развивается, становится главным инструментом нашей души – талантом, который невольно пробуждает другие чувства, органы, таланты, дает нам вдохновение, и мы становимся сотворцами – помощниками Твоими.

Отче, глядя на Кента и Нею, и сравнивая их с Адамом и собой, я все больше восхищаюсь, насколько совершенным и удобным телом наградил Ты нас – человеков. Как удобно душе нашей в таком универсальном и уютном жилище. Оно способно исполнять любые пожелания, любые мечты наши. Наша душа по своему желанию, может изменять, принадлежащее ей тело, перестраивать его, приспосабливать к своим новым потребностям; к изменяющимся условиям жизни.

Первоначально мне казалось, что тела наших детей более совершенны, нежели наши. У них добавилось по две мощных ноги, с крепкими, как кремень копытами. Они быстрее нас бегают, могут нести на себе больше груза, у них есть крылья. Но потом я поняла, что они не умеют лазать по деревьям. Они не способны проникать в узкие пещеры. Их руки и ноги не способны обслуживать свое тело так совершенно, как это позволяет устройство нашего тела.

Мне кажется, Отче, что Ты вложил в нас с Адамом все самое совершенное, чем обладают все твари Земли, и наверное, не только Земли.

Я осознала, что самый бесценный дар, которым мы обладаем в отличие от всех тварей, это возможность общаться с Тобой, любить Тебя, беседовать с Тобой,

советоваться, благодарить. И для этого не надо иметь ни крыльев, ни быстрых ног, не надо лететь на другую планету, или искать особое место, время дня, или ночи.

Ты всегда со мной; Ты моя душа, мое тело, мой дух жизни, а я, - я Твое дыхание, Твоя вибрация. И если дышишь Ты, то дышу и я, если отдыхаешь Ты, то отдыхаю и я.

Мы с Тобой неразлучны, Отче. Мы - начало и продолжение всего – мы всё, и всё – мы, Отче.

Но это знаю я, это знает Адам, а скоты и все твари Земли еще не способны взывать к Тебе, не способны славить Тебя. Они еще не познали, что есть для них благо, а что вред.

Они еще мало чем отличаются от растений и насекомых. Хотя и обладают языком и памятью, но они пока живут инстинктами и рефлексами, их общей души; души вида, рода.

Их инстинкты не имеют свободной воли, они не способны мыслить, не способны давать оценку своим действиям, или действиям своих сородичей.

Они живут, как живут облака, морские волны, как живет ветер.

Они не способны рисовать, не способны построить гнездо, или нору, не так, как строили их прародители.

Их душа еще не способна отделиться от души рода - стать личностью.

Они пока не способны пользоваться опытом душ других видов.

Никакой скот или зверь не способен познать, изучить другого скота, или зверя, или другую тварь; дать ей имя. На это не способны даже ангелы. И только человек познал, дал наименование: проник в суть каждого существа Твоего, Отче.

А познав законы бытия этого существа, он невольно превратился в господинапомощника и наставника всего сущего.

Но прежде чем познать, он должен был осознать себя, прожить жизнь каждой твари Твоей, как бы побывать в ее шкуре, личине. Адам вместил в свою душу всю вселенную, со всеми ее обитателями. Его душа, как гусеница оделась в кокон опыта, пропустила через себя бесконечную нить знания. У нити этой нет ни начала, ни конца, ибо из Тебя, Отче, она исходит, и в Тебя же, Отче, и втекает, а мы человеки, в центре этой нити: между Тобой и всем тем, что сотворил Ты.

А что познал Адам, то невольно познала и я. Ибо я плоть от плоти его и кость от кости его, и каждая клеточка его плоти, его души помнит все, что она видела, слышала, чувствовала, испытала когда-то давно, давно.

Все знания свои, весь опыт свой она не только хранит в памяти своей, но передает по наследству каждому порождению своему: как неповторимый узор на пальце, как присутствие солнца во всем живущем.

Надо только задуматься, затаиться; на мгновение задержать дыхание. Память раскрывается, как бутон цветка, и я ясно вижу все, чего казалось, я не знала.

Да, Отче, я, Ева, может быть многого и не знала, может быть, я что-то позабыла, но Ты, который есть, Я, во плоти моей, который сотворил душу мою: Ты знаешь и помнишь все.

Твоя любовь всегда открыта для нас, как цветок для жаждущей нектара пчелы. Но если все знания о бытии, Ты откроешь предо мной одновременно, то, как я

смогу пользоваться ими.

Я не сумею сразу выбрать то, что мне необходимо сейчас, а для чего я пока не созрела. Ты щадишь нас, Отче. Ты показываешь нам Себя, то в луче солнца, то в глотке воды, то в поцелуе, то в молитве любви, когда бы ни пожелала душа моя.

Мы познаем Все через себя, ибо мы часть Всего, то есть Тебя.

Мы тоже: время, бытие, истина, но нам необходимо, не только осознать себя в Тебе. Нам необходимо усовершенствовать себя. Для того, чтобы стать самой совершенной частицей Твоей и побуждать к совершенству не только душу, всякой твари Твоей, но и всю дремлющую плоть наполнить энергией света, энергией желания, энергией любви, желанием творить красоту в свете истины.

Отче, но с чего начать, как светом истины пробудить плоть? Я этого пока не умею. Научи нас, Отче, подскажи нам.

Может быть, Адам тоже взывает к Тебе, может быть, его так же, как и меня, преследуют сомнения. А может быть его гордость и уверенность в правоте избранного им пути, придает ему непоколебимую веру и силу. Мне кажется, что он сам создает себе благоприятные обстоятельства для осуществления своих идей.

Я никогда не вижу его в состоянии молитвы, в состоянии проникновения в свою душу.

Даже когда мы обсуждаем какую-либо простую идею, мне кажется, что думает он не душой, а чем-то находящимся в его голове. Я не вижу движения души, Адама, как видела это, когда мы жили в Эдеме.

Как жаль, Отче, что плоть полностью скрыла, раньше видимые наши души.

А как прекрасно, как все ясно было в Эдеме, когда заметно было малейшее движение, малейшая вибрация видимой, всегда открытой для всех души.

Но невозможно, оказывается, обладать всем сразу. Невозможно, чтобы в одной нашей руке были и огонь и вода. Одновременно возможно обладать чем-то одним.

Да, души наши стали закрыты, невидимы друг для друга. Но благодаря этому, каждый из нас ныне стал самим собой, личностью. Каждый из нас пошел своим путем. Мы перестали подглядывать за мыслями друг друга, перестали спорить, кто первым

Глава 19. Адам и Ева удивлены, откуда у Лоты дети, и почему они похожи на Адама? Отец-Создатель Чист и все сотворенное Им чисто, только грязный человек разделяет сотворенное Отцом на "грязное" и чистое.

Оказывается, у нас с Адамом совершенно противоположные представления обо всем, хотя внешне, мы отличаемся только цветом кожи. Адам - черный, как агат; только зубы белые, а я светлокожая. Когда мы стоим рядом, то мне кажется, что нас не двое, а один человек, разделившийся на белокожего и чернокожего.

И еще: у Адама волосы короткие, курчавые, а у меня: волнистые, огненно-желтые, ниспадают ниже колен.

Отче, почему мы с Адамом стали разноцветными? В Эдеме мы были прозрачными, как воздух. Потом наши тела стали затуманиваться, наливаться молоком от кончиков пальцев ног. Густота постепенно заполнила все тело. Прозрачным оставались только центр груди и родничок на макушке головы.

Иногда, еще и сейчас, когда Адам медитирует, я вижу, как родничок, в центре головы, раскрывается, и душа его устремляется в просторы вселенной. И только серебристая паутинка связывает ее с застывшим в неподвижности телом Адама.

Я долго не замечала, что с каждым днем мы становимся разными, отличными друг от друга, не только мыслями, но и обликом.

Я не знала, известно ли это Адаму или мы настолько заняты каждый своими мыслями, что не видим, друг друга, хотя и видимся ежедневно.

Как-то, когда Адам был в спокойном состоянии духа, и мы о чем-то беседовали, я взяла его за руку и подвела к спокойной заводи.

- Смотри, милый, какие мы с тобой стали на Земле, и вспомни, какие мы были в Эдеме.

Адам посмотрел на меня с недоумением, потом на наше отражение в зеркале озера.

Мне показалось, что он увидел себя впервые за долгие, долгие годы бытия. Он замер. Его зрачки расширились.

Он не отрываясь смотрел на нас, как будто видел себя , и меня вместе впервые, и ему не верилось, что это он и я, а не пришельцы с другой планеты. Наши взгляды

встретились в наших отражениях, как нашедшие друг друга существа после долгой разлуки.

Мы были похожи на две распахнутые створки одной раковины. Только одна половинка была черной – это Адам, а другая белая– это я. Но мы одно целое и если попробовать разделить эти половинки, то раковина погибнет, перестанет существовать. «Мы разные, - подумала я, - но мы дополняем друг друга. Без меня Адам теперь не человек, и я без него ничто. Только когда мы вместе, когда мы одно целое, только тогда и я и он человеки, а по отдельности мы просто скоты, животные, разумные существа, не приносящие, Отче, Тебе, никакой радости.

Только принося радость всему с чем и с кем соприкасаемся, мы приносим радость Тебе только тогда мы подобие Твои, Отче».

- Ева, ты где, очнись подобие мое. Ты ничем не отлична от меня, и пока не станешь матерью детей моих, матерью человеков, ты такой же сын, как и я, прервал мои размышления Адам. И оставь, пожалуйста, свою душу в покое, иначе вечные размышления о смысле бытия превратят тебя в ангела во плоти, и ты никогда не исполнишь своего предназначения родить, производить подобных себе.
- Адам, ты читаешь мои мысли. Да, я хочу подарить тебе детей, подобных нам с тобой. Я молю Отца, чтобы души детей наших знали и любили Отца-Создателя нашего, а не были просто внешним подобием нашим.

Ты посмотри, Кент и Нея подобны тебе обликом, но они совершенно не похожи на тебя душой. Они красивые, разумные человеко-лошади. Сколько бы я ни пыталась объяснить Нее или Кенту, что все: от травы и до небесных светил создано Отцам, а не возникло само собой, они только согласно кивают головой и просят меня познакомить их с Отцом-Создателем. Я вижу, что они не верят в невидимого Отца. Они думают, что все создал ты, потому, что животные называют тебя Господином и хозяином Земли.

Адам засмеялся. «Кент и меня заставляет встретиться с Отцом. Говорит, что у него много вопросов к Создателю. Что, Он - Создатель, многое устроил не так, как устроил бы Кент. Но мне кажется, что Кент душой становиться все больше похожим на тебя, Ева. Последнее время у него ко мне сотни вопросов

- Адам, попросила я, не позволяй Кенту и Нее называть себя отцом. Ты же знаешь, что у всего сущего единый Отец-Создатель.
 - Ну а кто же я для них? удивился Адам.
- Ты для них родитель. Ты их зачал, а не создал, объяснила я. Ты просто перенес семя свое в кобылу.
 - Ева, никакое семя в Лоту я никогда не переносил, возмутился Адам.

- А как же Лота родила детей похожих на тебя? удивилась я. Кто, кроме тебя, мог подарить ей человеческое семя, если на всей Земле других человеков нет?
- Ты знаешь, я и сам думаю, но почему у Лоты, такие дети? Об этом я спрашивал у самой Лоты, но она тоже ничего не знает, улыбается и отвечает, что сильно хотела детей похожих на господина Земли, и у нее получилось. Адам недоуменно развел руками.
- Ты хочешь сказать, что страстно желал и желаешь иметь помощников. Ваши желания встретились, и родилось то, что родилось. Ты же знаешь, что даже самое страстное желание должен кто-то исполнить. Само собой ничто не зарождается, нужны обстоятельства и исполнители, не унималась я.
- Здесь что-то другое, для нас не понятное. В бесконтактное зачатие я не верю, но пройдет время, и мы все узнаем. Отец не оставит нас в неведении, успокоил меня муж.
 - Я тоже так думаю, ответила я.
- Я хотел иметь детей, хотел иметь помощников, постоянно об этом думал. Но я желал иметь детей-человеков, как я, а не смесь черепахи, или динозавра со мной.
- А если завтра мы встретим курицу с человеческой головой, или быка с туловищем человека, что тогда? на лице Адама отразилась полная растерянность. Ева, мне кажется, что мои невольные мысли, каким-то непонятным мне образом приняли материальную форму, стали реальностью. Нам надо быть очень осторожными. Я знал, что наша мысль материальна, но я не предполагал, что она может стать видимой, ощутимой. Обрести плотские формы, превратиться в реальных, Кента и Нею, Адам задумался.
- Мне кажется, что ты слишком преувеличиваешь свои возможности. Хоть ты и подобен Отцу, но не настолько, чтобы что-то творить мыслью, или страстным желанием. Да, ты способен воздействовать на природу физическую, но творить души, творить новых скотов, зверей, нам не дано, не позволено. Создать что-то более совершенное чем то, что сотворил наш Отец, мы не способны. Да в этом и нет необходимости. Нам бы суметь разобраться с тем, что имеем. А скрещивать кошку с рыбой, или банан с попугаем нам не позволит Отец. Да тебе, наверно, и не нужны такие уроды?
- Ева, ты же отлично понимаешь, что я сознательно в зачатии Кента и Неи не участвовал. Но я благодарен Отцу, что Он подарил нам таких прекрасных детей.

Мне кажется, что Кент в медитации способнее меня. То, чего я добивался бесконечно долго, у него получается без всякого усилия.

- Милый, но ты пойми, ты первый, ты все открываешь сам в себе. Тебе не с кем

посоветоваться, не у кого спросить, - успокоила я Адама.

- А у Кента есть ты. Ты можешь не только объяснить, но и показать. Твой опыт передает его душа, он перехватывает твои вибрации. Он закрепляет и развивает те знания, которые ты передал ему по эстафете. И главное - ты для него идеал, ему больше некому на Земле подражать. Ты для него в данный момент, как Отец для тебя. Но Отец в твоей душе и опыт свой ты получаешь интуитивно, в сомнениях и ошибках находишь истину.

А Кент видит тебя реально, он не только подражает всем твоим действиям, но всегда может спросить, как поступить дальше. У него есть прямой учитель, который в любой момент подаст ему руку помощи, жертвуя собой, убережет его от жестоких ударов, падений, которые когда-то по неведению, получил сам.

Постарайся, пожалуйста, объяснить ему, что ты творение истинного Отца нашего, чтобы он почитал тебя, но не поклонялся тебе как создателю. Не закрывай собой свет, который струится от Отца в душу его. Ты не заметишь, как превратишься для него в непререкаемого идола.

Учи его не только разумом, показывай, что выше разума душа, а выше души – Дух вечный. Дух, который и творит из нас сынов. Открой ему, что человек – это не форма тела, не облик, а Дух Отца нашего, который поселился в этой форме.

Форма и облик существа изменяются от состояния души.

Объясни ему, что тело любого существа – это отражение той души, которая построила это тело. Наблюдая за формами тела, мы с тобой, без особых усилий можем определить, какими свойствами и качествами обладает обитающая в нем душа.

Наша цель - научить всякую душу, увидеть, осознать в себе, и во всякой душе, даже еще спящей, Дух Того, Кто есть Все. Показать, что нет у Отца любимых, или не любимых Созданий.

Есть создания, душа которых уже проснулась, наполняется светом, вибрирует и своей вибрацией, пробуждает другие души. А есть души, которые еще нежатся в лоне сна, покоя и не желают открывать глаза. Для них свет знания пока слишком ярок, их время еще не приспело.

Мы с тобой, милый, тоже не в один день стали сынами Создателя. Над нами тоже трудились и ангелы, и архангелы, и Учителя, и даже скоты и звери.

Мы и сейчас продолжаем совершенствовать себя, когда помогаем нашим братьям, обучая, мы вспоминаем то, что уже успели позабыть. Обучая их, мы видим себя, как бы со стороны, исправляем в наших знаниях то, что не осознали когда-то, когда у нас просто не было достаточного опыта.

Отче, Адам слушал меня с удивлением и даже с нескрываемым интересом.

- Ева, я иногда удивляюсь, откуда ты все это знаешь, кто тебе и когда все это сообщил? То, о чем ты сейчас говоришь, для меня не является откровением, но почему я сам никогда не способен проникнуть так глубоко, в истоки, которые связывают нас с нашим Отцом? Почему у меня не хватает на это времени, и, наверное – терпения? Мне обидно, что я не знаю тех способов, которыми ты добываешь эти знания.

Отче, я почувствовала, что в этот момент, Адам действительно сожалел о том, что для него кажется спрятанным и труднодостижимым.

- Адам, нет никаких особых, закрытых, или недоступных знаний. Все знания разбросаны, как звезды по небу, просто мы ночью спим, а днем их не видно. Эти звезды невидимы из-за более яркого солнечного сияния. Для того, чтобы увидеть эти звезды, насладиться их красотой, надо поменьше спать: попозже ложиться и пораньше вставать. Иначе можно подумать, что звезд на небе не существует вообще.

Да, есть и такие существа, которые не подозревают о существовании звезд и Луны: они дневные жители; другие существа не догадываются о существовании солнца, или оно для их зрения губительно.

Но мы человеки, и мы обязаны знать все – не ограничивать себя в получении любых знаний и во всякое время.

Видимо, Отец устроил нас так, что каждый из нас способен познать, совершить достойно что-то одно, и это одно, мы с тобой называем талантом. Ты обладаешь талантом медитаций, видеть, анализировать видимые предметы, явления. Ты способен изменять форму этих предметов. Ты – строитель.

Для тебя Земля – это лаборатория, мастерская, а ты – хозяин в этой мастерской.

Для меня такая работа утомительна, неинтересна. Я уверена, что все, что сотворил Отец, гениально, и не подлежит усовершенствованию.

Ты все время пытаешься что-то изменить, переделать по-своему.

Я, пока, не могу сказать, что ты действительно что-то улучшил, сделал более совершенным, то, что было до твоего вмешательства.

Если наши дети во всем будут следовать твоему примеру, то когда-нибудь они постараются вывернуть нашу Землю наизнанку, для того, чтобы посмотреть, что там внутри матери-Земли и как бы это «что-то» переделать.

Наша задача не в том, чтобы всех и все переделать под себя, и для себя, а в том, чтобы всему сущему помочь осознать себя как неотъемлемую частицу всего мироздания.

Оставь, Адам Землю в покое, она прекрасно справляется со своими обязанностями, и не нам ее воспитывать и переделывать: для этого есть Создатель. Земля отдает нам, бескорыстно все, чем наградил ее наш Творец, и не требует взамен

ни любви нашей, ни поклонения, ни благодарности, хотя заслуживает все это в полной мере.

Единственное о чем она молит Создателя, так это о том, чтобы мы, человеки, не уродовали ее тело.

Адам ухмыльнулся:

- Можно подумать, Ева, что ты с ней беседовала и она делилась с тобой своими пожеланиями.
- Да, милый, я беседую с ней очень часто, когда мне бывает одиноко. Я прошу у нее совета, как быть такой же терпеливой и щедрой, как она. Прошу у нее сил и знания, чтобы помочь тем, кто слабее нас, кто нуждается в помощи матери-Земли больше, чем мы.

Милый, а чему ты ухмыляешься? – спросила я. Может быть, ты обладаешь собственными силами и энергиями? И Земля, и небо должны быть благодарными нам, за то, что мы осчастливили их своим присутствием на их теле, и они жертвуют нам свои силы.

Милый, тебе приятно, когда ночью на твое лицо садятся комары, или москиты? Я думаю, что эти гости, по меньшей мере, тебя раздражают.

А представь себе, что ты – мать-Земля, и по твоему телу беспрерывно: днем и ночью в течение миллионов лет скачут, роют в твоем носу, глубокие норы миллионы живых существ. Они поедают твою живую плоть, испражняются на твои губы, но ты несешь на своих плечах их слезы радости, печали.

Ты не имеешь возможности и права, изменить свое положение в пространстве, почесаться, пошевелиться. Ты осознаешь, что любой твой вдох, или резкое движение принесет гибель сотням тысяч поедающих тебя живых существ. И ради того, чтобы не причинить неудобства или страдания поселившимся на твоем теле вампирам, ты терпишь все эти муки миллионы и миллионы лет.

Ты осознаешь, что существа эти появились на твоем теле не сами собой, что они не возникли из ничего. Ты понимаешь, что их доверил тебе хранить и оберегать Отец-Создатель, что другие планеты вселенной одиноки и бесплодны. А тебя Отец возлюбил, и рядом с твоей материнской душой, поселил миллионы и миллионы маленьких, еще совсем бессмысленных душ. Ты обязан их всех согреть, накормить, дать им свою любовь, ласку, защиту на своей груди. Отдать всего себя: и плоть и вибрации, все, что дал тебе Отец.

Адам, ты бесконечно горд тем, что Отец создал тебя по образу и подобию Своему. А ты, пожалуйста, задумайся, и поймешь, и осознаешь, что все, что создано Им, создано по образу и подобию Его. Пойми и прими, что другого не дано. Ты знаешь,

что все есть – Он, и Он есть – Все, следовательно: все есть Его образ и Его подобие. Все есть Его отражение в пространстве. Он ничем не ограничен: следовательно, Он пространство. Каждая частица – это Он.

То, что ты вдыхаешь и выдыхаешь – это тоже Он. Земля, которую ты попираешь, ногами своими, которую ты поедаешь – это тоже Он, в каком бы виде ты ее не поедал все – Он, Он, и только Он.

В этом и есть осознание Творца своего, в этом и есть счастье бытия: постоянно ощущать Его присутствие в себе, постоянно быть Им, Его продолжением, Его мыслью, Его вибрацией.

И это осознание, эти вибрации передавать, отдавать всему, что окружает тебя, всему, с чем ты соприкасаешься, оживляешь, пробуждаешь этими вибрациями, душу каждой клеточки

Давать и только давать, не задерживать в себе, не накапливать на «черный день», на «всякий случай». Отдавать ежемгновенно – это и есть бытие с Отцом и для Отца, в этом и есть наше подобие Ему.

Отдавая то, чем наградил нас Отец, мы передаем по эстафете Его любовь, Его мудрость, Его свет, всякой Его частице, мы делаем Его счастливым. Потому что счастливо живет и вибрирует каждая Его частица.

Отдавать, значим быть подобным Ему. Нет лучшего подтверждения своей любви, своей преданности Отцу, как передать Его любовь жаждущей любви душе.

- Адам, неужели ты не замечаешь, как бескорыстно, не задумываясь, служат нам все наши собратья? Мне кажется, что для них отдавать себя, так же естественно, как дышать, любить, плодиться.

Это главное свойство Отца заложено изначально в каждую Его частицу – это главный закон бытия: «Жить ради всех, отдавая себя, войти в каждую частицу, подобия Отца, слиться, соединиться со всем совокупным творением, стать осознанно неотделимой частицей всеобщего пространства и времен, оставаясь собой.

Милый, все сущее славит Отца за счастье быть созданным, за счастье соприкосновения с Создателем, за счастье, хотя бы на миг, осознать себя частицей, участником бесконечности бытия.

Ради этого стоит возникать, рождаться, страдать, учиться, и вновь засыпать и пробуждаться в новом теле, в новой личине; пока душа не наберется достаточного опыта, чтобы стать личностью, осознавшей себя, способной служить сознательно, способной поднять на своих крыльях всякого, кто ищет свет знания.

А когда проснется и когда отверзнет душа очи свои, то не жди благодарности и восхищения, от спасенного тобой. Ибо душа эта, может быть, увидела не то, что ей

снилось бесконечно долго. И постигло ее разочарование от открывшегося ей.

Не огорчайся, если услышишь проклятья вместо восхищения. Ты исполнил свой долг, ты принес душу к свету, но может быть душа эта еще продолжает спать с открытыми глазами и не видит то, прекрасное, удивительное, что способен увидеть ты, что восхищает тебя, вызывает слезы восторга.

Оставь ее, может быть, яркий свет просто ослепил ее. Пройдет время, она станет различать грани и цвета. И вибрации ее замрут от восхищения, и она увидит этот мир еще более чудесным, нежели видишь ты - спаситель ее.

И восславит она Создателя, и вознесет Ему молитву восхищения, и пошлет свою любовь тому, кто принес ее, к свету бытия, кто отдал ей часть себя, кого послал Творец вывести ее из тьмы уныния, неведенья.

И настигнет тебя ее любовь, благодарение, где бы ты ни был, и вздрогнет и замрет дух твой от восторга, и не будешь ты знать, за какие страдания послал тебе Отец мгновенье ласки Своей. И еще долго, долго во сне и в грезах ты будешь вспоминать и ощущать прикосновенье руки Создателя, и будет нежно щемить и трепетать в восторге душа твоя, и будет молить Отца Создателя, чтобы продлилось это состояние восторга, чтобы никогда не спадала рука Его с темени души твоей.

Милый, не требуй награды и поклоненья за каждый свой шаг, за каждое движение бровью. Отец не ждет от нас восхвалений и какой-то расплаты, даже за жизнь, которую Он нам подарил.

Он ждет от нас всего лишь самого незначительного – быть подобным Ему – поступать со всеми тварями так, как Он поступает с нами.

Любить все, не требуя ответной любви. Любить не потому, что нам должна нравиться форма или цвет творения Отца нашего, не потому что оно безропотно повинуется нам, а потому что его создал Отец для радости, потому что Он любит это Свое творение.

Какое мы имеем право, брезговать тем, что сотворил для всеобщего блага наш Отец, называть его «грязным», «нечистым».

Только грязная душа может назвать творение Создателя грязным. И делает она это для того, чтобы показать другим, какая чистая она сама.

Отец наш Свят, и сотворил все святым и чистым, и ни у какого создания Его, нет таких сил, чтобы сотворенное Отцом сделать «грязным», или «нечистым».

Только мы, человеки, пытаемся замарать все созданное Им, своей извращенной мыслью в своей душе.

Но эта грязь так и останется грязью, только в нашей душе. А что сотворил святой Отец наш, останется неприкосновенным, чистым, сколько бы мы, человеки, ни пытались его запачкать, очернить.

И мыслями, и словами нашими, мы не способны изменить ни форму, ни цвет, ни размеры даже собственных ногтей. Сколько бы мы ни красили, сколько бы мы их ни обрезали: они будут расти такими, какими их устроил Создатель.

Мы обязаны почитать в каждой гадюке, в каждой жабе, не форму этой жабы, или гадюки, а то живое, вечное, что видим мы, как частицу Отца, как Подобие Его, что сродни нам, что объединяет нас, роднит, что отличает нас друг от друга, делает каждое создание Отца нашего, неповторимым и единственным Его Образом, Его Подобием.

Любя все живое, мы любим Отца нашего во всех его формах, свойствах и качествах. И не надо нам забывать, что прежде, нежели создать нас, человеков, Отец создавал червей и гадов, и скотов, и властелином чего, ты, Адам, ныне являешься.

А если это так, то мы мало чем отличается плотью от всего созданного прежде и нам не составит большого труда скатиться туда, откуда Отец нас извлек.

А может быть корнями своими мы еще там и пребываем, если на всякий рык, отвечаем рычанием, если стоны и страдания братьев наших оставляют нас равнодушными.

Облик ангела или образ Отца нашего еще не делают нас истинными человеками, какими желает видеть нас наш Создатель.

Можно и в облике ангела иметь душу камня, или дерева.

Глава 20. По облику подобен Создателю, по возможностям подобен червяку... Не пострадав, не станешь сострадательным. Научись повиноваться и ты...

- Ева, ты нарисовала такого изверга, что у меня волосы на теле поднялись от возмущения.

Ты хочешь сказать, что меня ожидает такое «светлое» будущее, что ты увидела во мне задатки такого монстра.

- Нет, ты пока не такой, но позже трудней будет все исправить, изменить, если мы или наши дети станут такими.

Может быть, я действительно кое-что преувеличиваю, но лучше предупредить любую ошибку, или болезнь, нежели лечить. Потом будут и страдания, и боль, и жалобы Отцу нашему, что он не уберег нас, не предупредил, не удержал, когда мы

садились в костер, заранее зная, чем заканчиваются такие опыты.

Скажи мне, пожалуйста, милый, зачем ты решил притянуть к Земле какой-то там астероид, или комету? Почему ты решил, что Земле мало солнечного света?

Почему тебе все не так, как устроил Отец? Неужели ты думаешь, что Он не догадался бы поместить над Землей еще одно солнце, или луну?

Ты же прекрасно понимаешь, что изменять что-либо в орбите Земли, в освещении, в удлинении дня, или ночи — это уже слишком безответственно и вредно для всего живого и не только живого.

Адам молча смотрел на купающегося в океане Кента.

Я не могла понять, слышит он меня, или его мысли где-то далеко за пределами Земли, ловят в сети гравитации астероиды.

К моему удивлению он меня слышал и только ожидал, когда иссякнет мое красноречие.

- Первое, я еще ничего не решил с новым источником света и новой энергией, продолжая наблюдать за сыном, отвечал он. Второе, почему ты решила, что я хочу продлить световой день на Земле? И третье, я не совсем похож на одичавшего скота, который несется с перепугу прямо в болото.

Все это слишком сложно, и один с такой задачей я справится не в состоянии. Мне необходимы еще хотя бы два помощника, способных генерировать свободную энергию космоса, способных доверять мне, как я верю Отцу нашему.

Астероид мне необходим не для того, чтобы продлить световой день, а для того чтобы встретить комету подальше от Земли. И тогда комету мы сможем оттолкнуть или изменить ее направление, или выставить астероид, как щит.

Я видела, как напряженно пульсирует его душа, как разум ищет правильное решение, от которого зависит жизнь всего сотворенного на Земле.

«И человек – сын Создателя этой огромной для нас Земли, но крошечной и беззащитной пылинки в бескрайнем космосе, сейчас страдает о том, как спасти, защитить от гибели, доверенную ему Землю, и все живущее на ней», -беспомощно вздохнула я.

Зная Адама, я понимала, что своя собственная жизнь его интересовала мало, что ему не ведом страх перевоплощения. Наверное, больше всего его унижало полное бессилие перед космической катастрофой.

Последнее время он мало спал, ничего не ел. Почти все время проводил в медитациях. Он был единственным существом на Земле, кто мог что-то изменить, или хотя бы облегчить последствия встречи с кометой. Когда я спросила, обращается ли он с просьбой, с мольбой о помощи к Тебе, Отче, он гордо ответил, что он Сын не

динозавра, а Создателя всего сущего, и ему самому надо что-то уметь и показать Отцу и всему воинству Его, что он Адам, достоин звания Сына.

- Иначе, я просто скот безрогий, и место мне на свалке, Вселенной.

Ева, это испытание для нас, и никто не имеет права за нас испить эту чашу. Или мы человеки, и Сыны, или мы мошки. Третьего не дано, - Адам задумался и горько рассмеялся.

Ева, дано и третье, и четвертое, и ...

Если мы не спасем Землю, то придется начинать нам, следующее наше воплощение даже не с мух, а может быть, с водорослей, или бактерий.

Но я докажу, что я Сын, что подобие мое совершеннее и сотни комет. Я раскрошу ее, как вот этот орех, - он презрительно глянул на сухой орех кокоса, лежащий вдали от нас, под одинокой пальмой. От его взгляда орех взорвался и превратился в пыль, будто в него ударила молния.

- Но комета не орех, и она тоже создана, она не просто болтается в космосе по своей прихоти. Если она стремится к Земле, то это кому-то нужно. Я думаю, что это не случайно, и вообще я не верю в случайности, или чудеса. Я уверена, что всякая случайность, это созревшая закономерность.

Я не думаю, что уже пришло время нашего перевоплощения.

Мы еще совершенно ничего не успели на Земле сделать. Для этого у нас не было ни времени, ни возможностей. Мы только только начали привыкать к жизни на Земле и вдруг, катастрофа. Не мог Отец так быстро разочароваться в нас. Не заслужили мы такого быстрого воздаяния, - размышляла я вслух.

Я еще не рассказывала ему о том, как мы молились с Матерью-Землей, как просили Тебя, Отче, защитить все сущее от гибели. Я до сей поры, не совсем уверена, что это был не сон.

Но после той мучительной ночи, когда мы молились и услышали Твое обещание спасти Землю, душа моя успокоилась и я забыла о откровении дельфоса.

Я поверила, что Ты, Отче, любишь нас и не оставишь на произвол стихий, и власти хаоса.

С тех пор, как мы поселились на Земле всякая связь с Тобой, Отче, и ангелами у нас прекратилась. Мы оказались, как бы в пустоте, в закрытом, ограниченном пространстве.

В Эдеме мы видели сияние Твое, Отче, видели ангелов, ощущали и осознавали архангелов.

Да, первое время, на Земле, когда нам бывало очень трудно и мы в тоске и надежде взывали к Тебе, Ты посылал к нам ангелов, и они поддерживали нас,

укрепляли наш дух. Но потом они стали появляться все реже и реже, а может быть, мы просто перестали их видеть и слышать.

Перестали же мы видеть души друг друга, потеряли способность общаться на расстоянии. Мы даже летать разучились.

Спасибо Тебе, Отче, что Ты оставил нам возможность взывать к Тебе, оставил нам веру в то, что Ты слышишь нас, надежду на то, что Ты никогда не оставишь нас без Твоей любви.

Я не молю, Отче, чтобы Ты разговаривал с нами голосом, как мы разговариваем, друг с другом, мне достаточно того, что Ты принимаешь мою любовь, что Ты оберегаешь, и скучаешь о нас. Я ощущаю это каждый день, каждое мгновение.

Я знаю, что если бы Ты хоть на мгновение оставил нас, то остановилась бы Земля, упало бы с небес Солнце, и Дух Твой покинул бы всякое дыхание на Земле, и пожрал бы все огонь, и поглотила бы все тьма вечности.

Но мы дышим, сияет Солнце на лазурном небосводе. Всходит луна, сверкают далекие миры.

Все это мы видим, слышим, ощущаем, и это является свидетельством, что это Ты, во всех проявлениях Своих даруешь нам осознанное бытие, укрепляешь нашу веру в то, что Ты любишь нас, что Ты помнишь о нас, что Ты никогда не оставишь нас.

Но иногда даешь нам возможность почувствовать себя самостоятельными, свободными, чтобы мы показали Тебе и себе, на что мы способны, чтобы укрепилась вера наша в то, что мы души Твои, способны исполнять с радостью, всякую волю Твою, что Твоя воля стала нашей свободной волей, что наша потребность даровать любовь свою всему сущему, стала главным признаком человека.

Мои обращения к Тебе, Отче, прервал Адам.

- Ты, Ева, не пытаешься понять меня, как Сына Творца, а не создание каким нет счету. Ты стараешься отыскать во мне только те качества, свойства, которые не нравятся тебе в себе. Ты стараешься искоренить их в себе, не даешь им развиться, созреть и бросить семена в наших детей и тех, кто окружает нас.

Да, тебе видно все отрицательное во мне, потому, что ты видишь меня, как свое подобие; со стороны. Себя же со стороны ты увидеть не в состоянии; а я – вот он – бери, поворачивай, рассматривай, критикуй.

Представь себе, что я тоже нахожу в тебе многое такое, что боюсь обнаружить в себе.

Хотя я знаю точно, что если это есть в тебе, подобии моем, то уж конечно этим качеством ты обязана мне.

Ты часто удивляешься, почему я не доволен тем, как устроил меня, Отец.

У меня иногда возникают мысли, что Он создал меня по образу и подобию Своему не для Земли, где Он оставил нас, как подобие Свое, как наследников и законодателей, а для мира, менее плотного, менее жесткого и жестокого.

Здесь, на тяжелой Земле, где нам передвигаться очень трудно, где наша мысль осталась такой же мгновенной и свободной, как когда-то в Эдеме. Тело наше изваянное, сотворенное из плоти, не может оторваться от Земли, потому что оно является ее продолжением, ее неотделимой частью.

Я посмотрел бы на ангелов или духов, или тех самых великих архангелов, если хотя бы на один день, один год их дух замуровали в панцирь из кремния, глины, железа; во что нарядили меня.

Я посмотрел бы на их рожи, посмотрел бы на их визжащие от ужаса души, не способные не только носиться по пространству, со скоростью мысли, но не способных даже пошевелиться в этих каменных кандалах, приковавших нас к Земле, которая держит все ползающее по ней своими каменными руками.

Она, бедная, боится за нас, боится, что если на миг она отпустит нас, перестанет притягивать к своей груди, то мы сразу же окажемся за ее пределами, в черных, холодных зубах бесконечного космоса, который вырвет нас из ее теплых рук.

Да, создан я по образу и подобию вечного Отца нашего. Да, испытал я в Эдеме радость познания бытия с ангелами и духами. Да, познал я, что есть беспредельная Свобода духа, мысли, знания.

И вот теперь я здесь, на Земле, в этом «каменном мешке», который называется плотским телом. Я обязан каждый день это тело наполнять фруктами, овощами, заливать водой, слушать, как все это бурлит, кипит, варится, возле моей души.

Половина моей жизни уходит на то, чтобы набивать эту кишку; иначе тело разрушиться.

- Ева, подскажи, объясни мне, пожалуйста, чем сейчас на Земле, отличаюсь я от любого зверя или скота, или даже вон того червя, который залезет на мой палец.

Хотя я властелин всего, что сотворил Отец, на радость Себе и нам. Я властелин этой гусеницы, которая сейчас залезет мне на ногу, и будет щекотать меня своими колючими волосами.

Ева, если я сын, если я подобен моему Отцу, то я хочу, я обязан быть подобным Ему во всем, понимаешь, во всем.

Не только в желаниях, но и в возможностях. А сейчас, я, сдавленный и придавленный притяжением Земли, как я могу поступать, как поступает Отец, если я действительно создан по образу и подобию Его.

Как от этой колючей гусеницы, я могу требовать, чтобы она поступала так, как

поступают ангелы. Для этого ей необходимо не только обладать всеми свойствами и качествами ангела, но и попасть в ту среду, которая предназначена для ангелов.

Объясни мне, в чем подобие гусеницы с ангелом, и в чем мое подобие с Отцом.

Наверное, в том, что у Отца есть и желания и возможности, а у меня желания, как у Отца, а возможности, как у гусеницы. Но гусеница счастливее меня: у нее одно желание – сожрать вот этот листок – и она его сожрет.

В мою душу, в мое тело заложены желания тысячи архангелов, а возможности; я уже сказал тебе, какие.

Адам задумался, — Да, я все о себе, да о себе, - усмехнувшись грустно, как бы что-то вспомнив, сказал он.

Ты же сейчас тоже подобие Отца или тебя устраивает такое подобие?

Если наше подобие только в том, что мы познали, что делать нам полезно, а что нам вредно, что приятно нашим братьям-скотам, а что делать для них нам противопоказано, то лучше бы я вечно оставался в приятном неведении и жил в Эдеме, чем теперь, познав это, так называемое «дозволенное» и «запретное» оказался прилепленным, как слизняк к земле, но зато теперь, я стал, «как один из них».

Но они, как были, в Эдеме, так там и остались. В каком теле были, в таком и ныне живут.

А нас за то, что стали мы подобными архангелам, духам, за то, что стали отличать свет от тьмы, из Эдема попросили. Мы что, кому-то там помешали? - негодовал Адам. Я рассмеялась.

- Милый, почему ты говоришь, что нас попросили? Никто нас не выгонял. Просто мы выросли, созрели для самостоятельной жизни, стали такими, какими принесем больше пользы на Земле, а не в Эдеме. Эдем не для нас.

Нас всему обучили, определили, что мы способны, не только самостоятельно есть, но способны обучать других, жить по законам истины, света, кто созрел для этих знаний. Способны помогать Отцу на Земле.

- Отдайте мне мое прежнее тело, оставьте меня тем, кем я был, и там, где меня сотворили. Если меня в Эдеме создали, значит, я и должен, оставаться там, значит я для Эдема и создан, - не унимался он.

Представь себе, Ева, что мы сейчас выбросили рыбу из моря и заставили ее жить на берегу. Скажи, долго она будет любоваться полуденным солнцем, долго она будет наслаждаться пеньем птиц и запахом цветов?

Отче, давно я не видела Адама таким несчастным, забывшим, что все, о чем он сейчас пытает меня, мы обсуждали уже не единожды, и с Учителем, и с Дельфосами.

Трудно нам, Отче, и очень трудно через бесконечные испытания идти к Тебе,

прокладывать путь духу нашему к Тебе.

Я много раз объясняла Адаму, что поместил Ты души наши в этот «каменный мешок» ради того, чтобы укрепить нас, чтобы мы на своем опыте познали, как невыносимо тяжко приходится всем тем, над кем мы поставлены Тобой, воспитателями, жить в плотском теле. Как мы поймем их, не побывав в их шкуре, не прожив хотя бы сотую долю того, что испытывают они. Как мы можем сочувствовать им, не испытав холода, жары, боли, страха рождения во плоти, боли и страха расставания с этой самой плотью, рабом которой становится всякая душа на Земле.

Побывав в их шкуре, мы, разумные создания Твои, больше полюбим их, за их безропотное терпение.

Я всегда говорила и говорю ему: «Милый, прежде чем повелевать, ты научись повиноваться Отцу нашему, научись быть благодарным, за то, что ты уже не червь, что тебе дано познать, осознать все сотворенное Им».

А тем, кто доверены тебе, все это только предстоит пройти. И если через эти испытания больно и страшно проходить тебе, Сыну Создателя, который все осознает, видит путь свой, знает конечную цель свою. Ты представь себе, как мучительно больно тем, которых ты обязан вывести, вынести на своих плечах к стопам Отца нашего и сказать: «Отче, вот те, которых Ты доверил мне. Все они целы, счастливы. Все они знают Тебя, любят Тебя и преклоняют душу свою пред очами Твоими, вместе со мной».

Нам необходимо, Отче, научиться жить в плотском теле, так же свободно и легко, как жили мы в теле духовном. А будет это тогда, когда осознаем мы, что не плоть мы, а Дух Твой во плоти, что плоть – это средство, один из инструментов, через который мы познаем многообразие проявлений Твоих и своих.

Если мы будем помнить, что плоть всего лишь инструмент, а не «Я», не личность наша, а всего лишь временная личина – оболочка, то мы, как властелины своего тела должны постараться, чтобы этот «каменный мешок», как говорит мой Адам, превратился в мощные крылья, которые подарил нам Ты, Отче, на временное пользование, на Земле стали умелыми руками, ясными глазами, сильными ногами.

Чтобы все это служило покорно душе, в которой Ты, Отче, Властелин.

Знаю я, Отче, что пройдет время и успокоится муж мой, и осознает все, и устыдится, и покается в слабости своей. Я понимаю его, ибо знал он прежде, что есть истинная свобода, но не ценил ее, и ныне ему, Отче, действительно невыносимо тяжело; на душу Сына одевать плоть, подобную скотской. Но необходимо нам под руководством Духа, плотью плоть познать.

И великое Тебе, спасибо, Отче, что служение это, доверил Ты не архангелам, не ангелам, не духам, а Адаму и мне. Что нам надлежит первыми проложить путь всей

живой плоти к Тебе, осветить этот путь светом знания, осознания.

Для этого душе нашей, на краткое время необходимо принять все законы, по которым существует всякая плоть живая, пожить ее законами, познать ее, а познав – научить плоть жить по законам духа – законам беспрерывного совершенствования своего, продвижения к Духу Создателя всего сущего.

Всякая плоть инертна – тяготение ее к покою, расслаблению, растворению. И только Дух Твой, который все пронизывает, проникает, заполняет, наполняет, колышет, вибрирует, встряхивает и перемешивает, все, приводит в движение, наполняет стремлением к росту.

Противопоставляет тьму – свету, покой движению. Движение плоти, порождает соприкосновение, соприкосновение порождает наслаждение, наслаждение порождает утомление, желание насладиться покоем.

Дух не ведает покоя, его вечное стремление к бесконечному изменению. Стремление плоти – приковать Дух к вечному покою.

Два эти стремления - и есть, бытие – жизнь. И стремления эти никогда не покорятся друг другу. Из всего сотворенного Тобой, Отче, только в человеке Ты объединил, соединил несовместимое. И трудно нам, Отче, быть одновременно и плотью и духом, и скотом и ангелом, и светом и тьмой, и жаром и холодом. Задача человека – уравновесить движение и покой в душе своей и всего сотворенного Тобой.

Но как прекрасно, как чудно это, Отче, когда поймешь, когда осознаешь, что и в этом, мы подобны Тебе, что дал Ты нам силы, разум, осознание, не только обладать свойствами, качествами, признаками, подобными Тебе, но и осознать это, иметь свободу творить, подобно Тебе, благо всему сущему.

Мы, частицы Твои, созданные из плоти и духа, в подсознании своем осознаем, что наша плотская сущность, каждое мгновение меняет свою изначальную форму. Наша душа с каждым днем, с каждым часом, теряет ту первичную силу, энергию, которой Ты наделил нас изначально, тело наше с каждым днем становится более вялым, более тяжелым, менее послушным, нашей душе.

Оно теряет способность быть полезным Твоему духу. А иногда оно просто не способно выполнить приказания и желания Твоего духа, хотя и стремится быть полезным, послушным Тебе, Отче.

И тогда, жаль мне, Отче, мое тело, жаль, что стремление служить Тебе у него есть, а возможности ограничены. В этом и есть великое противоречие между плотью и душой нашей.

Создать равновесие, объединить плоть с духом, способен только Ты, Отче, который в нас. Эту возможность, эту свободу, Ты даровал, Отче, и нам, человекам. Но

Ты даровал только возможность, только свободу выбора, а силы, знания, умение, мы обязаны накопить, сотворить сами; хотя все это есть внутри нас, и вокруг нас. Нам необходимо, страстно желать быть подобными Тебе. Иметь в душе благие пожелания и помнить, что желание быть подобием Твоим, недостаточно, нам необходимо трудиться подобно Тебе.

По любви Своей к нам, человекам, Ты нашу вечную жизнь разделил на тысячи и тысячи маленьких, коротких жизней. Для того, чтобы мы имели возможность передохнуть, осознать себя в материальном и духовном, мире. Чтобы мы научились ценить время, отпущенное нам на радость созидания, общения с Тобой, Отче, и время, отпущенное Тобой на отдых и осознание познанного нами на Земле.

Одна, бесконечно долгая жизнь, была бы для нас бессмысленна, не имела бы смысла и цены.

Это было бы, как нескончаемый звук на одной ноте, как беспрерывный, яркий, солнечный день, как нескончаемое наслаждение красотами Эдема. Невозможно для человека беспрерывное наслаждение, беспрерывная радость.

Любая, даже самая тонкая, самая изысканная плоть устает от однообразия самых изысканных и утонченных вибраций.

Все, что создал Ты, Отче, в любых мирах, требует отдых, каким бы совершенным и долговечным, ни было наслаждение. И чем совершеннее, чем больше энергии получило и израсходовало творение Твое, тем больше времени и сил, ему необходимо для нового воплощения для нового, еще более мощного рывка, в преданном служении Тебе, Отче.

Не вечны ангелы, не вечны Силы, не вечны близкие и дальние вселенные. Все, что движется, вибрирует; раньше или позже устает, теряет энергию, инерцию, форму. Душа существа погружается в глубокий, временный сон, а отдохнув, очнувшись и вздрогнув, как листок от соскользнувшей с него росинки, ускоряет, вибрации свои, набирает, усиливает обороты для нового бытия. С жадностью притягивает к себе частицы энергии, создает для себя новую форму, в которой наметила душа продолжить свое бытие, еще в прошлом воплощении.

И Ты, Отче, внемлешь ее мольбам, и помогаешь ей осуществить ее желания, чтобы продолжалась жизнь ее в радости осознания, подобия своего, подобию Твоему. Но дабы не возомнил человек из себя равного Тебе, поместил Ты нас, Отче, на Землю плотную и одел Ты душу нашу в плоть, и дал возможность душе нашей самой лепить из плоти Земли образ тела своего.

Дабы до времени, сохранить силы духа нашего, для дел подобных делам Твоим. Дабы силы духа нашего приносили радость всему сущему во плоти. И дабы через Адама, увидела, услышала и осознала Тебя, Отче, всякая душа живая. А осознав Тебя в себе, и себя частью Твоей, было у нас, всех созданий Твоих, единое желание и стремление: творить радость, мир, любовь каждой Твоей частице. Дабы любовь наша друг к другу заполняла Тебя так же, как и нас любовь Твоя. Дабы стали мы и во плоти и в духе Тебе подобными. Дабы назвал Ты нас Сынами своими. Дабы созрела плоть наша для служения духу нашему, который в нас всегда есть Ты. И дабы стала плоть наша земная духовной, подобной плоти ангелов и божеств. И дабы назвал Ты нас Сынами своими пред ликом всей твари Своей и сказал: «Вот Сыны мои — человеки — они первыми из имеющих душу, любовью, служением своим показали, что в плотном теле, любовью своей, творенье Мое, способно нести свет всему сущему, как несут его существа созданные из света, огня, эфира, любви. Они показали, что любовь и вера способны оживить и камень, и воду, и тьму, превратить в свет.

Вот, что постаралась объяснить, внушить я, Отче, любимому сыну Твоему, и мужу моему. Дабы раскрыть глаза души его, дабы укрепить крылья духа его. Дабы узнал, увидел он, то очевидное, во что верю я, что очевидно мне. Как очевидно небо, восходы и закаты солнца, как очевидны и реальны Кент, Нея, Дельфосы; как очевидны и реальны я, Адам, и Ты, Отче.

Глава 21. Сынами Создателя не рождаются, ими становятся. Ангелы прекрасны поступками и обликом. "Не навреди".

И всегда после дней уныния и печали, наступали у Адама дни взлета и самоутверждения. Видимо всякий раз, когда уставала душа его, когда истощались запасы энергии от непомерно активной работы, дух Твой, Отче, щадил Сына Твоего, и Адам впадал в депрессию, чтобы до времени, не перегрузить, не надорвать, не разрушить, не сломать крылья веры его.

В такие дни, Отче, мне было больно смотреть на мужа. Казалось, что в неудачах его повинна я; ибо почти всегда могла предвидеть, чем завершится очередной его проект.

Старалась объяснить, удержать от ненужной траты сил и времени, но Адам всегда оставался непоколебимым в своих решениях и в моих советах, или предостережениях он просто не нуждался.

Но сейчас вставал вопрос, касающийся не только воли Адама, потому, что дело касалось Кента и Неи.

Ты, Отче, дал Адаму первых детей, но и что из них получится, мы с Адамом пока совершенно не представляем.

Мне нравится Кент, он разумный и настойчивый. Он легко все усваивает. Можно сказать, что это разумная копия Адама, в образе получеловеческом, полуконском. Кент называет себя только человеком, и очень гордится этим. Я думаю, что на Земле человек может иметь любой облик; главное, что бы душа оставалась человеческой; любила Тебя, Отче, и все, что сотворил Ты, в этом и будет его человечность. А если по облику он будет, как мы с Адамом, а по поступкам, как тля, то лучше не надо таких человеков совсем, чтобы не позорить перед всякой тварью, Отче, имя Твое, и имя Сына Твоего – человека.

Отче, я думаю, что только Адам – Сын Твой, потому, что Ты его сотворил и только в него вдохнул Дух Свой Святой, а все кто от Адама – это уже сыны Адамовы – сыны человековы.

И как объяснял нам Учитель и Дельфосы, остальным человекам необходимо будет заслужить верой и делами, звание Сына Твоего, Отче.

Не знаю только, кто я? Сын от создания, творения, или если я от Адама взята, то мне необходимо заслужить звание Сына Твоего, Отче.

Я решила, что не имею права носить звание Сына Твоего по наследству, если даже оно дано мне от сотворения. Я обязана делами показать всем, кто населяет Землю, каким обязан быть Сын Твой, Отче. Чтобы все собратья мои обитающие в любой стихии земной, сказали: «Вот, Ева идет, она Сын Отца Создателя нашего. Мы никогда не видели Отца нашего. Но как поступает она, так поступить может только Отец наш Создатель, и такими хотим быть и мы. Мы будет поступать подобно Еве, и тогда и нас Отец усыновит: назовет Сынами Своими любимыми».

Мне кажется, что и Адаму надо было бы подтвердить звание Сына Твоего, делами своими на Земле. Заслужить это высокое звание любовью всех тех, над кем он поставлен властелином и господином. Чтобы они нарекли его Сыном Твоим, Отче, по делам его, подобным делам любви Твоей.

Мне смешно и грустно бывает, когда муж мой гордо вздымает голову и, ударяя себя в мощную грудь, произносит: « Я Сын». В такие минуты мне кажется, что словом «Сын» он хочет кого-то запугать. Я бы поклонялась ему не только, как мужу, но как и Сыну Твоему, Отче, если бы в его устах слово «Сын» несло в себе любовь и мир, всему сотворенному Тобой, а не угрозу и высокомерие.

Если бы в этом святом слове, всякая тварь земная, ощущала, слышала Тебя, Отче, слышала слова истинного Сына, который говорил: «Братья, я пришел на Землю, чтобы передать вам всем любовь Отца Создателя нашего, чтобы дать вам свет знания,

чтобы научить вас радости бытия. И как жертвует бескорыстно Себя наш Отец, так и я отдам вам всего себя до последней вибрации, дабы открыть глаза ваши на любовь Отца.

И я буду с вами, братья мои, пока каждый из вас не скажет: «Мы увидели, Отче, на Земле Сына Твоего созданного, мы увидели и осознали, каков есть Ты, Отец наш. Прими, Отче, поклонение и восхищение наше за радость встречи с образом Твоим на Земле».

Но пока, Отче, к сожалению моему, я не могу произнести слова такие. Может быть, я просто не понимаю намерений и дел мужа моего. Меня все устраивает и восхищает в облике его, но намерения души его, меня пугают. Я не хочу, чтобы такими же жесткими и холодными были Кент и Нея. Нет, Отче, я не могу сказать, что Нея похожа на Адама.

Нею, я очень люблю, она душенька, она лапушка; сама любовь, сама нежность и покорность. Мне так и хочется прикоснуться к ее роскошной гриве, или легонько ущипнуть за розовенькое ушко; такая она всея лучистая, открытая и доброжелательная. Но я никак не могу ее представить в образе будущей матери. Не могу вообразить себе, какие у нее будут дети: жеребята, человеки, или такие же, как она полукони. Не могу вообразить, как она будет кормить своих детей грудью. Мне почему-то видится Нея, которая держит на руках такое же маленькое существо, каким была она; такое же голубоглазое, с белыми кудряшками на лбу, чистое, как ангел, которое доверчиво прижимается щекой к груди, поглаживая ее пухленькой ручкой.

А вот ниже, я вижу маленькие копытца и пушистый хвостик, которым весело покручивает сосущий малыш. И этот хвостик, и эти копытца, меня почему-то смущают. Пусть лучше у Неи, Отче, будут детки обликом и статью подобными земным человекам.

В отношении Неи я спокойна, а вот поведение Кента меня настораживает: уж слишком он похож на Адама, где-то даже более практичный, лишенный эмоций. Готовый пожертвовать своим покоем и временем ради исполнения намеченной цели. Он безжалостно относится к себе, и требует, чтобы все следовали его примеру. Слабых и ленивых он просто презирает; говорит, что на Земле их время уже прошло. А если с ним кто не согласен, то пусть переселяется на любой не обжитый остров, потому, что пока он на Земле, время ленивых никогда не наступит.

- Ты слишком молод и категоричен. Мне думается, что нельзя подходить ко всем тварям с единой меркой, нельзя всех мерить по себе. Мы же все разные; такими нас создал Отец, пытаюсь внушить я Кенту.
- Нет, мама, никого Отец наш не сотворил хилым и чахлым. Только сами мы делаем себя жалкими, пытаясь отлежаться, затаиться там, где необходимо набираться

сил, чтобы быть готовым победить любую опасность. А потом, когда брюхо у обезьяны становится таким пухлым, мощным, как у мамонта, мы оправдываемся, что таким нас слепил Отец.

Нет, мама, это наша лень и ненасытность слепили нам такое неподъемное брюхо, которое можно разделить на двадцать горилл, а он его один таскает. Я никому не позволю, свою лень перекладывать на плечи Отца нашего. Никому не позволю ленью заражать своих братьев.

Во время всего разговора со мной, Кент внимательно рассматривал что-то, что лежало недалеко, в тени кустов.

- Вот скажи, мама, что там валяется: камень, куча травы, или что-то живое? указал он взглядом на заросли пионов.

Я попыталась рассмотреть, что там действительно находится, но так и не поняла: «Куча каких-то листьев, может быть помет динозавра», - подумала я.

- Не пытайся, мама, не угадаешь. А я знаю, это шакал Яшка.

Кент резко свистнул. От испуга, куча подлетела вверх, перевернулась в воздухе, и на землю, на все четыре лапы встал шакал Яшка, с низко опущенной мордой, и поджатым хвостом. Теперь эта тварь вновь напоминала серую кучку мусора.

- Иди сюда, брезгливо позвал Кент шакала.
- Кто я? послышалось из мусора. И Яшка, вдавливая себя в землю, подполз к сыну. Его розовый, слюнявый язык вытянулся из приоткрывшейся пасти, чтобы лизнуть копыта Кента, но он быстро и нервно отдернул свою ногу, и также быстро сделал шаг в сторону. Оттер копыто веткой мяты, как будто испугался, что Яшка успел лизнуть его, и успел заразить своей ленью. Он отступил два шага назад, чтобы шакал лучше видел его.
- Встань, уже спокойно, и с какой-то жалостью в голосе произнес Кент. Подними голову и смотри мне в глаза, приказал он.

Голова Яшки, как у парализованного, вздрагивая в тиках, уставилась на сына.

Отче, такое запущенное, грязное тело я видела впервые. Его морда покрылась какой-то коростой, прошлогодней клюквой, малиной, еще какими-то засохшими и прилипшими к темени и ушам фруктами. На хвосте болтались, как колокольчики, бурубышки окаменевшего кала, они даже звенели.

- Вот смотри, мама, каким засранцем создал его наш Отец, как Он понасмехался над творением своим, - с иронией и удовольствием произнес Кент. Жаль только, что Он не сотворил ему специального ангела, который облизывал бы ему под хвостом.

Мама, ты уверена, что таким его создал наш Творец? – с насмешкой спросил Кент. Мне нечего было возразить. Уже давно животные говорили мне, что шакалы ленятся сами добывать себе пищу, и питаются объедками, какие остаются после крупных зверей и скотов. Они превратились в грязных, неряшливых побирушек, перестали ухаживать за своей плотью. Их шерсть свалялась, хвосты повисли, в глазах появился блеск зависти и угодничества. Они стали терять тот неповторимый облик, который отличал их от их собратьев.

Теперь каждая маленькая семья шакалов старается быть похожей на тот табун, или стаю животных, чьими объедками они питаются.

- Мама, да ты всмотрись, Яшка потерял свое лицо. Он скоро начнет блеять, как козел, потому, что все время отирается возле коз. Подбирает, что не доели они; где ягода с дерева упадет, где корешок останется, короче, побирушка.
- Яшка, обратился он к шакалу Я слышал, как енотиха пугала тобой, своих щенков. Говорила, что если они не будут вылизывать свою шерсть, не чистить зубы и мордочку после каждого обеда, то станут такими же грязными. И над ними так же будут виться тучи насекомых, и лезть им в глаза, уши; не давать ни сна, ни покоя.

Я знаю, что таким грязным и запущенным сотворил себя шакал своей ленью, бездельем, а потом оправдывается, что таким его устроил Создатель. Я не могу даже слышать, когда свои пороки, безответственность, какая-нибудь тварь пытается переложить на совесть Того, Кто подарил ему жизнь, дал возможность наслаждаться всем тем, чем обладает Сам. Нет, некоторым этого мало; они требуют, чтобы за ними ходили, или летали ангелы, или сам Создатель, и подтирали им под хвостом, - негодовал Кент. Его ноздри нервно вздрагивали, глаза сузились. Казалось, что неуважение к Отцу, он воспринимает, как личную обиду, что это его не уважают и не слушают.

- Кент, возразила я, если Отец принимает Яшку таким, каким он сейчас является, то почему ты решил взять на себя роль воспитателя? с любопытством спросила я.
- А кто, мама, это обязан делать? Или ты предлагаешь оставить все так, как есть? Я человек, и я за все в ответе. Нет никакого другого создания, какое могло бы предотвратить хаос на Земле. Я, как и родитель мой, Адам, как ты, мама, хочу стать сыном Создателя.

Ты сама учила, что сынами Создателя не рождаются, что усыновление необходимо заслужить. Для этого нам требуется подражать нашему Отцу-Создателю. Я пока создать ничего не способен.

Я решил хотя бы сохранить в первозданном виде все то, что сотворил Отец, не позволять тварям земным ленью и бездельем разрушать себя. Иначе лень станет

привычкой, неизлечимой болезнью, которая разрушит живое существо, превратит всех в безвольных рабов. Ты рассказывала, как трудно было избавить моего родителя Адама от главного его порока; привычки к безделью. Как он убеждал тебя, что в нем поселился какой-то невидимый и не слышимый никем дух, который запрещал ему рано вставать, советовал повкуснее и побольше поесть, хорошо отдохнуть, - шептал, что он еще наработается.

Я не желаю повторять ваши ошибки и заблуждения. Мне есть, у кого учиться, чтобы не совершать то, что совершали вы по неведенью. Вам это не ставилось в вину, потому, что до вас никто на Земле не ошибался, так как не было на ней подобных вам.

Мы с Неей, за свои глупые поступки будем отвечать перед вами, Отцом нашим, детьми которого, мы обязательно станем, и перед теми, кого мы обязаны вдохновить, своим примером, и защитить их от их собственной лени. Чтобы они потом не сказали, что бездельниками их сотворил Отец, что в кишках у них поселился какой-то дух, который заставляет их безмерно жрать и беспробудно спать.

- Сын, мне кажется, ты слишком строг, слишком торопишься. Этой болезнью, можно сказать, когда-то переболела и я. Мне тоже хотелось поскорее покинуть пределы Эдема, чтобы помочь ожидающим нас за эдемской оградой тварям земным. Установить на Земле между всеми тварями мир, оградить слабых от притеснения сильных и злобных. Показать личным примером, как заслужить любовь Творца. Хотя родитель твой был лениво мудр, и за ограду эдемскую не торопился, ему нравилось размышлять, как он обустроит Землю, не прикладывая особых усилий. Он предполагал, что все произойдет по слову его, по команде, как у Отца нашего. Отец сказал: «Да будет свет – и стал свет. И родился свет из тьмы». Сказал водам: «Произведите душу живую» – и поплыли всякие рыбы, и гады морские.

Родитель твой, предполагал, что подобно Отцу повелевать Землей способен и он. Скажет реке: «Остановись, и поверни вправо – и река исполнит его повеление. Скажет солнцу: «Замри, возвратись, пусть настанет новое утро» – и станет так, и наступит новый день, прежде нежели завершится.

У меня, сын, чесались руки, и пылала душа; поскорее применить знания, которые мы получили в Эдеме, поскорее сделать всех обитателей Земли счастливыми, благодарными, удовлетворенными. Но с первых же дней я поняла, что радость и счастье каждой тварью понимается по-своему. Никто не желает исполнять нашу волю, потому, что у каждого есть своя собственная душа, и у всякой души свои собственные планы на свою свободу. И ничья воля, если это воля даже вылупившегося цыпленка, не желает добровольно подчиняться воле своих собственных родителей.

Я узнала, что самое крохотное создание, видимое только духовным зрением,

согласно погибнуть, но не покориться нашим благим поучениям, и остаться таким, каким его сотворил наш Создатель.

Никого не возможно силой заставить радоваться, быть счастливым человеческим или собачьим счастьем. У каждого, сын, своя воля, своя свобода, свои пчелиные, рыбьи, или червячьи радости и печали.

Я поняла, что мы, человеки, сейчас на Земле должны просто оградить одно сообщество скотов или, зверей от влияния, или притеснения других; более сильных, или более жестоких. Но ни сейчас, ни в будущем, не пытаться пересотворить кого-либо для своих потребностей, заставить быть не тем, кем Сотворил его Отец для своих, а не для наших целей.

Мы обязаны не мешать им, совершенствоваться, в тех задачах, которые поставил перед ними Отец. Мы должны осознать, что мы обязаны быть на Земле такими, чтобы всякой твари захотелось подражать нам: быть подобными человекам, но только в делах радости, милосердия. Для этого мы созданы, для этого нас поселили на Земле.

Если мы попытаемся сделать наших братьев счастливыми насильно, помимо их воли, помимо их возможностей и их естества, они напугаются, и из друзей мы превратимся в тиранов.

Ты же не хочешь, чтобы нас все покинули, или избегали встречаться с нами, как с чем-то опасным и непредсказуемым.

Кент слушал меня, стоя, впитывая каждое слово. За все время моего наставления он ни разу не задал вопроса, не показал своего несогласия с моими доводами. Я видела, что слова мои проникли в его душу, как струи прохладного ветерка в полуденный, заполненный горячим воздухом грот.

- Мама, - наклонившись ко мне, с восхищением произнес он. Ты всякий раз очищаешь мою душу, заставляешь посмотреть на мир совсем по-другому, не так, как видит все родитель, как смотрит на свое предназначение он. Ты пытаешься изменить меня, пытаешься научить, меня смотреть на все твоими глазами, подчинить мою волю, своей воле, - застенчиво произнес он. – Но я благодарен, что делаешь ты это так благожелательно, с такой добротой и любовью, что я принимаю с благодарностью каждую твою мысль. И мне становится стыдно за свои грубые, не обдуманные действия. Я люблю тебя, мама, с каждым днем все больше и больше. Я восхищаюсь смелостью и силой своего родителя Адама, его разумом, его желанием стать сильнее всех. Он говорит, что все, чем наградил его Отец наш, он передаст мне, сотворит из меня Адама, еще совершеннее, чем он. Потому что я от него разумом.

«Проси у Евы мудрости», - всегда шепчет он мне, если видит, что я не совсем понимаю то, о чем он говорит.

- А какая она, мудрость? спросил я однажды у родителя. Может быть, я смогу сам добыть эту мудрость. Ты же знаешь, папа, что я не люблю, как и ты, что-либо просить. Я хочу добиться всего сам. Бобо тогда весело рассмеялся и ответил: « У мудрости большие глаза, длинные, как у мамонта хобот, уши, и огромная во всю вселенную душа. А сама мудрость, такая крохотная и тихая, что увидеть ее может только тот, кто способен увидеть пролетающего в лучах восходящего солнца ангела».
- Ты, папа, конечно, шутишь, обиделся я тогда. Я не понимаю, что ты подразумеваешь под мудростью. Может быть, ты познакомишь меня с ней, если ты ее встречал, знаешь, как она выглядит, то может быть, тебе известно, где она живет? Давай, папа, поскачем к ней прямо сейчас, и ты меня познакомишь с ней, весело рассказывал мне свою беседу с Адамом Кент.

Он, мама, хочет, чтобы я был таким смелым, и настойчивым, как он, и таким же мудрым, как ты. Я пообещал, что исполню его волю, и стану таким, как он хочет меня видеть. Помоги мне, мама, научи меня мудрости.

- Любимый сын, - с грустью ответила я. Я не считаю себя мудрой, ибо мудрости невозможно ни у кого научиться и мудрости невозможно никого обучить; как танцам, пению, рисованию. Мудрость — это самый щедрый дар Отца нашего. Никто, ни ангелы, ни архангелы не ведают, как приходит к существу этот бесценный дар. Но мудрость — это все: и знание, и талант, и щедрость, и вера, и любовь. Став мудрым, существо становиться избранным Сыном и другом Отца.

Мудрость не падает на создание, как град, как изобилие радости. Я думаю, что Отец одаряет свое творение мудростью, зная заранее, кто оправдает его ожидания. Но я знаю, что мудрым становятся существа кроткие, спокойные, которые постоянно обращены душой своей к Творцу, которые видят Отца во всякой твари. В том числе и в шакале Яшке. Да, мой сын, и Яшка является творением Отца и в нем присутствует свет Создателя, и я не могу утверждать, что мы с тобой для Отца более дороги, чем этот не мытый шакал. Когда мы перестанем относиться к нему с презрением, когда ты попытаешься помочь ему стать опрятным, когда ты потратишь на него свое время и силы, чтобы сделать из него пример чистоплотности — это и будет твоим первым шагом к мудрости.

Мудрость, Кент – это поступать со всеми, так, как поступает со всеми Отец. Мудрость, сын – это не красивые поучения. Мудрость – это красивые поступки. Что красиво, что приносит радость и мир многим, то и мудро. Сегодня мудрость для тебя – это относиться ко всем терпимо. Установи равновесие в своей душе и пойми, что у Создателя нет хороших и не хороших детей, Ему все одинаково дороги. Относись ты ко всем братьям своим, как Он, и ты осознаешь, что есть просто другие существа, не

такие, как мы – другие, разные. Но от этого они не становятся хуже нас. Может быть, их работа не так заметна, как наша, может быть, они не так красиво говорят, как мы. Есть тысячи всяких «может быть» и «если».

Но я уверена в одном: мудрый, или тот, кто стремится к мудрости, никогда не подумает о себе, как о более совершенном, более ценном создании своего Творца.

Если бы эти шакалы не нужны были Отцу на Земле, он бы не сотворил их. А если Он их сотворил, то люби их, сын, и уважай. Это они подбирают за всеми скотами и зверями, и за тобой, Кент, всякие отходы. Мы и другие твари, у которых есть руки, которые способны достать с дерева самые спелые, красивые плоды и ягоды, гордимся, что мы чистоплотные. Представь себе, сын, что у тебя не руки, а когтистые лапы, которыми невозможно ничего взять, которыми невозможно ничего сделать, потому что нет таких красивых, длинных пальцев, которыми ты способен вытаскивать занозы у себя и у друзей. Ты можешь ими смешивать краски, рисовать на скалах своих близких, рисовать иероглифы, писать послания.

Помни, сын, что это не твоя заслуга. Ты получил это, как дар любви от нашего Отца. И когда Создатель сотворил нас по образу и подобию Своему, то был уверен, что все, чем Он поделился с нами; мы подобно Ему, поделимся со всеми, кому Отец еще не дал всего того, что дал нам – человекам.

Кент, самая великая радость для всех ангелов, каких создал Отец наш - это все силы свои, все таланты и способности, отдавать всякой твари. Для них нет красивых, «грязных», любимых, или не любимых; как для тебя. В их памяти записано: «Все создал Отец своей любовью». А что создано любовью Отца, то для них свято, достойно поклонения и восхищения. Они верят, что доставляя радость созданию, они служат и несут радость самому Создателю.

Как ты, сын, думаешь; они правы или нет?

- Да, мама, я с ними совершенно, согласен. Я думаю, что иначе мыслить просто не логично.
 - Я рада за тебя.

Если ты возомнишь, что ради человеков Отец готов забыть все сотворенное Им, что у него нет большей радости, как только любоваться нами, развлекать и нянчить нас, то получится, что все то, что сотворено до нас не имеет никакого смысла, никакой ценности для Отца.

Представь себе, сын, что ты родил десять детей, и дорог тебе только десятый, и десятый попирает и угнетает всех девятерых, рожденных прежде. Ты посмотри, разве среди скотов и зверей существует такое. Ты хотя бы раз видел, чтобы какая-нибудь мать только последнее дитя свое ласкала, любила, кормила, а остальных, отгоняла от

себя?

Так почему ты можешь предположить, что на такое способен Отец наш, что Он жестокосерднее неразумной твари своей? Так может мыслить существо, думающее только о себе, у которого душа в своем развитии находится на уровне самого примитивного растения. Если же так позволяет мыслить себе существо, которое называет себя человеком, то тем более больно смотреть Создателю на творение свое. Ибо тварь эта, человек - только обликом, а душа его еще подобна душе насекомого.

Поэтому, много подумай, сын, прежде, нежели осудить кого, или попытаться возвыситься над любой самой «невзрачной» тварью Отца нашего. Ибо так ты осуждаешь не саму тварь, а Того, кто сотворил ее в муках. Я говорю в муках, потому, что без страданий, без мук душевных, без вдохновенной страсти и сомнений не творит даже Он, Отец наш. Потому что во все, что сотворено Им, вложена часть разума, духа Его, и жива всякая тварь, потому что живет в ней Сам Творец, который творил ее.

Знал бы ты, сын, как страдают, как переживают ангелы, за всякую тварь, за родителя твоего Адама, за меня, которые служили Отцу нашему при сотворении всего имеющего дыхание.

- Мама Ева, а ты видела ангелов? с любопытством спросил Кент. Расскажи, пожалуйста, какие они, глаза Кента, Отче, выражали недоверие и сомнение.
- Адам говорит, что вы не только видели ангелов, но что вы жили с ними вместе, что они обучали вас всему, приглядывали за вами, охраняли вас от не обдуманных поступков. Но когда я прошу, чтобы рассказал нам с Неей о них подробнее; он отмахивается, отвечает, что ничего интересного в них нет, что они просто надоедливые сторожа, которые готовы держать человеков за руки, только бы мы, человеки, исполняли все так, как записано в их скрижалях. Говорит, что они надоели ему в Эдеме, а еще больше на Земле, и ему тошно о них вспоминать. А ты, мама, напротив, всегда говоришь об ангелах только с восхищением.

Расскажи, какие они, - с мольбой в глазах, продолжал он.

- Они прекрасные, кроткие, они, как мама. Они самоотверженные, верные, терпеливые, праведные. Я не знаю, что тебе о них сказать еще. У них никогда не возникает сомнений в верности своих поступков, они полностью доверяют во всем нашему Творцу, и поэтому они всегда счастливы, пыталась объяснять я Кенту все об этих слугах Отца нашего, все, что знала о них сама. Я видела, что мои объяснения не совсем удовлетворяют сына.
- А, как они выглядят, на кого на Земле они похожи? Может быть я тоже захочу стать таким же, как они, закончил он свой вопрос.
 - Сын, мне трудно описать, какие они, потому что я всегда воспринимала их по

поступкам, по той любви, которая исходила от них. Они все казались мне красивыми, прекрасными, своей доброжелательностью и чистотой помыслов. Я знаю, что все они разные по предназначению, как птицы небесные, как рыбы морские. Я видела ангелов с ликом и туловищем, как у нас – человеков, но раз в десять больше, чем мы. Видела ангелов с четырьмя ликами и даже с пятью ликами.

- А где пятое лицо?- удивился Кент.
- На темени, ответила я.
- Все лица одинаковые?- поинтересовался он.
- Нет, сын, на одной голове, с каждой стороны света по лицу: лицо орла, лицо льва, лицо волка, и лицо человека.
 - А что на пятом лице?- изумился Кент
- Не знаю, не могу объяснить, лицо, какого существа находилось на темени этих ангелов. Таких созданий на нашей Земле я не видела. Твой родитель говорит, что когда-нибудь такие лики будут у нас, человеков.
 - А когда?- не унимался Кент.
- Спроси у него, он тебе объяснит все подробнее. Мне он сказал, что такой лик станет у нас, когда наши помыслы и дела будут, как помыслы и дела этих ангелов.
 - Эти пятые лики, красивые?- допытывался он.
- Очень, они лучезарные, как солнце, на них невозможно смотреть ,не прикрыв глаза рукой. Поэтому они и направлены в небо, чтобы не ослепить видящих их, высказала я свою догадку.
 - Как же вы смотрели на них?- засомневался Кент.
 - Мы тогда, сын, жили в Эдеме, и были бесплотными, подобными тем ангелам.
- И на вас тоже невозможно было смотреть? Вы тоже были такими же блестящими?
 - Не знаю, засмеялась я, Я себя со стороны не видела.
- Ты сказал, что хочешь быть похожим на ангелов. Нет запретов. Поступай так, как они, неси радость всему сущему, не рассчитывая, что тебя за это будут прославлять; при встрече, осыпать цветами, и кричать: « Вот идет наш благодетель Кент, подметайте путь его хвостами своими, облизывайте пятки его языками своими».
- Ну зачем ты так, мама. Разве я похож на такого напыщенного глупца?- смутился Кент.
- Лучше предостеречь тебя от заблуждений сейчас, лучше преувеличить ту опасность, которая подстерегает нас, человеков, нежели потом пытаться уводить тебя с пути, который ведет в пропасть разочарования.

Сын, ангел – это не облик, это не пять лиц, или десять рук – это образ действий –

это поступки, угодные Отцу. Мы восхищаемся блистательной красотой изумрудных бабочек, радугой красок попугаев, изумительными трелями соловья. Наша душа готова рыдать от потока звуков и красок, которыми мы способны наслаждаться. Видя и слыша все это внешнее, мы не задумываемся о миллионах подземных жителей, которые непрерывно трудятся в темноте и сырости земной, пропуская через свое тело горы земли, взрыхляя ее, для того чтобы вырос красивый цветок, или ягода, или фрукты. Чтобы бабочки пили нектар этих цветов, попугаи и мы наслаждались бананами, орехами, медом, услаждали свой слух пением птиц. Мы, если не задумываемся, то даже и не подозреваем, кто готовит питание для нашей плоти. Мы восхищаемся мельканием красок и звуков, и равнодушно топчем ногами тех, кто бескорыстно служит нам в глубинах Земли, не требуя взамен даже благодарности.

Мы считаем, что нам все обязаны, а мы - никому. Нам обязан Отец, солнце, Земля; все, что на Земле и в водах. Мы определяем, кому и как быть, кто и как нам обязан служить. На все только наша воля, наше капризное настроение.

Ты думаешь, что ангелы, духи и все высшие силы, которые служат Создателю – это красавцы силачи, на которых невозможно смотреть потому, что они блистают и сверкают, как блики солнца в зеркале морских волн? Нет, сын, не все ангелы лучезарны, как солнце. Есть ангелы и другие, которые пожертвовали себя для служения Отцу нашему в кромешной тьме, в жаре плавящей камни, в холоде космоса, который нам с тобой невозможно даже представить.

Там, сын, и ангелы под стать стихиям: не пушистые и розовощекие, способные держать в руках только смычок, или кисть для расписывания покоев, а иссушенные вечным огнем или холодом, с искореженными, непосильной работой ногами, похожими, на козлиные копыта, руками напоминающие, клешни крабов. Некоторые, даже отказались от крыльев, так как там крылья будут только мешать работе, а те, у кого они еще есть похожи на кожаные крылья, летающих динозавров, на которых поднимается в небо Адам.

Вот такие, сын, настоящие ангелы: те, которые тысячелетия сами не видят света и тепла, ради того, чтобы все сущее на Земле нежилось в солнечных лучах и наслаждалось сладкими водами подземных источников. Скажи, сын, хотел ли бы ты быть одним из тех изуродованных, грязных; похожих на Яшку, ангелов, о которых я тебе сейчас рассказала?

- Не знаю, мама, - еле слышно ответил Кент, - Я не знал, что такое бывает. Я думал, что ангелы – это только те, красивые, порхающие духовные сущности.

Мне показалось, Отче, что у него даже крылья опустились, и голос стал хриплым.

- Да, сын, мы хотим парить над всеми в небе и не задумываемся, кто держит это

небо над нашей головой. Кто кружит миллионы лет в просторах вселенной Землю, и почему вода из рек и океанов, до сей поры, не вылилась на Луну, или почему мы так ловко носимся на двух ногах. И вообще, чем мы заслужили этот чудный дар бытия, и как нам, и чем нам воздать Отцу нашему за дар осознания, дар восхищения и самый чудный дар – дар желания быть вечной, осознающей себя частицей вечного бытия?

Но кому-то необходимо наблюдать за траекторией, движения комет, астероидов, регулировать температуру Земли, приливы и отливы океана.

Сын, ничто не возникло из ничего. Все создано мыслью Отца, по его установленным законам. В духовном мире свои законы и они не применимы к законам плоти. Плоть живет по законам, установленным Отцом для плоти.

Нас, человеков, Отец сотворил, как солнечный луч, через который от Него духовные законы будут воздействовать на плоть. Для этого мы, человеки, обязаны подготовить к духовной жизни сначала свою плоть, а потом через нас приготовить для духовной жизни скотов, зверей, гадов и все сотворенное Отцом.

Нам только кажется, что само собой каждой утро, в одно и то же время восходит солнце, сами собой приходят и уходят облака, идут дожди, растут деревья. В определенное время на них распускаются цветы, и также в определенное время созревают всегда одинаковые по вкусу и виду плоды.

Законы, установленные Творцом, неизменны во времени и пространстве для каждого вида и рода. Но как подброшенный в небо камень или палка не будут лететь ввысь вечно, а когда-то упадут на землю, так и все сотворенное из плоти не вечно, беспрерывно изменяется и когда-то успокоится в Земле. За всем плотским необходимо следить, чистить, корректировать. Как мы следим за чистотой подаренного нам Отцом тела. Чтобы оно было красивым, сильным и долговечным. Так ангелы и божества следят за движением светил: за временами и периодами, за циклами.

Не думай, сын, что, единожды сотворив нашу вселенную, Отец бросил все в хаос; на произвол и случай. У Отца на счету не только миллиарды вселенных, но и каждая молекула, каждая живая душа. Ибо все это связано в единый, живой организм, имя которому - Бытие.

Ничто не уходит в никуда, ничто не возникает из ни откуда. Бытие — это единый поток, который течет сам в себе. У Него нет берегов, ибо Бытие ничем не ограничено. У него нет начала и конца, ибо Бытие — Оно вечность в бесконечности. Рождаясь, существо не «рождается», просто вечная душа строит новую плотскую форму, в какой желает и способна обитать эта вечная душа. Душа остается той же самой, единственной неповторимой частицей Отца нашего, в которой, вечно прибывает Его дух, Его разум, Его Слово животворящее.

Сейчас, сын, мы приучаем свою плоть совершенствовать себя, управлять своими плотскими членами: руками, ногами, глазами, ушами – всем, что способно изменять окружающий нас плотский мир силой разума. Но придет такое время, когда мы, подобно Отцу нашему, научимся творить радость, оживлять, одухотворять все сущее в горах, реках, морях, лесах: все имеющее душу, по Слову, по Вере, создавшего нас Отца.

- Неужели, это возможно? изумился Кент.
- Да, сын, все возможно: возможно родить, оживить, а возможно и разрушить. Поэтому, Отец и не дал нам все силы сразу, которые заложены в нас изначально.
 - А почему не дал? Зачем они тогда заложены в нас?
- Затем, что легко разрушать то, что было создано до нас. Для этого не требуется ни разума, ни размышлений: достаточно грубой силы и самоуверенности, и ты способен истоптать, поломать любое самое красивое дерево, которое дает приют и кормит сотни птиц, бабочек, и белок. А если к твоей грубой силе прибавится еще гнев, гордость властелина, чувство безнаказанности и вседозволенности, то ты разрушишь и пещеры, в которых находят приют многие наши братья.

Разрушать, сын, мы способны уже и сейчас, но вред от наших действий пока незначителен. Но если нас будет сотни, тысячи, тогда и последствия могут быть заметными, губительными.

Вот поэтому, сын, мы должны показать Отцу нашему, что способны любить все сотворенное Им, хранить, приумножать радость всюду, где произносится имя человеческое. Мы обязаны показать Творцу нашему, что мы способны только на созидание, на распространение света знания по всей вселенной. Что самая великая радость для нас – это нести мир и гармонию всему сущему – быть подобными нашему Отцу.

- Мама, я всегда хотел и хочу поступать только так, как ты сейчас сказала, обрадовался Кент, но я хочу сделать всех счастливыми быстро. Для этого нам с Адамом приходится иногда применять силу к некоторым непонятливым или непослушным созданиям.
- Сын, я тебе уже как-то объясняла, что насильно осчастливить невозможно никого. Все печали, все грустные последствия бывают всегда оттого, что к существу кто-то пытался применить силу, кому-то хотели подарить «свое счастье» насильно.
- Всех нас, Отец создал разными и представление о радости, о счастье, поэтому у всех тоже свое разное. Ты, например, любишь носиться на перегонки с ветром. Для тебя счастье в скорости, в движении. Ты видел, чтобы я кому-нибудь пыталась доставить радость насильно? спросила я. Прежде чем вас с Неей или любое

существо, чему-то обучить или предложить делать иначе. Я вам стараюсь объяснить, почему, по-новому, поступать приятнее, удобнее, легче? – спросила я.

- Объяснять так долго и терпеливо, как ты, я не умею. Можно сделать все очень быстро; без всяких объяснений, уверенно ответил сын. Одному дал подзатыльник или щелчок и сказал: «Делайте так» остальные увидят и поймут все с первого раза, без всяких объяснений, весело ответил Кент.
- И ты, конечно, желаешь, чтобы мы с Адамом обучали тебя так же, как ты обучаешь своих собратьев? поинтересовалась я. Ты тоже, иногда с нами не согласен, тебе тоже иногда приходится кое-что объяснять дважды, напомнила я ему.
- Нет, я все понимаю и запоминаю с первого раза. Скажи мне, пожалуйста, когда я что-то не понял и мне объяснили второй раз.
- Разговор о насильном счастье мы ведем с тобой вторично. Вот тебе и пример, что наша первая беседа была безрезультатной, что ты так ничего и не осознал. Ты желаешь, чтобы тебе объясняли ласково, с уважением и терпением. Хотя ты разумный и обязан улавливать всякую мысль на лету. Но я повторяю, что все мы сотворены разными для того, чтобы познавать мир не с одной точки зрения, не каким-то одним, ограниченными сознанием, а сотнями, тысячами сознаний. И сознание каждого существа даст тебе свое видение, свое представление, свои мыслеобразы, например: о той же «радости», потому что без радости не может существовать ни одно живое существо: ибо смысл бытия всякой души радость, или назови это счастьем.

Но для одних существ радость – это творить, давать радость всем, кто рядом с ними: животные, растения существа подобные им. Радуя других, отдавая им свою энергию, свою любовь, видя радость тех, кого они делают счастливыми, они радуются сами. В этом их радость, их счастье. Они никогда даже не мыслят о том, что им тоже кто-то обязан подарить свою радость. Они самодостаточны, они радуются радостью других, как Отец наш.

Он счастлив радостью, счастьем своих творений и ему не нужны ни наши слова, ни наши благодарности. Его счастье, Его радость, когда Он видит, что все живые существа стремятся опередить друг друга в творении радости друг другу.

Мы должны помнить ежемгновенно, что это и является смыслом жизни человеческой. Что творение радости всему сущему – это главное предназначение человеческое, что в этом мы обязаны преуспеть более всего, чтобы быть подобными Образу Отца нашего. Чтобы не стать антиподом самому человеку, чтобы не быть подобным отражению своему в зеркале пруда; вверх ногами.

Чтобы слово «дай», «мне» и «мое», стало, сын, для тебя – человека - оскорбительным, унижающим тебя до уровня бессмысленного растения, или тли, на

этом растении. Тля, которая способна только одним концом своего тела всасывать, а из другого конца выбрасывать, губя то растение, на котором поселилась, которое кормит эту тлю. В этом ее радость, ее счастье, но она всего лишь тля.

Она тоже тварь Создателя нашего, она, как и все, сотворена Словом, вдохновением, любовью сотворившего ее. У нее тоже своя роль в этом мире и она тоже драгоценное звено в цепи мироздания. Прерви это крохотное звено, и ты нарушишь всю цепь. Может быть ты не заметишь этого. Но это заметят другие создания – жители неведомого, но связанного с нами невидимыми нитями Единого Бытия, - увлекшись своими рассуждениями, объяснила я Кенту.

- Мама, неужели все так сложно. Получается, нельзя даже шагу шагнуть, или громко чихнуть, чтобы не нарушить эту цепь, удивился он.
- Нет, я не говорю, что нельзя дышать, потому, что возможно кому-то навредить. Но мы обязаны помнить, что живущее живет не ради себя, но ради всех. Что нет на Земле ненужных или лишних растений, насекомых. И если сегодня мы не понимаем, зачем Отец создал то, или иное растение, насекомое, если оно для нас сегодня несимпатично, то это не значит, что оно никому не нужно.

Кажется, что эта тля абсолютно бесполезна, но посмотри, муравьи ее доят: она для них, как корова для теленка, она для них - кормилица. Если не станет ее, то могут пропасть и они. Вот и прервется маленькое звено. Исчезнут муравьи, некому будет рыхлить землю, убирать упавшие листья, чтобы в корни кустарников и травы проникали солнечные лучи и воздух.

Если этого не делать, то земля задохнется: покроется плесенью, гнилью, исчезнет трава, ягоды и прервется еще одно, уже более крупное звено, так как, нечем будет питаться мышкам, ящерицам, и это звено потянет за собой другое звено. И так по цепи...

- Что из-за какой-то там тли может погибнуть все живое на Земле, не удержался Кент.
- Не совсем так. Я просто привела тебе простой пример, что все, что есть на Земле полезно, и является необходимым звеном во всеобщей цепи Бытия, что все мы звенья этой цепи. И если мы бездумно станем разрушать, казалось бы, бесполезные для нас звенья, то не заметим, как эта цепь, или нить затянется петлей на нашей шее. Нам уже нечего будет разрушать, так, как мы останемся последним звеном на голой Земле.

Не надо будет ни комет, ни астероидов, ни каких других катастроф – мы сотворим гибель Земли собственными руками. И можем устроить это даже быстрее, нежели какое-то заблудившееся небесное тело. Ибо тело это может пролететь мимо Земли, а

от нас никто Землю не защитит, так как мы ее хозяева и мы прилепились к телу ее, как тля к листьям цветка.

Так, что надо еще подумать, кто самое главное звено на Земле.

- Я заметил, мама, что иногда хочешь сделать что-то полезное, а через некоторое время выясняется, что ты навредил тому существу, которое ждало от тебя помощи, или просило оставить все, так как есть, сын тяжело вздохнул.
- Да, ты прав. Необходимо помнить, что на Земле мы за все в ответе. Сын, одна из главных заповедей, которую мы обязаны произносить каждое утро после молитвы это «не навреди никому и ничему».

Глава 22. Ты вошел в меня, Отче, Твой дух поселился под моим сердцем. Беседа с Кентом.

Отче, я не могу понять, что со мной происходит. Уже несколько дней, как сосцы мои стали почему-то набухать, как-то зудят, и мне постоянно хочется их чесать. А недавно я увидела капли крови на своих ногах. Сначала, я подумала, что где-то поранилась: осмотрела всю себя, но не нашла нигде ни царапины. Странно, но через день я вновь увидела на ноге кровь; и вновь, сколько мы с Адамом не искали, так ничего и не поняли: царапин нет, а кровь есть. Адам сказал, что я не заметила, как поранила нос или перегрелась на солнце. Может быть, он и прав, потому что, у меня вчера немножко кружилась голова, и слегка болел низ живота.

Раньше, я падала на свою постель, и до восхода солнца спала беспробудно. Ночь пролетала, как одно короткое мгновенье. Я всегда вставала вместе с первыми лучами солнца, вместе с первыми трелями птиц. И не знала, что такое сновидения, хотя и кошки, и собаки, и обезьяны рассказывали мне о своих странных видениях, и мне приходилось объяснять им, что такое сновидение, и почему оно происходит. Но оказывается, легко давать объяснения и советы другим, и совсем невозможно разобраться с тем, что происходит со мной.

Вчера я проснулась оттого, что мне приснилось, будто моя грудь наполнена молоком. Я ищу, и никак не могу найти какого-нибудь детеныша, чтобы отдать ему свое молоко. Малыши всех скотов и зверей были сытыми, и, когда я пыталась дать комунибудь из них свои переполненные молоком сосцы, они со смехом убегали от меня. Моя грудь горела и чесалась, струи молока капали из сосков на мой живот,

на траву. Проснулась я оттого, что Адам, который спал возле меня, удивленно тер сонные свои глаза.

- Ева, что с тобой? – удивленно спросил он. Ты старалась затолкать мне в рот свою грудь, как будто хотела напоить меня молоком, как маленького.

Отче, я рассмеялась, так как действительно двумя руками держала свою левую грудь возле губ Адама.

Я смутилась и убрала свою грудь. Но вдруг глаза Адама, как-то странно, блеснули в темноте. Он придвинулся ко мне, его дыхание участилось, и горячие губы нежно припали к моим сосцам. Непривычный жар заполнил меня; голова закружилась. Я как будто оторвалась от постели и куда-то поплыла. Сердце сначала замерло вместе с дыханием, потом застучало быстро, быстро. Я почувствовала, что сейчас должно произойти, что-то необычное, чего со мной никогда не случалось, но чего я ждала так долго; целую вечность. От чего я стану совсем другим человеком: я стану тем, кем сотворил Ты меня, Отче.

Адам мучительно что-то искал на моем теле. Его обжигающие губы, трепетно прикасались к моим губам, глазам, дыхание стало жарким и прерывистым. Казалось, что рядом со мной не он, а какой-то огненный ангел. Его руки дрожали. Он целовал мой живот, бедра, сжимал в своих объятиях так, что мне казалось, что сейчас он раздавит меня. Но мне, Отче, было приятно, и хотелось, чтобы он вдавил меня в себя, чтобы мы стали единым целым — одним человеком. А голова моя кружилась и кружилась, мне казалось, что еще мгновение и душа моя выйдет из тела и полетит, воспарит к луне, к звездам. Неожиданно, Отче, какая-то приятная боль вошла в мое тело. Я не поняла, как она вошла, откуда вошла. Но вместе с ней в меня вошло все: и радость и счастье и какое-то озарение, и новая жизнь, новое бытие. В меня вошла вся вселенная с ее лунами, звездами, ангелами и божествами. Ты сделал меня, Отче, самым счастливым созданием Своим. Слезы счастья оросили мое лицо; они текли по щекам, губам. Соленые слезы нового бытия. Я ощутила себя так, как будто Ты сотворил меня, Отче, заново: создал другую; новую Еву.

А счастье проникало в каждую клеточку моей души. Я тихо прислушивалась к биению моего сердца. Но сердце мое молчало, оно тоже стало другим, оно слушало свою душу, Отче.

Я замерла, я ощутила, как что-то новое, прекрасное, поселилось под моим сердцем, рядом с моей душой. Вошло в меня и тихо затаилось, но я уловила его вздрагивающую, просыпающуюся вибрацию, где-то внутри себя. Моя душа приютила, обняла, частицу света. Бытие качало меня на своих крылах, я осознала, что теперь я не одна. Я осознала, что возле моей души поселилась махонькая душенька будущего

человека; еще одно подобие Твое, Отче. Это Ты вошел в меня, это Ты поселился во мне. Спасибо Тебе, любимый Отче, и прости меня за мое нетерпение и маловерие.

Слезы благодарности вновь оросили мое лицо. Я обняла Адама и обессилевшая и счастливая поплыла по волнам сна.

Мы проснулись, когда солнце прошло уже первую четверть небосвода, когда скоты и звери уже накормили своих детишек. Но мы еще не вставали. Такое с нами случилось впервые.

Отче, я боялась открывать глаза. Я не верила, что-то, что произошло ночью, не было счастливым сном. Я боялась, что в очередной раз это будет лишь моя неосуществившаяся мечта, что я вновь не расплачусь. Я чувствовала, что Адам не спит, что он тоже думает о том же, что и я.

- Милый, ты помнишь, что было сегодня ночью? не выдержала я.
- Так это правда? вскочил он. А я думал, что все это мне приснилось. Я думал, что ты никогда не повзрослеешь, что это произойдет когда-то очень не скоро.

Мне часто снилось, что мы с тобой стали настоящими родителями. Но всякий раз это был лишь сон. А когда я пытался сделать тебя матерью, ты всегда плакала, говорила, что тебе больно, что ты еще не готова. И я уходил в лес, или на берег океана, и усердно занимался медитацией, чтобы поменьше думать о том, когда же ты, наконец, созреешь, чтобы у нас появились дети. А по ночам и в полуденный сон, я часто просыпался оттого, что семя мое извергалось, от того, что мне приснилось, будто я сделал тебя матерью. Но это всегда был надоевший мне сон.

Ева, неужели это был не сон? Ты тоже помнишь, что свершилось этой ночью.

- Да, милый, пришло время, и Отец соединил нас, и через тебя, милый, в меня вошел Отец наш, и под сердцем моим поселилась, новая, душенька человеческая. И этот человечек, уже прожил с нами одну ночь.

Милый, мне кажется, что я слышу душой, как он вздрагивает иногда, как вздрагивает жизнь в икринке.

- Жена, береги его. Сегодня ты не вставай, отдохни. Пусть наш человек, которого мы еще не видим, привыкнет у нас. Пусть ему понравится твоя душа. Пусть он полюбит нас.

Поговори с ним, скажи, что мы его любим, что мы ждали его тысячи лет.

- Да, милый, я ему уже все рассказала. Я сказала, что мы любим его больше своей жизни, что мы готовы подарить ему всю нашу Землю, что его ждут Кент, Нея; все скоты, звери.
- Ева, вдруг заволновался Адам, А сколько наш сын будет жить в твоем животе? Когда он выйдет к нам, когда мы его увидим? А если он там будет жить очень

долго? Если он не захочет выходить из тебя? – испуганно спросил он. У кого бы нам спросить? – Адам почесал затылок. Был бы хоть один ангел на Земле, они все знают, - он с тоской посмотрел на небо.

Так нет, когда не надо было, они тут кишмя кишели, проходу не давали, «это нельзя», «это делайте только так». Надоели своими советами. А сейчас, когда надо, их никого нет, не дозваться, не докричатся, - возмутился он.

Можно было бы несколько штук оставить, чтобы, когда надо, позвал, и что неясно, он тебе объяснил. А в остальное время пусть занимаются своими делами, и не мешают жить, так, как мне нравится.

А еще слугами называются, помощниками, - не унимался Адам.

- Успокойся, милый, - рассмеялась я.

Ты хочешь, чтобы ангелы были у тебя как камень для разбивания орехов. Разбил орех и бросил до следующего раза, но чтобы, когда надо, всегда был под рукой, а не валялся под ногами, - пошутила я.

Мне никогда не хотелось, чтобы ангелы навсегда покинули нас. Но пришло время, когда нам самим придется решать самые сложные задачи, а не надеяться, что ангелы, или еще кто-то будут учить нас вечно, как нам жить, как управлять Землей, как умываться.

Давай, милый, не будет предугадывать, не будем торопить время. Ты посмотри, неразумные скоты, гады, насекомые плодятся и выращивают своих детей, обучают их всему, что сами умеют. Так неужели же нас, Отец наш, не научит, не вразумит, как и что делать.

Мы сейчас говорим с тобой, сомневаемся, а сын наш уже слышит нас, улыбается, и наверно, думает: «Каких молодых и неопытных родителей послал мне Отец, которые даже не знают, когда и как меня ожидать, как встретить. Они не понимают, что когда я появлюсь на их руках, я сам их всему научу. Я им подскажу, как обращаться со мной», вслух подумала я.

- Ева, ты уверена, что он о нас так думает, что он нас действительно всему обучит? поинтересовался Адам.
- Да, я это знаю. Я видела много раз, как первые дети всех скотов и зверей своим поведением обучают своих родителей. А мы с тобой не скоты и не звери; мы человеки. Будем ждать и верить, и Отец, который в душе нашей, научит нас большей мудрости чем мудрость всякой твари, над которой мы поставлены быть хранителями и учителями.

Отче, мы поставлены Тобой хранителями и учителями. Но оказывается, мне самой придется всему учиться у скотов и зверей, которые стали матерями раньше меня

или готовятся стать матерями.

Теперь я буду наблюдать за ними, учиться у них, так как по плоти мы очень схожи с ними. Я надеялась, что сына нашего буду вынашивать, как они. Нас с Адамом больше всего интересовало время, через которое мы встретимся с нашим сыном. Иногда мне казалось, что никакого сына у нас не будет, что все это нам приснилось, привиделось. Я заставляла Адама приложить ухо к моему животу, чтобы он послушал, есть ли там кто; шевелится, дышит. Но пока он ничего не слышал.

Мы вдвоем шли к лошади или корове, которая зачала; прикладывали ухо к ее животу и напряженно вслушивались, как ведет себя детеныш в ее утробе. Адам слушал по очереди; то мой живот, то лошадиный, чтобы узнать, есть ли кто у нас или нам все приснилось.

- Жена, у лошади хоть шевелится что-то в брюхе, а у тебя полная тишина.
- Успокойся, милый, я сердцем чувствую, что он здесь, что он с нами. Пойди, нарви мне чесноку и лимонов. Ты знаешь, я бы съела сейчас лимон вместе с кожурой. А чесночок... милый, иди, пожалуйста, поскорее, а то у меня полный рот слюны; так захотелось кислого, попросила я.

Адам посмотрел на меня с недоверием.

- Ты, что шутишь? Ты же не выносишь запах чеснока, даже когда я его поем. А тут, вдруг; чеснок, да еще поскорее.
- Да, милый, поскорее, а то мне кажется, что сейчас со мной что-то случится, если я не понюхаю чеснок. Отче, у меня даже голова закружилась. Я присела на теплый камень.

Адам подал мне целую ветку, на которой были три спелых лимона, вместе с душистыми белыми соцветиями. Я уткнулась лицом в листья и цветы.

Отче, какое наслаждение разлилось по моему телу. Мне показалось, что аромат цветов проник в мою душу, что этот аромат необходим не мне, а тому, кто под моим сердцем. «Чудный запах, да?» – прошептала я ему, и закрыла глаза.

- На, Адам протянул несколько розово-фиолетовых головок чеснока. «Потрясающий запах, сказал он, смачно уплетая головку чеснока в месте с сочными, зелеными стеблями.
- Нет, убери, я брезгливо посмотрела на его руку с головками чеснока. Я уже не хочу никакого чеснока, он мне противен, отстранила я его руку и впилась зубами в горьковатую, маслянистую кожуру лимона.

Глава 23. Кент уходит, чтобы познать мир и стать Сыном Создателя. Стань мудрым и ты станешь Сыном.

После нашего разговора, Кент старался уединиться, все о чем-то размышляя.

- Сын, что с тобой? Какая идея не дает тебе покоя? Твой родитель Адам, наверно, опять поставил перед тобой невыполнимую задачу. Вас вновь осенила какая-то новая идея, пошутила я.
- Нет, мама, это ты посеяла в мою душу сомнения. Твоя последняя беседа заставила меня задуматься о своем предназначении, и вообще о цели Бытия. Мне кажется, что я делаю не то, что обязан делать, или делаю не так, как необходимо делать истинному Сыну Отца-Создателя. Каковым я обязан стать, как всякий человек. И последний наш разговор, заставил принять окончательное решение.

Мама, я ухожу от вас. Я обязан какое-то время побыть в одиночестве. Земля наша огромна; где я поселюсь, на какое время покидаю вас, я не знаю. Но мне необходимо испытать себя, заглянуть в свою душу. Встретиться с Тем Единственным, Вечным, Кто живет в моей душе, ради Которого я рожден. С Которым я хочу беседовать, как сейчас беседую с тобой, Которого я хочу видеть всегда, как сейчас вижу тебя, мама. Пусть на это уйдет вся моя жизнь. Пусть на это уйдет и следующая моя жизнь, и вся вечность, все мои жизни, но я увижу и услышу Того, Кто даровал мне сознание, Кто откроет мне истину.

Я хочу служить Ему, осознано и преданно. Я не желаю метаться, как заблудившаяся коза в лабиринтах пещеры. Я хочу знать, зачем я, кто я, что я обязан делать сегодня, завтра...

Отче, как он быстро возмужал. Кажется, еще вчера он скакал с веночком из голубеньких цветов на голове. Интересовался, где спит ночью солнце, и почему страусы вылупляются из яйца, а слонята из попы. А сегодня он требует встречи с Тобой, предлагает свою жизнь, которую Ты даровал ему, в обмен на дружбу с Тобой.

Ему не нужна бессмысленная, вечная жизнь без Тебя. Ему достаточно одной краткой земной жизни, но вместе с Тобой, в свете Твоей осмысленной истины. Он готов прожить один миг, но чтобы этот миг принес радость Тебе, и чтобы Ты, Отче, нарек, назвал его сыном Своим

Мне кажется, что эти мысли он прочитал в моей душе: его мечта – это и моя мечта.

- Сын, но ты же совсем молод, и сразу желаешь все знать, постичь истину за

несколько дней. Мы с Адамом размышляем над этим с той самой поры, как научились выражать свои мысли образами, словами. Но истина всегда бежит впереди нас. Она подобна горизонту: иногда можно бежать вперед от восхода и до заката солнца, а горизонт все время находится на одном и том же расстоянии от твоего носа; как будто ты и не бежишь, а стоишь на одном месте, а деревья, ручьи, холмы, сами проплывают мимо тебя.

Так и истина: опыт познания проносится мимо, а у тебя возникают все новые и новые вопросы, и чем больше ты познаешь, тем больше возникает вопросов. И ты осознаешь себя полным невеждой; пустым, примитивным, как засохший пенек, - попыталась поговорить я с сыном.

- Мама, так ты хочешь сказать, что стремление к совершенству бесполезно, что никогда не добегу я до этого самого горизонта, что Он всегда будет держать нас на каком-то расстоянии, что Он никогда не позволит нам приблизиться к Нему?
- Нет, я тебе такого не говорила, и никогда не скажу. Я скажу другое: не надо никуда бежать, не надо нигде искать нашего Отца, потому что Он всегда в нас, потому что мы это и есть Он, а Он это ты, я , Нея, Адам, скоты, звери, горы, леса, моря, вся Земля и вся вселенная.
- Как, это? перебил меня Кент. Если все это Он, а Он это все, то как Его от всего отделить, чтобы увидеть? Если Он во мне, то как я загляну в себя, чтобы Его увидеть, услышать? И если Он, мама, в тебе, и в Адаме, и в Нее, то почему я не вижу Его в вас, а вы не видите Его во мне, Кент недоверчиво хмыкнул. Смотри, мама, если солнце есть, то его можно видеть во всем, так как оно все освещает, оно всему дает жизнь.
- Не все возможно увидеть нашими глазами и услышать нашими плотскими ушами, попыталась объяснить я сыну, Ты прекрасно знаешь, что есть ангелы, духи, и много, много такого, что ты не видишь глазами и не можешь пощупать руками, но оно есть. Я все это когда-то видела, слышала, но сейчас, ни Адам, ни я не способны все это ни увидеть, ни услышать, ни потрогать руками. Потому что мы стали другими, мы обросли плотью, наша душа оделась в плоть, мы стали грубыми, непроницаемыми. Мы, как бы ослепли, оглохли. Сын, это невозможно объяснить, описать, потому что это другой мир, другая жизнь. Это все сотворено не из воды, не из песка. Это сын, как призрак, как дух. Это тоньше чем дыхание, чем пар, чем запах. Это, как мысль, как желание, как мечта. Это вдохновенная молитва, вдохновенной души. Это необходимо пережить, и кто пережил это, тот о пережитом может только молчать, только вспоминать. Выразить Это, человек способен только рыданиями. Других способов изъяснения об Этом в человеческом языке нет.

- Мама, но где находится тот, другой мир, о котором ты не способна рассказать и в котором вы с Адамом жили? Скажи мне, пожалуйста, я все сделаю, чтобы проникнуть туда хоть на одно мгновение. А может быть, я смогу там остаться, а потом и вас заберу, умоляюще произнес он.
- Сын, я же тебе объясняю, что это не где-то, там, далеко, это находится в тебе, в твоей душе.
 - Где, здесь? Кент положил ладонь себе на грудь.
- Да, сын, все находится в нас, и никуда не надо ходить, искать, копать. Это не в каких-то особых реках, пещерах, лесах и морях. Этому не обучают ангелы или духи. На проникновение в свою душу способны только человеки, потому, что мы подобны Отцу. И только мы способны, творить, создавать что-то новое. Мы способны, это новое сначала увидеть в своей душе, построить в своем уме, а потом сделать это своими руками, из земной плоти.

Но для этого необходимо постоянно быть устремленным в свою душу: и ты не заметишь, как, якобы, вдруг, душа твоя озарится, неизвестно откуда возникшим светом. И ты осознаешь, что этот свет был в твоей душе всегда. Просто ты не видел его потому, что искал его вовне, снаружи своего тела. Ты думал, что свет этот, свет осознания, должен прийти откуда-то издалека, из центра вселенной. Что Отец наш гдето далеко — в недосягаемых просторах пространства. А Он, сын, внутри тебя, потому, что ты, часть Отца. Постарайся узнать Его, постарайся проникнуть в центр себя, так как ты и являешься центром вселенной. Для тебя, ты и есть вселенная, которую родитель твой и нарек Кентом.

- Мама, а ты, а Нея, а Адам, вы тоже вселенные?
- Да, сын, все мы вселенные, и шакал Яшка тоже вселенная, и летящий над тобой голубь тоже вселенная, и эта лазурная бабочка это сын, тоже вселенная.
- Так что получается, что все, что живет вокруг нас, это все вселенные? удивился Кент.
- Да, все, что вибрирует, дышит это все маленькие вселенные, которые заполняют нашу бескрайнюю вселенную, а наша бескрайняя вселенная, бескрайняя только для нас. Для других вселенных она такая мизерная, такая же крохотная, как мошка для вон той горы, вершина которой скрыта в клубах грозовых облаков.
- Мама, откуда ты все это знаешь? удивленно спросил Кент. Я тоже хочу знать все, все.
- Проживешь, сколько прожила я, улыбнувшись, ответила я, ты будешь знать еще больше.
 - Мама, а сколько мне надо прожить, чтобы много знать?

- Не обязательно жить долго, чтобы много знать. Можно жить так же долго, как живет вон тот баобаб, который стоит одиноко посреди степи, - я указала на дерево, похожее на зеленый холм. Сын, сколько я помню себя, я помню и это одинокое дерево, и всегда оно было таким же, как сегодня. Но подойди к нему, спроси его о чем-нибудь, и он ответит тебе: «Меня зовут баобаб». Потому что он сотворен не для познания, и ему это не нужно. Он знает, как извлекать соки из Земли, и ему этого достаточно. Он ни за что не отвечает. Ты, человек и ты в ответе за все сущее на Земле, и за саму Землю, и за этот баобаб и за себя. Поэтому, ты обязан, не жить, как это дерево; быть просто свидетелем всего происходящего на Земле. Ты обязан накапливать знания обо всем для того, чтобы в любой миг оказать помощь взывающему к тебе существу. И даже не обязательно, взывающему к тебе.

Ты, человек, и ты обязан предугадать, предвидеть, предупредить желания и стремления тех, кто не может обойтись без тебя. Ты же не просил, чтобы Отец наш даровал тебе глаза, уши, руки: душу, осознающую себя, душу знающую своего Творца.

Все это ты имеешь от рождения, как дар бескорыстной любви Отца. Так и ты даруй свою любовь тем, кто нуждается в тебе, как ты нуждаешься в Отце нашем. И ты люби всякую тварь Его, ибо они все дети Его, и Он завещал нам хранить и оберегать их от незнания. Радуйся тому, что тебе доверена такая великая миссия, радуйся, что ты ведешь их к свету.

Не заставляй, никого унижаться пред тобой, предложи свою помощь сам, покажи пример, ибо все живое на Земле стремится стать подобным тебе: как ты стремишься быть подобным Отцу нашему. Всякий скот, всякий зверь молит о том, чтобы, ты, человек, усыновил его: отдал ему тепло своей души, как Отец отдает нам все, что имеет.

Делай все для того, чтобы все сущее на Земле, величало тебя не властелином, не господином, а отцом-защитником. Чтобы все сущее видело в тебе подобие, отражение, Того Единственного, Кто сотворил все. Все и тебя, - через кого они догадываются, узнают о Том, Кто сотворил их, и Которому они принесут молитву любви своей, - попыталась внушить я сыну.

Он сосредоточенно молчал; как будто мои объяснения унесли его куда-то туда, в те места, о которых я ему рассказывала.

Потом он с облегчением вздохнул и, не отводя взгляда от известного только ему, видения, благодарно улыбнулся.

- Мама, ты не знаешь, как ты мне помогла. Я давно уже думаю, что мне необходимо избрать свой собственный путь. Я восхищаюсь Адамом, его силой, его уверенностью. В этом, мне хочется быть похожим на него. Но он, мама, сын Отца-

Создателя с того самого момента, как Отец создал его первым человеком на Земле, как вошел в него Духом Своим, как нарек его Подобием Своим. К нему Он прикоснулся устами духа Своего. Адам – это Он, Адам – Его образ во плоти. Адам – живая искра от пламени света любви Его.

Ты, мама, тоже искра, от того же пламени, что и Адам, ибо ты плоть от плоти адамовой, и в тебе искра Духа Отца-Создателя нашего. Ты и Адам – это одно, как два ручья, вытекающие из одной реки. Вы – истинные сыны, и по образу и по подобию Отца. Но вы, мама, совершенно разные по своим устремлениям.

Я люблю и тебя, и Адама: в тебе я люблю нежность, в Адаме силу. Но я не хочу быть во всем похожим ни на тебя, ни на Адама. Моя душа мне говорит, что у каждого существа на Земле свое предназначение, своя собственная дорога, и эту дорогу каждый обязан проложить себе сам. Я, если бы даже захотел, не могу идти по дороге, которую строит себе Адам или ты, мама, или Нея. Это так же, как я не могу твоими руками взять камень или твоими глазами увидеть вот этот цветок, - рассмеялся Кент.

Поэтому, я ухожу, чтобы не стать вашей копией. Вы научили меня мыслить, но вы не будете за меня принимать решения. Я хочу беседовать с Отцом нашим своей душой, своим разумом. Я хочу сам принимать решения, и сам за них отвечать. Вы сотворены любовью и вдохновением Творца, вы изначально, дети Его, по вдохновению Духа Его.

Я обязан звание Сына, заслужить сначала у своих родителей; у вас, а потом только у Отца. Для этого я, мама, должен уединиться, проверить, на что я способен без вас. Я обязан доказать себе и вам, что я тоже человек; не только по облику, по желаниям. Я хочу, чтобы Отец наш назвал меня сыном. Я сын по плоти, но хочу, как и вы, быть Сыном Отца нашего, по духу, - уверенно закончил свою мысль Кент.

- Сын, я всегда ждала, что ты так и поступишь. Я была уверена, что рано или поздно ты разочаруешься в покорении материальных сил, и как истинный человек сам попросишь служения, у Отца-Создателя.

Радость человека и предназначение его не в том чтобы ему кто-то вытирал под носом, или называл его господом, а в том, чтобы он мог быть, действительно Господом в милосердии, в щедрости души, щедрости физических сил своих. Знай, сын, чем больше живых существ ты сделаешь счастливыми, чем больше любви изольет душа твоя, тем больше этой самой любви войдет в душу твою от Отца-Создателя. И душа твоя, которую ты сейчас не видишь, станет больше твоего плотского тела, и засверкаешь ты, как солнце. И уже плотское тело твое станет невидимым в этом свете, сотканном из любви. И будешь ты сиять, ярче солнца, ибо вся твоя плоть освятится духом Отца. И станешь ты сверкать, как одна из звезд небесных, и свет твой станет

согревать другие души, и станешь ты для них, как спасительный маяк в бескрайнем пространстве, - сказала я .

- Мама, неужели это человеку возможно? удивился Кент.
- Это не только возможно, но для этого мы сотворены. Мы же подобие сотворившего нас и творящего Все. Нельзя и стыдно называть себя сыном, просить усыновления, и ничего для этого не делать. Если ты считаешь себя сыном Создателя, то будь им не в мечтах, не в молитвах и намерениях, будь подобным Ему в делах, в щедрости, в любви.

Отцу не нужны наши униженные молитвы и мольбы; ибо Он сотворил нас по образу и подобию своему. Ему не нужны изможденные и покорные, как тля, кровососы, обозленные рабы, которые исполняли бы в страхе его приказы. Ему приказывать подобным себе, унизительно. Он не ждет от нас мольбы на коленях с ежедневным требованием: «дай, дай», «помоги», «защити», «еще дай», «отдай все, что у Тебя есть нам, и исчезни». Ему не нужны наши беспрерывные прославления, когда мы, смачно чавкая и, не проглотив еще то, что у нас за щеками, тянем дрожащие жадные руки за следующим куском.

Нет, такое поклонение, такое восхваление ему противно, как противно, наверно, сын, тебе, когда шакал униженно облизывает твои руки. А Он, Отец; Он ждет от нас, когда мы принесем Ему свои дела, подобные Его делам. Когда Он увидит в нас своих сынов-соратников; разумных, смелых продолжателей Его дел, которым стыдно тянуть свои искусные руки за подаянием. Как будто Отец только для этого их нам и приделал, как будто мы больше ни на что не способны, как только просить милостыню. Тогда, как мы сами обязаны дать радость всему сущему на Земле, этими сильными, щедрыми, милосердными руками.

Я думаю, сын, Он желает благословить нас словами: «Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте Землю своими идеями, делами, и Я посмотрю, на что вы способны. Достойны ли вы носить звание Сына Моего. Вы можете ошибаться, но вы обязаны во всем быть искренними, всегда и всему желать блага, любви. В этом вы и будете подобными Мне. Сейчас, Я от вас хочу только этого. И если Я увижу, что вы есть, то для чего Я сотворил вас, если Я увижу, что для вас творить любовь, радость, милость, радостней и приятнее, нежели получать, то вы и есть то самое, желанное, что сотворил Я доныне».

Забудь себя, забудь свои желания: кого-то и что-то покорить, над кем-то возвыситься. Ты только задумайся. Отец все сотворил, Он всему хозяин, но Он нам об этом даже не напоминает. Его как бы даже нет рядом с нами. Он для нас не слышим и не видим. Он никогда не сказал: «Я сотворил тебя, я кормлю тебя и могу уничтожить

тебя в любой миг, если ты не будешь покоряться мне, если ты не будешь с унижением лизать мне руки и ноги, если ты не будешь прославлять меня».

Хотя мне хочется целовать, Его руки и ноги, стоять в молитве благодарности перед ним на коленях. Но он становится невидимым, для того, чтобы мы не делали этого, для того, чтобы убедить нас в том, что многое из того, что мы имеем, мы как бы заслужили у Него своим достойным поведением. Добились многого, благодаря своей могучей силе, своему великому уму, бескорыстному трудолюбию.

Он никогда и никого не унизил, Он, наоборот, своей кротостью старается убедить нас в том, что мы по своим способностям к творению радости почти равны, Ему. И если мы не верим этому, Он убеждает нас в том, что мы во всем подобны Ему.

- Мама, а ты уверена, в том, что мы действительно подобны Ему, что мы все можем.
- Нет, не все, Все может только Отец, но если мы все свои силы, желания направим на то, чтобы быть невидимыми и не заметными, когда творим радость тем, кто видит в нас подобие Отца на Земле, тогда мы сможем очень многое. Когда ты чтото делаешь, делай это так, как будто ты это делаешь не для Адама, не для шакала Яшки, или козы Маньки, и даже не для себя. Все, что ты делаешь, ты делаешь для Отца нашего, так как все мы его частицы. И если ты всегда будешь помнить это и поступать, глядя в душу свою, как будто в глаза Отца нашего, тогда тебе захочется закричать: «Мгновение, ты прекрасно, остановись»! Ты всегда останешься искренним перед этими вселенскими глазами.

Никогда, не отводи глаза, души своей, от всевидящих глаз Отца, и ты никогда не сделаешь того, за что когда-нибудь тебе было бы стыдно перед этими любящими милостивыми глазами.

И если в самый радостный миг твой, в долгожданный миг счастья, вдруг кто-то позовет тебя. И ты, бросив самое дорогое для тебя «бросив себя», забыв себя, помчишься спасать погибающего, терпящего бедствие, то в этот самый миг, станешь Сыном Отца-Создателя, уподобишься Ему, станешь тем Сыном, ради чего Он нас сотворил. В этот миг, ты родишь сам себя для жизни в духе.

Ты останешься сыном Адама по плоти, и ты станешь одним из Сыновей Отца-Создателя по духу.

Никто, ни в небе, ни в Эдеме, ни на Земле, не в силах создать, сотворить сейчас, из себя Сына для Отца, как только человек. И только человек имеет волю сам предложить себя в жертву служения Создателю, стать одним из тех, кто пожертвовав свою свободу Отцу, приобретает свободу творить благо, становится не только Его Сыном, но и его соратником, помощником и другом.

Дерзай, сын, если имеешь бескорыстную любовь к Отцу, если имеешь сострадание ко всему слабому, если готов жить не ради себя, а ради Отца, если хочешь истинно быть подобным Ему.

Запомни: любить Отца, служить Ему – это не беспрерывное, сияние среди звезд и духов, не вечное пение гимнов и порхание среди ангелов. Это вечное погружение во тьму неведения, где заблудшие стонут в муках, за чрезмерные плотские наслаждения. Это вечное врачевание тех, кто привык только получать, кто готов был погибнуть сам, но только бы насладиться тем, как погибает тот, кто минуту тому назад был его наперсником и братом.

Если ты готов для этих ненасытных душ стать подобным санитару Яшке, то пожертвуй себя молодого, сильного; подобного прекрасному ангелу.

- Нет, на такой подвиг, я пока не готов. Да и существа, которые сами опустили себя до состояния мрака, знали, какое воздаяние их ожидает. Я думаю, что будет справедливо, если они насладятся в полной мере, тем, к чему они сознательно стремились и от чего их все удерживали. Необходимо, чтобы их души напитались страхом и отвращением к пороку. Необходимо, чтобы эти души, накормили себя плотскими удовольствиями до рвоты, до тошноты, до отвращения. Чтобы они ощутили на своем горбу ярмо плотской власти, осознали и прочувствовали, как быть рабом тела. Чтобы они осознали, что плотские радости длятся мгновения, а очищаться, платить за них душе, придется многие и многие воплощения. Что мы сотворены не для того, чтобы потакать плоти, а для того, чтобы эту самую плоть научить служить своему духу.

Я еще не готов посвятить себя тому, чтобы сюсюкать над каждым негодяем, вытирать ему под хвостом и увещевать: как не хорошо быть жадным, жестоким и ленивым.

Пусть каждый пройдет через те желания, какие он сам себе выбрал. Пусть каждый сам осознает через свою собственную шкуру, что такое боль, голод, неволя в плену плоти. Я понял, что никто не учится на чужих ошибках. Да и свои, мало кому помогают. Я никого не собираюсь насильно; на веревке тащить в ваш Рай. Заманивать вечными наслаждениями и всякими там наградами, я так же никого не собираюсь, запугивать вечными муками.

Я думаю, что служить Отцу мы обязаны не ради будущих наград и удовольствий, не ради страха и ужаса, а ради того, чтобы принести Ему свое восхищение перед Его мудростью, ради того, чтобы быть подобными Ему.

Источать свою любовь всему сущему, как источает ее Он, как источает свой аромат цветок розы, лилии, жасмина. Источает и не требует в ответ ни награды, ни

благодарности. Дает бескорыстно свой аромат – любовь потому, что этот аромат бескорыстно благословил ему Отец.

Они эту любовь приняли и щедро всем жаждущим даруют. И в этом их радость, в этом их служения нам – творениям Создателя нашего.

Но я, человек, и я обязан служить всему сущему осознанно и ответственно. То, что еще не имеет духа Отца в душе своей, не имеет и ответственности перед своим Творцом. Оно просто славит Отца, источая аромат, даруя нам свои соки, свое тепло, оно жертвует себя нам всем, и не осознает того, что оно себя жертвует. Украшая наше бытие - не требует взамен от нас такой же жертвы. Оно как бы говорит: «Возьми меня и живи, ибо я живу потому, что Создатель-Отец пожертвовал Себя мне».

И пока я, мама, не стану Таким же «неразумным», таким же «примитивным» и бескорыстным, как цветок ландыша, как плод яблока, как свет солнца, как дыхание ветра. Я не буду, не имею права называть себя человеком. Ибо прежде, чем стать человеком-хозяином Земли, подобием Отца-Создателя, я обязан научиться жертвовать себя всему сущему не ради награды, не ради страха, но ради любви творить благо. Дать свою энергию, любовь для того, чтобы увидеть, как искра любви из моей души, маленькой молнией метнулась в чью-то придавленную плотью душу, озарила и осветила ее. И мрак, покоривший ее, от этой молнии любви, превратился в свет. Мрак никуда не исчез, не растворился, не спрятался в уголки души, чтобы когда-то вновь воскреснуть и накрыть душу тьмой. Нет, моя любовь превратит мрак в свет любви, и он озарит эту душу, согреет ее светом любви, радости и не будет больше мрака, а будет только Свет, Свет, и только Свет.

Отче, размышления Кента привели меня в изумление. Неужели наши непродолжительные беседы так неожиданно изменили его мировоззрение? Заставили взглянуть на все окружающее с другой стороны, не как способ для получения бесконечных плотских наслаждений, а как возможность проявить свои самые светлые, самые благородные: свои божественные способности. Доказать себе и всему тварному миру, что мы, человеки, являемся достойными помощниками Твоими, Отче.

А ведь совсем недавно, он вместе с Адамом мечтал стать господином вселенной, поместить над Землей второе солнце. Сделать Землю центром всей вселенной, заставить ангелов, духов всех рангов поклоняться человекам. И вдруг, такое неожиданное решение, - размышляла я.

Кент, конечно, легко прочитал мои мысли и добродушно рассмеялся.

- Мама, ничего здесь нет удивительного или неожиданного, - объяснил он. Адам уже давно разочаровался в своих опытах, в покорении, подчинении себе каких бы то ни было сил. Он строго настрого запретил и мне связываться со всякими духами, или силами. Сказал, что совершеннее человека, Отец еще никого не создал и что рассчитывать нам необходимо только на свой разум, свои силы и свои знания. И еще он сказал, что просто так, на нас человеков, никто работать не пожелает. Всем и за все необходимо будет чем-либо быть обязанным. Еще он сказал: «Я сотворен Отцом моим свободным, независимым, и останусь таковым навечно. И тебе, сын, запрещаю плоть свою и душу отдавать в подчинение, даже на миг, ни за какие блага, ни за какие наслаждения. Ибо душа твоя должна принадлежать только тебе, а для всех остальных, кого сотворил Отец, она должна быть неприкосновенной; ибо в ней живет дух Отчий, святой - храни Его и сберегай от унижения». Вот так, мама.

Поэтому, я решил пожить в одиночестве, посоветоваться с Тем, Кто живет в душе моей. Я хочу быть мудрым, как ты, мама, - Кент посмотрел на меня с уважением и надеждой. Ты мне, мама, подскажешь, что я должен для этого сделать, да?

- Ты уже стоишь на пути к мудрости, если в твоей душе зародилась такая святая цель, погладила я его голову. Но почему ты решил, что я мудрая? Я думаю, что мудр только Отец. Он знает, что было, что есть и что будет. Он свет, любовь, милосердие. Он и есть сама Мудрость, Истина. Мы же только пытаемся Ему подражать. И ему решать, кто мудр, кто свят, кто бескорыстен, ответила я и подумала: «Все познается через мудрость Мудрого».
- Да, мама, ты права; только Отец имеет право назвать кого-то мудрецом. Но я имею право увидеть эту мудрость в тебе, ибо ее невозможно скрыть. Она как солнце, как луна, она сияет, она делает меня счастливым, когда я общаюсь с тобой. Она невидимого Отца нашего, делает видимым во всем: в тебе, в солнце в грозовых облаках, в траве, во всем, что я вижу, слышу, и в том, что я когда-то увижу и познаю. Ты все умеешь объяснить очень простыми, теплыми, добрыми словами. Я как бы вижу все то, о чем ты рассказываешь, какая-то завеса приподнимается и все невидимое, скрытое неведением, озаряется светом мудрости. Я становлюсь участником тех действий и событий, о которых ты говоришь. Мне хочется изменить прошлое, если оно было печальным, и не допустить чтобы настоящее могло повториться также печально.

Но ты, мама, не можешь быть рядом со мной всегда, поэтому я хочу научиться мудрости и видеть и познавать все сам без твоей помощи. Я научусь сам; душа в душу, обращаться к нашему Отцу, как делаешь это ты, мама.

Отче, это Ты внушил ему, открыл глаза сына нашего, это Ты указал ему путь к мудрости – самый светлый, самый счастливый путь к Тебе. Спасибо, милый Отче, - молилась душа моя.

- Мама, дух Отца нашего. который во мне говорит, что к мудрости возможно приблизиться только через благословение Отца.

- Сын, мудрости невозможно научиться ни у меня, ни у духов, ни у ангелов. Мудрость – это талант, это самый драгоценный святой дар Отца-Создателя. Мудрость – это бесконечная беседа с Отцом. Беседа, в которой нет заискивания, унижения, страха перед Тем, Кто сотворил вселенные и тебя. Кто надеется увидеть в нас – человеках, почтительного слугу. Кто хочет назвать нас сынами своими.

Его беспредельная любовь жаждет, через человеков, излиться на все творение Его. Он избрал нас из всех тварей Своих, и нет у Него более чудесного, более достойного имени, чтобы выразить полноту любви творению Своему, как «Сын, мой», которого сотворил Он в муках любви. Отец желает, чтобы мы знали, что являемся Его радостью, чтобы мы достойно несли во вселенной это святое имя «Сын». А если мы «Сыны», то и поступать обязаны так, как поступает наш Отец. Мы обязаны помнить, что все сущее, взирая на нас, видит в нас отражение, подобие, создавшего нас.

Мы постоянно обязаны помнить, что взирая друг на друга — взираем на брата своего, в глазах которого, отражается образ и подобие Отца-Создателя. Зная это и напоминая друг другу об этом, мы обязаны изливать друг на друга и на все сущее только любовь, только мир, только радость. И если каждый из человеков, которых будет на Земле миллионы и миллионы, постарается излучать любовь, мир и радость, то представь себе, сын, каким сиянием засверкает наша Земля. Свет солнца в сравнении с этим светом любви человеческой покажется отблеском одинокой звездочки на поверхности бескрайнего океана любви. Это, сын, и явится торжеством мудрости. Это и явится гимном любви человеческой своему Создателю. Но это свершится, если мы все, человеки, станем взывать к Отцу о даровании таланта мудрости. Талант же, сын, это труд, труд и еще раз труд, ради любви и славы Отца, а не ради славы человеческой.

- Мама, это же так просто, «делай всем приятное». И тебе радостно и всем, кто рядом с тобой, рассмеялся Кент.
- Ну вот, и живи, и действуй так. Зачем тебе куда-то уходить, уединяться, попыталась остановить я сына.
- Нет, мама, это решено. Конечно, я постараюсь поступать, как ты говоришь, «по мудрости». Но мудрость моя должна быть вдохновенной, как слезы, как улыбка, созреть в разуме, в душе. Моя мудрость должна быть только моей мудростью; не твоей мама, не Адамовой, а той которую приготовил для меня Отец наш и которую я обязан заслужить у Него своими поступками. Для этого мне необходимо удалиться, чтобы быть самим собой, чтобы был только я и Отец, и никаких посредников и толкователей между нами. Я и Он.

Ты сама, не ведая того, подготовила мою душу для встречи с Отцом, и я

благодарен тебе за это, - Кент сорвал с дерева самую яркую, пурпурную орхидею и протянул ее мне; наклонившись до самой земли, поцеловал мои ноги. Потом встал передо мной во весь рост; огромный, смуглый с большими, как у ангела сизыми крыльями. Он бережно прижал меня к своей груди и я услышала, как застонала его душа, как она тихо прошептала «прощай».

- Мама, может быть, когда-нибудь я вернусь, - сказали его раскосые глаза.

Ушло, Отче, много времени, и когда я беседую с Тобой, то знаю, что где-то на другом конце Земли взывает к Тебе и сын наш, Кент. И Ты, видишь, Отче, и его и меня, и наши души встречаются в Твоей душе и я, Отче, посылаю ему свою любовь через Душу Твою, и молю Тебя, Любимый, чтобы Ты благословил его мудростью своей, и чтобы он вернулся к нам исполненный благости, и чтобы он был мудрее нас с Адамом, и чтобы мудрость его принесла радость и знания о Тебе, Отче, всем тварям Земли.

Глава 24. О мудрости. Мудрец всегда в гармонии с Создателем и Его творениями. О плоти.

Милый, мудрый, Отче, теперь уже нет у нас с Адамом никаких сомнений в том, что Ты благословил нам сына. Что скоро я стану матерью, и на Земле появится первый человек, не сотворенный руками Твоими, не рукотворный, а человек от человеков Твоих, рожденный, произведенный от человеков рукотворных Твоих.

Отче, душа моя говорит, что для Тебя это тоже радость; ибо известно нам, что заполнишь Ты через нас все окраины Земли. Заселишь человеками всю Вселенную, чтобы мы обустроили и одухотворили всякую плоть, сотворенную Тобой. Иногда, я уже слышу сердечко сына нашего под сердцем моим, и тогда мне хочется поскорее увидеть его, подержать на руках своих

Я теперь часто наблюдаю, как ухаживают, как любят своих детей все матери скотов и зверей на нашей Земле. Как вздрагивают, как бегут они на любой писк, на любой вздох ребенка своего. Я тоже, Отче, оказывается такая же пугливая, как и они. Я тоже прислушиваюсь по ночам к биению его сердечка, и иногда мне кажется, что стучит оно очень быстро, испуганно; а может быть наоборот — радостно? Иногда мне кажется, что оно замерло, остановилось, и тогда я думаю, что с ним что-то случилось, что ему необходима срочная помощь.

Но как ему помочь, если он во мне, как часть меня, как мое сердце, как моя душа, как мое испуганное дыхание, а посмотреть, заглянуть в себя я никак не могу. И тогда, от испуга, замирает душа моя и с надеждой взывает к Тебе, любимый Отче. И кажется, что рука Твоя невидимая, ласково опускается на нашего сына и я слышу, вижу сердцем своим, душой моей, как он свернувшись клубочком, как котенок, счастливо засыпает под моим сердцем; как будто, он видел, как Ты, улыбаясь поцеловал его в лобик.

Отче, я знаю, что это и Твой сын; ибо это Ты поселил его в лоно мое. Это Ты растишь, наблюдаешь и хранишь его, а я, я всего лишь мать. Ты просто доверил дитя Свое, частицу Свою, погостить под сердцем моим, доверил мне научить дитя Твое, новую душу, человеческому языку. Показать этой чистой, как свет звезды душе, что есть любовь, вера, надежда, мудрость. Научить эту душу видеть во всем Тебя, Отче. Научить эту душу смотреть в себя, видеть и услышать в себе Тебя, научить ее смотреть вокруг и всюду видеть Тебя, Отче; и в Адаме, и во мне, и в Кенте, и в Нее, и в дельфосах, и в гарудах, и в обезьянах, и в муравьях и осознавать, что все это сотворенные дети Твои. А если все это дети Твои, то следовательно, все это братья наши. И все мы сотворены любовью и милостью Твоей на радость Тебе, на жизнь и радость друг другу.

Отче, если бы Ты знал, как мне хочется угодить Тебе. Как мне хочется воспитать Тебе сына человеческого, чтобы он во всем исполнил Твою волю, и чтобы Ты сказал: « Я усыновляю его, ибо он исполнил заветы мои во всем, и он стал сыном моим возлюбленным».

Отче, однажды, когда я взывала к Тебе о дарении нам сына, Атма сказал мне:

- В момент беременности, душа твоя, Ева, и дочерей человеческих будет опускаться туда, где поселилось семя человеческое. И если душа ваша будет лелеять и любить это семя, то произрастите вы человека, с душой, подобного Создателю; мудрого, щедрого, сострадательного и милосердного. Если же душа ваша, забудет о поселившимся под сердцем, то породите человека, только обликом, который будет жить инстинктами человека-скота, человека-зверя; ибо вырастет он, как дикое животное, забытое и заброшенное. И будете удивляться, и пугаться собственного дитяти, ибо лишили вы его душевной ласки, теплоты. А может вы их и сами давно утеряли? И вырастет не то животное, не то дерево; но ни тепла, ни радости оно никому не дает. Да и где ему взять их, если оно само бедное, не знает, что это такое.

Ева, люби дитя свое еще до появления его в лоне твоем. Пусть душа твоя встречает его и ждет каждую ночь любви, благословляет и призывает его, и душа увидит свет твоей души и прилетит, и поселится под сердцем твоим, и воздаст тебе рождением своим, любовью своей, и назовет тебя, МАМА, что значит – подарившая

душе свободу и любовь.

Отче, милый, любимый, подскажи, научи, чтобы он был совершеннее нас с Адамом. Пусть в нем исполнится все, что Ты мечтал увидеть в нас с Адамом, когда творил нас в муках и сомнениях любви.

Отче, сейчас я осознаю, как трудно было Тебе, когда Ты творил первых человеков своих. Если так трудно мне, просто выносить то, что Ты вложил в меня. Мне пока не надо ни размышлять, ни сомневаться. Мне необходимо просто ждать и терпеть, чтобы в установленное Тобой время из меня пришел на Землю новый, взлелеянный Тобой в моем чреве человек.

Отче, а как мудро Ты все устроил. Мне не надо за ним сейчас ухаживать; не надо ни кормить, ни поливать, не надо подравнивать, или вытягивать ножки, или ручки, не надо лепить круглую головку, или приделывать к головке ушки, носик. Не надо делать в этой головке дырочки для носика, ротика, ушек, как у нас с Адамом; все заранее продумал Ты. Ты творишь человека в чреве моем, невидимо и неведомо все происходит, как бы само собой. И всегда из чрева любой матери выходит подобие ее: от коровы – копия коровы, от жука – жук. И если это теленок, то он не лезет на дерево, как обезьяна, и не скачет по веткам в поисках пищи. А обезьяна не ныряет в воды реки, чтобы там порезвиться, или найти что-нибудь вкусненькое, для себя.

Всякая тварь рождает уже готовое подобие свое, способное даже без матери, самостоятельно жить на Земле и без обучения исполнять все то, что умели его родители. Змеи, черепахи, рыбы; все насекомые и многие, многие твари земные даже никогда не видели в глаза своих родителей, а все умеют, все знают. Как будто их ктото учил всем премудростям жизни на Земле тысячи и тысячи лет.

Отче, где Ты поместил, где записал для них всю программу их жизни?

Когда я разговариваю с гадами, насекомыми, деревьями, и спрашиваю откуда им все известно о способах жить и не задумываться, как построить гнездо, какая пища для них полезна, а какая нет. Они, Отче, удивленно смотрят на меня и отвечают, что об этом не надо даже задумываться, что это так же просто, как ночь и день. Говорят, что когда встает солнце, им хочется бегать и есть, а когда солнце уходит, им хочется спать.

А вот нас, человеков, всему обучали в Эдеме, теперь мы продолжаем обучаться сами всему на Земле. Сколько я себя помню, столько я и обучаюсь и вижу, что я почти ничего не знаю. А многое из того, что познала, я забыла, потому что все твари довольны и благодарны Тебе, за все, что имеют, и за то, как Ты их, Отче, устроил. И только мы, человеки, не согласны с Тобой, только мы стараемся указать Тебе, что устроил Ты все не так, как нам бы хотелось.

Кажется нам, что все и на Земле, и под небесами не так, как нам хочется. А как

нам необходимо, как нам удобно, мы и сами не ведаем. Ибо всякий день, всякий час нас что-то не устраивает; то нам слишком светло, а то; слишком темно и мрачно.

Но я этого почти не замечаю. Я думаю, если, Отче, Ты так задумал, то значит нам так полезно, и нам необходимо принимать от Тебя все. Нам необходимо осознавать, что все исходит только от Тебя и все исходящее от Тебя есть только благо, только любовь.

Когда Ты посылаешь на Землю дождь – это благо, ибо после него распускаются бутоны цветов, воздух наполняется непередаваемым ароматом. Пчелы несут нектар, и мы наслаждаемся медом, ягодами, фруктами, которые созревают на наших глазах. Но перед живительным дождем, почти всегда бывает ветер, молния и гроза.

Адам с восторгом встречает дождь, но бурчит и раздражается когда громыхает гром и рассекают небо молнии.

- Милый, почему ты бубнишь? – улыбаясь, говорю я.

Ты же знаешь, что без ветра дождевые тучи сами собой к нам не прискачут; как антилопы или бизоны. И тебе известно, что когда тучи скользят по тверди небесной, то они собирают огромное количество энергии, которая от избытка, вырываясь из облаков, с грохотом и молниями уходит в землю. Но зато после этих громыханий, какой силой, какой мощью пропитывается воздух Земли. Мне кажется, что энергия неба, вырвавшаяся из туч, входит в меня, проникает в каждую клеточку, каждую частичку моего тела.

Ты помнишь, как наслаждались, как ликовали ангелы, когда на Землю обрушивалась гроза, как светились, как озарялись голубым сиянием их лики. Вспомни, милый, их радостные глаза, почувствуй, представь, что вместе с грохотом неба в тебя вливается и сила, и жизнь, и энергия, которой наслаждались ангелы. Почувствуй на какое-то мгновение, и ты себя громовым, грозовым, небесным ангелом. Получи, как подарок, энергию небес, которую ты собираешь по крупицам в мизерных количествах во время своих длительных медитаций, - высказала я возникшую сейчас мысль.

- Слушай, Ева, - воодушевился Адам. А ведь это прекрасная идея. Почему я до этого не додумался сам. Это же живой огонь, который можно накапливать в теле. Это же бездонный, вечный поток энергии, источник силы, которым можно управлять.

А я думаю, почему летающие ящеры, с таким восторгом, как твои ангелы, всегда радуются грому и молниям. Почему они носятся, как ошалелые, среди сверкающих туч, и кажется, глотают эти сверкающие стрелы и никак не могут насытиться, наглотаться этих огненных яблок. Я же ощущал, что после грозы на них невозможно сесть, потому что от них исходит какая-то колючая сила и летят искры.

Представляешь, Ева, они ели небесную силу сами, сколько хотели, а мне никогда,

ничего не говорили, возмутился он.

- А ты не подумал, что они даже не догадываются, что это сила, что они ее «едят»? Для них это так же естественно, как для нас дышать, или закрывать от солнца глаза. Их так устроил Отец, и для них в этом нет ничего необычного. Мы же не думаем, когда пьем воду или питаемся плодами, что в это самое время получаем силу. Нам кажется, что мы утоляем жажду, или голод, а не поглощаем энергию; так и они, заступилась я за ящеров.
- Жаль, что Кента с нами нет, с сожалением сказал Адам. Ему было бы интересно узнать о том, что мы можем использовать и накапливать энергию и силу грозовых туч, что мы можем, как ящеры, накапливать, ловить энергию молний.
- Может, ты бы нашел его, слетал к нему, узнал, как он там, может быть ему нужна наша помощь, совет.
- Нет, Ева. Все что необходимо человеку для плотской жизни, он может взять в любом месте Земли. Мы показали ему, мы научили его, как разумно пользоваться благами Земли. Мы показали ему, как творить радость, и от чего происходит печаль.

Ты, жена, своим примером зародила в нем страсть к мудрости. Ты лучше меня знаешь, что мудрость не терпит суеты, советов. Мудрость, как жемчужина в раковине, созревает в тишине, одиночестве и забывает о времени. Когда в его душе, как в этой раковине, созреет мудрость, он явится к нам, чтобы поделиться с нами светом и красотой, выросшей в нем мудрости.

Но если он возвратится к нам возмужавшим, разумным человеком – это тоже прекрасно. Лишь бы он не стал нашей бездумной тенью, не повторил нас и обликом и душой. Пусть он будет, как одна из звезд на небе, которые похожи друг на друга только на первый взгляд, а присмотришься – нет похожих друг на друга двух из миллиардов; все разного цвета, каждая вибрирует, мерцает своим, неповторимым ритмом. Каждая далекая и близкая, имеет свою душу, свои радости и печали, свое предназначение. Все они связаны между собой невидимыми нитями бытия, где они единое, вечное, бесконечное тело Отца-Создателя нашего, вечными частицами, которого являемся и мы с тобой, Ева.

И если какая-нибудь из звезд, когда придет ее время, вспыхнет и переместится в другую точку пространства, то вздрогнет от боли, как натянутая сеть, все пространство. Кольнет в этот миг и наше сердце, замрет от боли, на миг и наша душа. Потому, что в это мгновение нить света, которая соединяла нашу душу с душой неведомой и невидимой нами звезды, прервала свою связь с миллиардами и миллиардами живых существ и вошла в Душу, которая породила ее. Вошла, чтобы согреться, отдохнуть и вновь, в назначенный Творцом срок, вспыхнуть где-то в нужном месте пространства. И

только благодаря таким беспрерывным вспышкам духа, уходящих и приходящих душ, не угасает до времени жизнь на нашей Земле, так как ежемгновенно проникают в нас и нашу Землю лучи сета, вибрации душ тех, кто рядом с нами, и тех, кто удален от нас на тысячи световых лет.

- Милый, может быть, тебе не стоило отпускать сына одного. Кто на Земле мудрее тебя первого, в кого Отец, лицо в лицо, вдохнул все, чем обладает Сам, спросила я. Адам улыбнулся.
- Мудрость, Ева, это не что-то застывшее, или созревшее, как дыня, с определенным застывшим запахом, вкусом, цветом. Мудрость тем и прекрасна, что для каждого существ она своя. Но прекрасна она тем, что любое создание Отца нашего наслаждается, и не подозревает о том, что существо это, наслаждается мудростью. Чем проще устроено существо, тем оно мудрее, и чем сложнее творение, тем труднее ему быть мудрым, потому что мудрость это гармония в себе, в своей душе, гармония со всеми душами, гармония со всем, что сотворил Отец, и самое главное гармония с Тем, кто сотворил эту гармонию и саму мудрость.
- Милый, чтобы точно определить, что такое мудрость, необходимо познать, осознать, насладиться этой мудростью, необходимо стать одним целым с этой мудростью. И ты этого достиг, с радостью за Адама сказала я.
- Нет, Ева, ты ошибаешься относительно самого мудреца, то есть меня. Вся печаль в том, что я не мудрец, потому что мудрец слуга мудрости, он принимает ее, он восхищается ею, он во всем старается быть подобным ей. Он всему найдет оправдание, и тому, кто страдает и тому, кто приносит это страдание.

Мудрец принимает все так, как есть на данный час. Мудрец всегда согласен со своим Творцом. Ты, Ева, мудрец, и ты напоминаешь мне цветок подсолнуха. Твоя душа, твой разум всегда направлены в ту точку пространства, где по твоим представлениям сейчас ты видишь лик своего Отца. Ты не в состоянии оторваться от него ни на миг.

Я же вижу, что беседуя, например, со мной, ты в это время беседуешь не со мной, а с тем, кто во мне. Ты во всем видишь только Его. Ты не хочешь своей собственной свободы. Ты боишься отцепиться от Него. Ты держишься за Него, как детеныш мартышки за свою мать, потому, что ему кажется, что если он отцепиться, то тут же и теряет свою кормилицу навсегда. Я понимаю, что Отец наш для тебя все. В этом и есть истинная мудрость всякой разумной твари. Я подчеркиваю – разумной. На Земле, мы в земной оболочке, и чтобы сохранять эту оболочку, в которой обитает наша душа и Дух Отца нашего, нам мало быть только мудрыми, нам, как это не грустно, приходиться быть и практичными, и разумными. Чтобы раньше времени не развалился храм,

называемый плотским телом, и до срока, не стала бесприютной сиротой, построившая и обжившая этот храм душа человеческая.

Хорошо, Ева, ангелам; им не надо думать ни о пище, ни о том, верно или не верно они поступают. Им определены границы дозволенного и не дозволенного. Они не отвечают за свои поступки, так как не имеют свободы выбора, свободной воли. Но им хочется быть подобными нам, потому что мы подобны Отцу нашему и имеем свободу, но за свободу необходимо отвечать перед тем, Кто даровал ее нам. Мы свободны, творить сколько нам угодно радости всем тварям, которые нам подвластны. И чем больше мы будем творить эту радость, тем больше мы получаем свободы, нести, свет радости. Это свобода давать, свобода трудиться, творить свет мудрости. Но стоит нам, Ева, остановиться, лечь на бок, как эта свобода, как поднятый нашими руками, над нашей головой камень, в любой момент может обрушиться, раздавить все то, что мы создавали, лелеяли многие годы, а может быть и всю прожитую нами жизнь. Поэтому мы не имеем права останавливаться, и обязаны, напрягая все силы духа и тела донести этот камень до вершины горы. И когда мы несем этот камень, то нам кажется, что вместе с нами движется и вершина, к которой мы устремились. И сколько прошли мы, настолько же удалилась от нас и желанная вершина. И тогда наш разум, наша мудрость подсказывает нам, что законы по которым Отец сотворил вселенные незыблемы, и по этим законам, гора неподвижно закреплена в земле, как зуб в десне, а мы, как наш язык во рту, имеем возможность приближаться к этому зубу. И тогда, напрягая силы, мы взываем к Отцу нашему, чтобы Он укрепил нас, послал нам на помощь разум, мудрость и бесконечное терпение для того, чтобы доказать, подтвердить, что мы действительно достойные сыны своего Отца-Создателя, И, что наша свободная воля способна вдохновить и плоть земную, стать одухотворенной, быть сильной, и служить духу, ради просветления своего.

Чтобы всякая плоть проснулась, осознала себя частью единого, целостного бытия, возжелала стать разумной и мудрой, а не бессмысленной и неподвижной. Чтобы эта плоть страстно восхотела стать подобной духу, воссоединиться с духом Создателя. И по ее страстному желанию и непоколебимой вере, когда-то, всякая плоть перевоплотиться – станет другой – духовной, изменятся ее желания. И из плоти пассивной, ленивой, пожирающей энергию света; плоть сама станет изливать из себя свет, любовь. И вся плоть засияет, засверкает и переродится в новое состояние, состояние света и любви, состояние, превосходящее состояние нынешних ангелов. А что будет дальше, Ева, я не знаю, но это будет что-то непредставимо прекрасное, которое невозможно передать ни языком человеков, ни языком ангелов.

Это знает только Отец, и Он сотворил нас, чтобы мы человеки, ради любви к Отцу

своему приблизили, ускорили это время любви и света для всего сущего. Вот почему нам нужно, жена, много сынов, много разумных и мудрых помощников. Но пока мы одиноки в этом и пока мы можем только мечтать о нашей миссии во вселенной. Иногда меня, Ева, охватывает отчаянье от своего бессилия и бесполезности. И я думаю, если я сотворен по образу и подобию Отца нашего, то неужели и Его когда-то охватывало отчаяние и разочарование во всем том, что творит Он.

Тем более, Ева, что Он во вселенной одинок, Ему нет равного, ему не с кем посоветоваться, поговорить; Он сам в Себе, Он самодостаточен, но не самодоволен.

- Адам, поэтому Он и сотворил нас. Ему необходимо было не только творить, не только любить безответно все сотворенное Им. Ему необходим был кто-то еще, кто бы разделил Его беспредельную любовь, кто бы восхитился его тварями и созданиями. Кто бы сказал: «Отче, как прекрасен мир, который Ты устроил так дивно, так гениально, и так просто. Как прекрасен Ты, Творец, бескорыстно даровавший нам не только саму возможность осознавать себя, но Ты даровал нам счастье, мудрость любить все сотворенное Тобой, дал нам силу и разум творить вместе с Тобой. Во всем видеть Твой свет, Твою любовь. Даровал нам счастье осознавать, что мы подобны Тебе, Отче. Что мы, как и Ты, способны изливать любовь, способны делиться любовью, которую Ты даровал нам».

Адам весело рассмеялся,

- Ева, за что я тебя больше всего люблю, так это за то, что какой бы я разговор не завел, о чем бы я с тобой не беседовал, ты обязательно превратишь это в молитву благоговения и прославления Отца.

Глава 25. Ева исцеляет "минота". Девы-русалки - как в Эдеме.

Отче, вчера утром, вслед за Кентом, нас покинула Нея. О своем решении она сообщила нам совершенно неожиданно. С тех пор, как ушел ее брат, она не притрагивалась к пище. Все ходила по берегу океана одна и всматривалась в сливающийся с небом горизонт. Я не звала ее к себе, я понимала, что они двойняшки; родились в один час, и что они всегда будут своими душами связаны, им всегда будет недоставать друг друга.

- Мама, я не могу без Кента, я обязана быть с ним рядом. Я обязана помочь ему осуществить его мечту, - решительно сказала она.

- Но Земля, такая огромная, и брат твой специально решил уединиться, чтобы его душа видела и слышала только Отца Создателя нашего, смутилась я.
- Я это знаю, он мне рассказывал об этом. Я боюсь, что его медитация может стать бесконечно долгой, и он превратится в окаменевшего идола. Я буду наблюдать за ним издали, я постараюсь не отвлекать его. Иногда буду незаметно напоминать ему, что его тело материально и за ним необходимо ухаживать. Духу его необходимо осмыслить, осознать то, что узнал от Отца, и полученные знания отдать для пользы Земли. Иначе, мама, он может превратиться в спящего, бесполезного истукана. От долгой неподвижности, его тело омертвеет, высохнет, и потом, когда он захочет отдать свои знания, он не будет в состоянии оживить свое тело. Его душа, станет подобной призраку, не способной, общаться с нами.

Мысли Неи проникли в мою душу. Тревога за сына неожиданно напугала меня, и я почувствовала, как давно заснувшие силы всколыхнули мое тело, сердце учащенно забилось и замерло. Забытые вибрации спокойно и уверенно, отпустили из моего плотного тела, тело легкое, невидимое, неощутимое.

Я увидела себя сидящей на земле с прикрытыми глазами и безвольно отвисшей челюстью. Возле меня растерянно суетилась Нея. Она что-то кричала, - видимо звала Адама. Я не слышала ее слов. Я медленно, как утренний пар над водой, поплыла к голубому, чистому небу.

Отче, как давно я не ощущала такой легкости, такой неописуемой радости. Как томилась душа моя в тяжелом теле, пригнувшемуся к земле. Как хотелось ей часто, птицей взмыть к облакам, поплавать, покупаться в голубизне неба, очиститься в прохладе облаков, насладиться свободой. Вновь ощутить себя духом, свободным от всяких земных желаний и ощущений, и лететь, лететь пока душа не увидит Твои глаза, Отче. Пока душа не опустится на Твои ласковые ладони, и не замрет от радости, забыв все невзгоды и печали, забыв себя в Твоих материнских руках.

Отче, перед моим взором предстала ясная картина, застывшего в медитации Кента, со сложенными у сердца руками. Я увидела его в незнакомом мне месте. Его полуприкрытые ресницы покрылись паутиной. На его гриве и крыльях свили себе гнезда какие-то маленькие пичужки. Но сын ничего этого не ощущал и не слышал. Только спокойная, счастливая улыбка, блуждающая на его полуприкрытых губах, свидетельствовала о том, что тело этого человека продолжает дышать.

Но сам хозяин тела – душа его, витает где-то далеко, далека от оставлено без присмотра дома. И не известно, когда она вернется в свое забытое тело.

Отче, как позвать его душу, как напомнить ей, что храм, который она оставила без присмотра, может разрушаться, состарится, станет непригодным для возвратившегося

из путешествия хозяина.

Как подсказать ей, что форма человеческого тела, самая совершенная, самая прекрасная форма для жизни на земле. Еще она прекрасна тем, что сотворена по образу и подобию Отца-Создателя нашего, и что тело это надо лелеять и сохранять в бодром состоянии, как можно дольше. Ибо не ведаем мы, как долго будет оно молодым и красивым, и что станет с ним, когда потеряет оно свою гибкость и упругость. Когда глаза наши потеряют свой блеск. Наблюдая за скотами, зверями и всем тварным миром Твоим, Отче, заметила я, что все, что когда-то было ярким, сильным и веселым, со временем, сереет, замедляет свой бег и становиться грустным. Даже огромные баобабы стали не такими зелеными; вместо мощных ветвей, на их стволах зияют огромные дупла, в которых поселились обезьяны. А омывающая их корни ревущая река, стала тихой и обмелела.

Видимо, и наше тело, Отче, как этот баобаб, изменилось, но мы не видим себя со стороны, и нам кажется, что мы все такие же, какими Ты сотворил нас когда-то. Как бы мне хотелось, Отче, увидеть себя в зеркале времени, и чтобы тело наше не было подвластно времени, как не подвластна ему, вечная наша душа.

Размышления встревожили меня, и я ощутила, как стремительно возвращаюсь в свое похолодевшее тело. А может быть, душа моя прервала свое путешествие из-за того, что Нея трясла меня за плечи, пытаясь привести в чувства.

- Нея, зачем ты потревожила меня? с огорчением сказала я, открывая глаза. Сейчас я видела Кента, но ты прервала мое видение и я не успела определить, где он находится. Ему нужна наша помощь, потому, что тело его находится в совершенно запущенном состоянии. И если еще какое-то время душа его не возобновит вибрации мозга, то связь между органами прервется, и никакие вибрации и энергии не смогут возобновить движение потоков жизненных энергий по нервным каналам. Начнется обратный отток: что тело накопило за годы бытия на Земле, оно обязано будет возвратить все земле и космосу, так как энергии притяжения души ослабли. И тело распадется на свои составные, как сгнивший помидор, объяснила я.
- Мама, я найду его, как бы далеко он ни ушел. Мне помогут скоты, звери, птицы. Кента знают все. Моя душа укажет дорогу к его душе; куда бы он ни спрятался, я найду его, я помогу ему.

Отче, глаза Неи горели нетерпением, оказаться рядом с братом сегодня, сейчас, в сей же миг. Я увидела, Отче, что такое существо, как Нея, способно своей любовью, своей энергией не только пробудить от медитации своего брата, но оживить, заставить подняться в небо обыкновенный, холодный кусок мрамора, и заставить летать его как ястреб.

Проснувшись ночью, я никак не могла уснуть. Мне приснился, замуровавший себя в темной пещере Кент, и Нея, пытающаяся, расширить вход в пещеру. Но камни закрывающие, вход к Кенту, появляются в новь и вновь. Она их убирает, а они как огромные каменные грибы, вырастают из под земли все новые и новые. И чем быстрее она откидывает их от входа, тем быстрее и веселее они растут. Мне кажется, что они насмехаются, издеваются над Неей.

Я все это вижу; хочу подойти, помочь Hee, но камни, которые она отбрасывает, разбирая завал, превращаются предо моим лицом в хохочущую непроницаемую стену. Я в отчаянье, бью по стене руками, кричу, но не слышу своего голоса, его перекрывает какой-то другой, раздирающий душу, не то стон, не то плач, взывающий о помощи.

Отче, что это, кто это, неужели это Кент? И почему так мучительно? Мне показалось, что это страдает не живое, плотское существо, а душа, потерявшая свое плотское тело. Душа, которая оставила свое тело на минутку, чтобы полетать, полюбоваться звездами, понаблюдать за играми ночных эльфов, покупаться в лучах эфира. А вернувшись, нашла свое тело, бездыханным и холодным. Камень, сорвавшийся со скалы, превратил его в размазанную по земле грязь. Я видела однажды такое. Видела, как вернувшаяся душа пыталась войти в обезображенное свое тело, как плакала она, гладила и целовала открытые, устремленные в небо, мертвые, высохшие глаза.

Видимо, не насладилась она еще, Отче, отпущенной ей Тобой радостью; обидно ей было расставаться со своим телом в расцвете сил. И плакала она, потому что не предугадала она всего. Не заметила, что оставила свое уставшее за день тело в таком опасном месте, позволили ему остаться на отдых там, где настигла его усталость.

Отче, мне было так больно: мне казалось, что это плачет моя душа, что это мое тело, моя душа стонет, плачет над моим телом. Я помню, как долго болело после увиденного, мое сердце, и еще долго стояла перед моими глазами, заплаканная, с опущенными крылышками, душа, пытающаяся дрожащими пальцами, связать с телом, ускользающую из ее рук, трепещущую нить жизни. Но нить таяла в ее ладонях, ускользала сквозь пальцы, рассыпалась осколочками разноцветных радуг, и, наконец, сверкнув голубой искоркой, испарилась, растаяла, растворилась вместе с душой, не оставив после себя ни запаха, ни цвета — как будто ее никогда здесь и не было.

Она вернулась к Тебе, Отче, а тело – плоть, возвратится в Землю: станет ароматными цветами, медом, молоком в сосцах, радужными крыльями стрекоз, войдет в ананасы, в солнечные гроздья винограда, забьет живительными ключами воды, гденибудь из расселин скал.

Вдруг, Отче, я осознала, что проснулась, оттого, что разбудил меня не страшный

сон. Сейчас молило о помощи живое существо. Я выскочила из хижины, и помчалась на крик. Где Адам: его нет. Он наверное, услышал этот стон и не став будить меня, побежал помогать. Луна заливала землю волшебным, холодным светом. Видно было каждую травинку, каждую росинку на лепестках цветов.

Впереди меня бежал волк – Ной. Мне показалось, что он не только знает куда надо бежать, но и знает кто это взывает о помощи, и где это существо находится: так уверенно он определял направление. Рев, от которого мурашки побежали по моему телу, остановил нас с Ноем.

- Что это, Ной?- спросила я, сдерживая дыхание.
- Это, он, как-то неопределенно произнес волк. Он здесь появился совсем недавно. Он не умеет разговаривать. Он все время прячется в лесу.
 - Но объясни мне, кто он; собака, корова, лошадь? удивилась я.
- Не знаю, Ева, я не могу объяснить. Он такой, он всякий, смутился Ной. Ты сама увидишь и скажешь, кто он. Пойдем, он наверное, там. Ной показал ушами на чащу леса.

Только пойдем тихо, а то он сразу убегает и прячется в пещерах.

- Но почему, он так ужасно кричит; чем ему помочь?

На залитой лунным светом поляне паслось невиданное и не представимое мной существо, размером с крупную гориллу. Мне казалось, что это человек стал на четвереньки и рассматривает что-то в траве. Но вдруг существо оторвалось от земли и встало во весь рост. Его человеческое туловище, обросшее гладкими, как у коровы волосами, блестело под луной.

Я онемела. У него была голова быка с горящими, как угли глазами, человеческие руки от плеч, заканчивались коровьими копытами – ноги от колен, были тоже, как у быка.

Существо шумно втянуло в себя воздух и задрав к луне морду протяжно заревело, но из его пасти разнесся над землей не рев, а какой-то душераздирающий, не то плач, не то стон. Существо опустило рогатую голову, и мне показалось, простонало: «Ма-ма». Оно попыталось дотянуться копытом до своего уха, и человеческий стон вновь вырвался из его пасти. Я увидела огромную, толщиной в палец занозу, впившуюся ему в шею, под ухом.

Не раздумывая ни мгновения, в два прыжка, я оказалась рядом с существом и вырвала, торчащий из его тела сучек. В нос ударил неприятный запах гниющей плоти. Я надавила на вздувшуюся кожу, и из открывшейся раны, вместе с вонючей жидкостью, закапала алая кровь. Перепуганное существо смотрело на меня переполненными страданием и ужасом глазами. Это были глаза, в которых отсутствовали признаки

мысли или зачатки разума. В них были только боль и безнадежная обреченность. Такими мы увидели многих обитателей Земли, когда прибыли из Эдема.

Где пряталось, где обитало это существо? Может быть у него, как у Кента и Неи, есть мать-корова, зачавшая его, от неведомого человекоподобного существа, которого мы с Адамом никогда не встречали на Земле.

Но если Кент и Нея, имея туловище лошади, обладали человеческим лицом и руками. И с младенческого возраста ясно излагали свои мысли, человеческим языком, общаясь с нами, то это существо; с головой быка и туловищем, не то человека, не то гориллы, напоминало мне по своим умственным способностям скорее, курицу. Это все, что я успела прочитать в его, истерзанных болью и одиночеством глазах.

Отче, сколько неясного, непонятного, или скрытого от нас хранит Земля, океан и все окружающее нас. Вот и это существо; откуда оно и зачем появилось на Земле, чтобы так страдать и своим видом приносить страдания нам. И чем дольше мы находимся на Земле, тем больше вопросов у нас возникает к Тебе, Отче. А ответы спрятаны где-то внутри нас. Я давно узнала, что если возник вопрос: что-то неясно, непонятно, то следовательно, где-то в подсознании готов ответ, и этот вопрос, задает сам ответ, как бы говорит: «Спросите меня». И нам необходимо, только направить свою мысль, в тот уголок подсознания, где созрел аромат знания – ответ на вопрос. И этот ответ манит нас, как созревший плод граната, но для этого необходимо, чтобы глаза, уши; все органы души, были в постоянной работе, и видели, слышали, осознавали, что происходит внутри ее, и в ее окружении. Необходимо, чтобы душа заставляла трудиться все наши органы и чувства. Денно и нощно, будила наши эмоции., проживала каждое мгновение бытия, как последнее мгновение, отпущенное ей Тобой, Отче. Чтобы она успела при последней, земной вибрации, при последней вспышке света, испущенной ей на Земле, принести кому-то радость; осветить, указать путь к Тебе, Отче.

Но оставаясь всегда в одиночестве, всегда закрытой и не прикосновенной для всякой другой души, кроме Твоей, Отче, душа постоянно обязана общаться, соприкасаться с другими, всякими душами, такими же, как она частицами Твоими. Она обязана, как солнце, или луна, или другая какая душа, отдавать, испускать из себя любовь, знание, мир и равновесие: ибо так поступаешь Ты, Отче, а мы обязаны во всем быть подобными Тебе. И что мы испускаем из себя – тем мы и являемся; хотим мы этого или нет, знаем мы это или совершаем мы это инстинктивно, как всякое Твое творение. Жить, чтобы не навредить, жить чтобы подарить жизнь еще кому-то, жить, чтобы творить радость, и чтобы, и не ведая о том, принимать ответную радость, как эхо, которого ты и не ждали. А оно откликается ответной вибрацией пространства, на

нашу молитву, на наше благое пожелание.

Я, осторожно, чтобы не причинить боль своим прикосновением, положила руку свою на плечо животному.

Я обратилась к Тебе, Отче, за помощью, и почувствовала, как исцеляющее тепло, через мою душу, от Тебя, Отче, заструилось в истерзанное тело существа. Оно вздрогнуло, как будто от яркого света, и пошатнулось, даже присело. Его большие, коровьи глаза, затянулись поволокой блаженства и счастья. Зрачки сузились, и ранее красные, пустые глаза, налились небесной синевой, засветились покоем и какой-то первозданной чистотой. Я почувствовала, как вместе с этой просыпающейся к жизни душой, в меня входит переполняющая ее благодарная ко мне радость. Ранее пустые и бездумные глаза существа, наполнились влагой благодарности и, как утренняя росинка на длинных коровьих ресницах, прозрачной жемчужиной задрожала слеза, признательной благодарности.

Мне стало стыдно, Отче, что благодарность за Твое благословение получаю я, а не Ты. Я увидела, что опухоль под ухом спала, и рана затянулась. Существо замерло и казалось, боялось пошевелиться. Боль видимо, так давно и так жестоко терзала его, что ему сейчас не верилось, что это когда-то может закончиться, и что это случилось. Я улыбнулась и захотела убрать свою руку. Существо посмотрело на меня с испугом и мольбой в глазах; ему наверно, показалось, что это мои руки исцелили его, избавили от страданий, и если уйдут руки, то вернется изнуряющая боль. Я улыбнулась ему, и мне стало грустно, что я не могу объяснить ему, что это не я спасла его, а Ты, Отче.

Я попыталась поговорить с ним сердцем, но все было бесполезно, и я поняла, что существо это выросло в одиночестве, и никакое животное не успело передать ему ни своего языка, ни своей любви и способно оно только дышать, питаться и может быть размножаться.

И как, ему, Отче, помочь, с кем это существо способно жить и общаться, и каково его предназначение на Земле? – думала я. Но если оно выжило, если Ты сохранил его, если оно каким-то образом пришло к нам, и мы помогли ему, то видимо Ты, Отче, научишь его, или подскажешь нам, как ему дальше быть.

Все-таки, Отче, существо что-то поняло, осознало, что ему желают радости, что вместе со мной и Ноем, к нему пришел покой, и исчезла боль. Его рогатая голова, видимо от усталости, как у засыпающего детеныша, стала клониться на грудь, большие, влажные глаза закрывались сами собой. Я видела, что существо засыпает стоя, и может упасть. Я помогла ему опуститься на колени, и оно заснуло тут же; на зеленой траве, раскинув руки-копыта, как уставшее, большое, счастливое дитя. « Пусть поспит», - подумала я – а утром решим, что с ним делать». Я подняла глаза к небу.

Отче, как быстро прошла эта ночь последние звезды исчезали в прохладном, голубом небе. Первые солнечные лучи, окрашивали клубящиеся облака в оранжеволиловые цвета.

Темной тенью, метнулась между деревьями, проснувшаяся птица и ее радостный крик разбудил дремлющий в утренней неге лес. И вдруг, как бы очнувшись, все обитатели леса защелкали, засвистели, закудахтали и запели, на сотни голосов.

Я стояла пораженная и очарованная многообразием радости, изливаемой Тебе, Отче, от всего сотворенного Тобой. А что происходит сейчас в морях, океанах; на всей Земле, в недрах ее; всюду, куда проникает Твоя любовь. На одной стороне Земли Тебя, Отче, все сущее славит за наступающий новый день, новые надежды и новые радости; на другой стороне Земли все сущее славит Тебя, провожая опускающееся за горизонт солнце.

Как, хорошо, что сотворил Ты периоды: отделил день от ночи, превратил и день и ночь в наслаждение – даже ночной отдых, Ты наполнил радостью общения с бездонным небом, со звездами – такими же живыми существами, как и все сотворенное Тобой.

Ной лизнул мою руку, и я очнулась от размышлений.

Существо; как его называть, Отче, я даже не знаю – повернулось на бок, подложив под голову копыто. От его громкого сопения, уполз дремавший, недалеко золотистый уж, улетели, жужжавшие над нами фиолетовые усатые жуки.

- Назовем его, Минот, - сказала я Ною.

Существо чем-то напоминало мне Кента, но Кент – человек, а этот – Минот: у него бычья голова и копыта – ему наверно, невозможно стать человеком; хотя, Отче, только Тебе известно, что у него в этой рогатой голове и каким обликом может обладать истинный человек.

Нам неведомо, откуда он появился, и кого мы можем встретить на Земле еще. С тех пор, как я разучилась летать, Земля стала для меня таким же неведомым миром, как поднебесье. Может быть, где-то на другой стороне Земли, Ты создал, Отче новый Эдем и творишь новых человеков, разочаровавшись в нас, не создал же этот Минот сам себя.

Я вздрогнула от неожиданности. Адам подошел очень тихо, и мы с Ноем, даже не заметили его появления. Он осторожно положил свою руку мне на плеч и спокойно посмотрел на Минота.

- Ты его уже видел, показала я глазами на спящего.
- Да, Ева, я его уже давно видел и слышал, но я не думал, что он появиться здесь так быстро. Он вообще бродил очень далеко от этих мест и вел себя очень спокойно и

вдруг сегодня ночью он появился здесь.

Я не хотел тебе о нем ничего рассказывать, так как сам не знал, откуда и кто он. Ты знаешь, он как с небес спустился, или из под земли вырос. Когда я его увидел первый раз, то очень удивился. Никто из скотов и зверей Земли о нем ничего не знает. Появился и все, - растерянно произнес Адам. Сначала Кент с Неей; потом этот – как ты его назвала: Минот, да?

- Да, Минот, со вздохом ответила я
- Но это, Ева, еще не все. Ты не удивляйся: вчера вечером после вечерней медитации, я захотел немного поплавать, освежиться. Я шел к озеру, полная луна отражалась в спокойной глади воды; было так светло и тихо, что я даже видел, как снуют маленькие рыбешки, возле темно-зеленых распластавшихся на воде листьев кувшинок, и как покачиваются, вздрагивают на воде их большие белые цветы. Я залюбовался такой волшебной ночью и стоял размышляя о нашем будущем сыне, о том, как будем, с первого дня появления его на наших руках, учить всему, что знаем сами.
- Как сделаем из него настоящего человека, и познакомим с нашим Отцом, добавила я.
- И вдруг, Ева, я замер от удивления! Слева от меня, на большом камне, у воды, спиной ко мне, сидели две, я не знаю, как назвать Евы. Понимаешь, два таких же, как ты или Нея создания.

У них были длинные: до пояса, белые волосы, изящные человеческие руки. Их тела, под лунным светом показались мне такими же белыми, как цветы кувшинок, которые они вплели себе в волосы.

Я стоял, боясь пошевелиться, чтобы получше рассмотреть их. Вдруг они обе одновременно обернулись. На меня глянули огромные, озорные, детские глаза. «Ох», - произнесли их маленькие губы, и их тела, бесшумно скользнули в воду. Я только успел заметить, что до пояса они такие же человеки, как и ты, а ниже пояса, тело у них, как у дельфинов; с большим, красивым, серебристым хвостом.

- Ты их догнал? Ты поговорил с ними?
- Нет, Ева, они растворились в воде, как духи, как призраки, даже круги по воде, от их тел не пошли. Они ушли в воду, как две капли воды.
 - У меня, Отче, отлегло от сердца, я рассмеялась.
- Адам, ты милый, домедитировался до того, что создаешь новые существа своим умом, из лунного света, из пара, из воды, и из вечернего тумана.

Адам обиженно посмотрел на меня: «Ева, а тебе необходимо, чтобы эти две – полурыбы, получеловеки обязательно вопили по ночам, или затащили меня в воду.

- Нет, я тебе верю, потому что я видела эту парочку, или может быть другую, на берегу ручья, который впадает в озеро. Но это было настолько неправдоподобно и неожиданно, что я подумала, будто мне это привиделось во сне. Я отдыхала там, в тени деревьев и задремала, и проснулась от того, что мне показалось, будто где-то рядом смеются или плачут обезьяны и детеныши. Я вскочила, и в это мгновение увидела, как две человекоподобные головы, улыбаясь, погрузились в воду, или растворились среди кувшинок.

Я стояла над заводью и ничего не могла понять. Наверно, это солнечные зайчики блеснули на воде, - подумала я тогда.

- Нет, Ева, это не зайчики и не лунные блики, и даже не фонтомы из моих медитаций. Это реальные живые существа, такие же, как Кент и Нея, но которые сторонятся нас остерегаются. И не смотри, Ева, на меня с таким любопытством. Я не причастен к появлению этих новых человекоподобных, так же как не причастен к появлению на Земле Кента и Неи. Если только по воле Отца, я вдруг, не стал способен творить детей себе сам: во сне или еще каким-то неизвестным мне способом, помимо моей воли. Адам посмотрел на меня как бы оправдываясь.
- Но если я и хочу иметь себе помощников, то конечно, не такую рогатую обезьяну и не рыб с человеческими головами, которые прячутся от нас. Мне нужны человеки, подобные нам, а не скоты и звери, подобные человекам.
- Милый, но им необходимо как то помочь, узнать, откуда они появляются, и зачем мы же отвечаем перед Отцом за все живое и живущее на нашей Земле. А если они начнут размножаться и скрещиваться между собой, то скоро мы можем с тобой встретить ходящие по земле деревья с говорящими человеческими головами на ветках. А вместо листьев, на них будут расти человеческие носы, уши, моргающие глаза, хохочущие и распевающие песни рты или еще неизвестно что.

Глава 26. Молитва - полет души к Отцу. Медитация - полет фантазий разума. Свобода - это возможность познавать себя.

Отче, последние дни стали для нас с Адамом серьезным испытанием. Земля, как бы зажила новой, непонятной для нас жизнью. Каждый день приносил нам новые и новые сюрпризы. В каждой пещере, в каждом ручье нас подстерегал какой-нибудь сюрприз, которому мы с Адамом не находили никакого объяснения. Адам

винил себя в том, что это его неосознанные и безответственные молитвы и медитации стали воплощаться: его мысли получили на Земле мыслеформу.

- Нет, пыталась успокоить его я, мало ли о чем мы размышляем, мало ли о чем наша душа беседует с Отцом. Мы просто советуемся с Ним, просим совета, как сделать что-то лучше; вот и все.
- Это ты, так, отмахнулся Адам. А я все это строил, творил в своем уме, представлял, как подобные твари живут мне хотелось посмотреть: получится у меня или нет у Отца получилось же все значит и у меня должно получиться, думал я. Вот и получилось, виновато и с каким-то презрением к себе произнес он.
- Ну что ты выдумываешь, зачем ты пытаешься винить себя в том, к чему не причастен. И все-таки, меня восхищает твоя уверенность в том, что ты существо божественное и способен, как Отец наш, творить новое своей собственной мыслью и непоколебимой верой. Но прежде чем сотворить, необходимо заранее подумать, зачем ты его сотворил на радость или на страдание. За творение свое необходимо отвечать перед Тем, кто в твоей душе. Если бы Отец слепил нас с ногами на спине и с головой под мышкой, наверно, мы бы не очень были счастливы.
 - Неужели это моя работа? спросил Адам сам себя, глядя в пространство.
- Нет, не бери на себя слишком много. Не мог Отец наш, позволить нам, всякий сонный бред превращать в реальность. Иначе, мы с тобой такого бы намыслили и намечтали, что давно не только нас на Земле не было, но и самой Земли уже бы не существовало. Но с мыслями и словами своими, нам необходимо быть очень аккуратными: все-таки мы сыны Создателя. Иначе может случиться то, что мы сейчас имеет, как раз таки при нашем невольном участии. Так что, нам теперь нельзя ни мечтать, ни разговаривать? Иначе, любая случайная мысль или пожелание обретут тело и что нам потом делать, с этими монстрами из нашего воображения, насторожился Адам.
- Да, нет, не утрируй, не искажай мои слова, и не пугай ни себя, ни меня. Как наши молитвы, так и медитации, должны находиться под строгим контролем нашей души. Это не должно превращаться в бездумное, безответственное развлечение «а что из этого получится». Ты же не медитируешь, когда повиснешь на одной руке, на вершине высокого дерева. Иначе, забывшись и расслабившись, ты можешь сорваться, и полететь в пропасть, над которой растет это дерево.

Не медитируешь ты и тогда, когда лежишь, распластавшись на воде, иначе морские волны могут захлестнуть тебя; попасть и в нос, и в рот, и ты нахлебаешься соленой воды.

Ты же лучше меня знаешь, что мы есть то; каковы наши мысли и желания. Меня

часто удивляет и настораживает твое отношение к медитации. В состоянии свободного полета мысли — а это и есть твоя медитация — ты можешь находиться, по несколько дней. Абсолютно ясно, что душа твоя не в состоянии все это время держать свои мысли под наблюдением, строгим контролем. Твоя связь с Отцом, в такое время, тоже носит хаотический, не контролируемый, тобой, характер. Так как ум твой болтается в пространстве, никем не управляемый. Как носимая по волнам безбрежного океана щепка, или как унесенная бурей одинокая пушинка. Что полезного, угодного Отцу может принести такое бездумное и безответственное скитание души по пространству.

- Ты потом не способен определить, что ты действительно видел наяву, а что к этой яви добавило твое разыгравшееся воображение. Вот и могут появиться на Земле такие загадочные твари, как этот Минот или назови их как тебе угодно.
- Ева, мне удивительно, как ловко ты меня поучаешь и если сказать правду, то мне нечего тебе возразить. Я действительно, неоднократно ловил себя на том, что медитации уносили меня в такие миры и места, откуда мой ум едва находил выход, и я потом долго не мог определить, где я и кто я, и как мне удалось возвратиться в свое тело.

Ты знаешь, мне в такие мгновения иногда становиться даже страшно, потому что мне кажется, что я останусь там один, навечно. Но сама ты, с утра и до вечера, находишься в состоянии молитвы: разве это не та же медитация? – с какой-то издевкой, спросил он.

- Нет, милый, это так же не сравнимо, как сон, который ты видишь в предрассветный час и реальная жизнь.
- Почему, удивился Адам мне кажется, что между молитвой и медитацией нет абсолютно никакого отличия; и там и там мы направляем свой ум, свой разум, свою душу в поток знания.
- Нет, Адам, молитва это одно, а медитация совсем другое. В состоянии молитвы необходимо быть нам ежемгновенно; в каждом вдохе, в каждом выдохе.

Состояние молитвы, Адам, да, я тебе уже неоднократно рассказывала об этом, но ты просто никогда не пропустишь слова мои через свою душу – это когда ты постоянно ощущаешь присутствие Отца нашего рядом с собой. Я вижу Его, когда закрою глаза свои, в центре груди; иногда я просто чувствую, что он рядом со мной. Я, как бы, вижу Его, наблюдающим за моими мыслями и поступками.

Я так привыкла к этому, что просто знаю, что Он всегда рядом: неотделим от меня, как мои руки, глаза, сердце. Да, Он и есть и мои руки, и ноги, и ум – Он и есть я. Я его продолжение потому, что Он есть все – нет ничего вне Его. Он всеобъемлет – и нам необходимо просто осознать и признать это и тогда ты почувствуешь постоянную,

спокойную радость своего неотделимого соучастия в бытии своего Создателя. Ты поймешь, что познать что-то возможно только тогда, когда душа твоя сейчас, в сей миг соединена с Душой Твоего Создателя. И ты поймешь, что все, что знает Он, знаешь и ты. Только замри, утихни, успокойся, и ты почувствуешь, как это знание, озарит тебя миром, покоем, равновесием. Ибо Отец наш, и есть Мир, покой, равновесие. Ты не будешь одинокой, забытой пушинкой, носимой бурями в пространстве, не будешь одинокой щепкой, терзаемой безразличными волнами.

Тебя навсегда покинет чувство страха и неуверенности, потому что ты уверуешь в то, что ты сам способен оценивать свои поступки, так как все что ты делаешь, ты делаешь бескорыстно: не ради себя, но ради Сотворившего, и с Его позволения. И если ты способен приносить радость, то не надо постоянно дрожать и сомневаться: «А так ли я пожевал ту пищу, которой я питаю доверенных мне Тобой, Отче, или я обязан был пожевать еще мельче». Твори благое искренне и этого предостаточно, чтобы Отец любил тебя и вселил в тебя веру, что твоя искренность и есть мера твоим благим делам и намерениям.

Это, милый, и открылось мне в моих молитвах, это и укрепило меня в моих поступках и еще напомню, что лично мне не надо никакой награды, как только знать самой, что все, что я делаю для сотворившего нас искренне. А моя искренность и есть гарантия тому, что все, что я делаю, делаю правильно — вот и вся моя мудрость. И в этом состоянии искренности, необходимо быть всегда: днем, ночью; во всяком состоянии, во всяком вдохе и выдохе. Для этого не надо выбирать какое-то особое место и время — Отец всегда видит и слышит нас. Ибо только благодаря Ему, мы дышим, движемся, наслаждаемся, печалимся, грустим, размышляем, совестимся: оправдываем или осуждаем свои поступки и этим достоинством обладаем только мы — человеки. И за это только мы — человеки получим воздаяние; ибо мы ведаем, что обязаны делать и как делать и что делать, подобию Отца скверно, унизительно, противоестественно.

- Ева, а что ты понимаешь под искренностью?
- Это когда ты все действия свои, согласуешь с той Искрой Истины, которая озаряет твою душу, которую в нашу душу, вдохнул Отец, и которая потом, нашу душу, к Отцу относит; которая все помнит, и все знает, вечно.

Адам, неужели тебя ничему не научили медитации наших любимых гаруд? Мы наверно, навсегда потеряли самых разумных существ на Земле. Они единственные, с кем мы могли общаться, почти, как с равными. От них мы узнали о жизни на Земле больше, чем от всех скотов и зверей, вместе взятых. Я конечно, не имею в виду дельфосов, потому что знания дельфосов всеобъемлющи и скорее, духовные,

ангельские, чем знания земные. Знания их универсальные и мне кажется, пригодны для всякого времени и для всякого состояния плоти и души.

Ты вспомни, как я просила тебя не обучать гаруд медитации. Но ты научил ей сначала Ура; ему это безумно понравилось. Его примеру последовала и Лея: видимо, у гаруд к медитации особая предрасположенность – талант, которому ты так завидовал, так как они, за короткое время в своих путешествиях, успели увидеть такое, от чего, даже у тебя от удивления раскрывался рот, от их рассказов.

Они так увлеклись, так поверили в свою исключительность, что начали медитировать даже в полете. Хорошо еще, что во время такой медитации, они упали в воду, и мы успели их спасти. Но летать они уже никогда не смогут, так как и у Леи и у Ура, навсегда изуродованы крылья. Да им это видимо и не надо, потому что страсть к медитации стала смыслом их бытия; не нужны им теперь ни дети, ни наше общение, ни сама жизнь в теле.

Дерево, под которым они медитируют, на берегу ручья, стало для них центром вселенной, или стартовой площадкой, для полетов их душ по космосу.

Ты не замечаешь, что слова мои, мои мысли, которыми я пытаюсь поделиться с тобой — это и есть молитва к Отцу нашему за тебя. Когда мы молимся, то душа наша осознает, чувствует, как Отец согревает ее в ладонях своих, как глаза Его целуют лучами своими глаза наши, и тогда я погружаюсь в необъяснимую, спокойную радость и знаю, что так будет всегда, когда душа моя знает только Отца. Для этого душе моей не надо напрягать собственное воображение и лепить, стряпать, собирать из того, что уже сотворил Отец, что-то новое. Ты не творишь новое, Адам; когда медитируешь, ты из коровы и рыбы, пытаешься сляпать какого-то урода. Мне просто надо позвать: « Отче», - и в ответ услышишь душой моей: «Я люблю тебя, дитя». И мне не надо никакой власти, никакой благодарности от тех, ради которых меня сотворил Отец.

Ты садишься, зажмуриваешь глаза, и пытаешься, как ты говоришь «погрузиться в поток бытия». Ты просто насилуешь тело, свою душу, отвлекаешь ее от той работы, которую поручил ей Отец. Ты говоришь, что получая знания из пространства, ускоряешь процесс развития всего живого, на Земле. Душу свою, ты отпускаешь в поток, и заставляешь ее принести из потока все, что попадется ей в пути: сам не зная, что тебе сейчас нужно, а обижаешься на Отца, что Он тебя не так сотворил, дал не те знания. Если ты молишь получить истинные, конкретные знания, то ты и обращайся к тому, кто ими обладает – к Отцу, а не к потоку. А ты медитируешь в пространство, а обиды высказываешь Отцу.

Нет, и еще раз нет: отдай свою душу не на волю слепого потока, оставь душу сою наедине с ее Творцом, твори то, что сегодня у тебя получается, а когда ты будешь

готов к новому, необычному, душа твоя принесет от Отца проверенные, надежные знания, которые она заслужила опытом долготерпения, ожидания; знания эти принесут тебе радость, а не разочарование и неверие в свои силы. Ибо всякое очередное разочарование приводит тебя к убеждению, что Отец не любит нас. Он нас любит безмерно, поэтому и позволяет нам идти собственным путем: не тем, который наметил Он. Но если мы хотим быть полностью самостоятельными, независимыми, то видимо, самостоятельными мы обязаны быть у в удачах и в неудачах. И не пытаться всякую победу присваивать своим способностям, а малейшее поражение выставлять, как недоверие или противодействие Отца нашим замыслам.

Если ты недоволен, или тебя не устраивает то, что сотворил Отец, если ты желаешь, что-то сделать лучше Него, по-своему, то тебе необходимо знать, что Он начинал творить с простейшего – если что-то из сотворенного Им, у тебя хватит совести, назвать простейшим.

Вода, огонь, земля, эфир — это ты можешь назвать «простейшим»? Простейшее, оно все для Отца: для нас — это бездна. И слава Отцу, что мы не можем прыгнуть в эту бездну, что она для нас закрыта, ибо прыгнув туда, ты отказываешься от всякой помощи Отца. Всю ответственность за свое дальнейшее бытие ты берешь полностью на себя. Зная твою самонадеянность, Отец никогда не позволит тебе разрушить в один миг, что-либо из того, что творит Он в муках любви целую вечность.

Да, для всего сущего – это вечность, а для Отца – миг. Мы не ведаем, сколько таких мигов отпустил нам Он, но, пожалуйста, не торопи этот миг, не пытайся, в один миг втиснуть вечность. Не пытайся сжать отпущенное нам Отцом, время. Мы не можем заставить быстрее вращаться солнце, не можем заставить плод ананаса созреть за три дня, если ему необходимо для этого, может быть – шестьдесят дней. Твое стремленье, предугадать намерение Отца, изменить, сделать каким-то не таким, каким его видит Он, делает тебя заранее несчастным, неудовлетворенным, разочарованным.

Он же не требует от нас, за Свою любовь, даже ответной любви. Он просто стремится сделать нас хотя бы довольными тем, что Он предлагает нам. А отдает Он нам всего Себя – всю Свою любовь, мудрость, щедрость, милосердие, знание. Ты хочешь заранее изменить то, чего еще нет, и не было. Может быть, Отец внял стонам и мольбам твоей души, и дал тебе детей, которых ты так страстно просил? Но ты сам точно не ведал, какими они должны быть. Ты просил детей, ты получил их. И эти дети теперь пугают тебя, видимо потому, что эти дети не выношены нами, не выстраданы. Это какие-то комбинации из страстных, преждевременных желаний. Что мы будем с ними делать, я не знаю, но страдать вместе с ними мы уже начали.

Это видимо, и есть те чудища, которые создало твое воображение во время твоих

неконтролируемых медитаций; когда разум желает одного, душа другого, а твое эго просит Отца третьего. И мы получили, то, что не похоже ни на человека, ни на скота – получили гибрид чего-то среднего между овощем, по разуму и, животным по облику.

Потерпи, скоро у нас появится сын, от нас с тобой – от человеков, – я положила руку Адама на мой живот, - ты слышишь, чувствуешь: он уже просится выйти, он хочет видеть нас, он хочет видеть свет солнца, хочет ходить, смотреть, желает свободы. Ему уже тесно в том жилище, которое сейчас для него является всей вселенной, и которую ему пока страшно покидать.

Да, Отче, я иногда чувствую, как замирает или учащенно бьется его сердечко, как испуганно трепещет его душенька в предчувствии неизвестной, неведомой, и потому пугающей свободы, которую Ты готовишь ей. Как ужас охватывает ее в темном, ставшем оковами жилище. Но еще страшней ей неведомая свобода, которая сейчас видится ей чем-то чуждым, чем-то готовым разрушить, уничтожить ее. Для нее, привыкшей к темноте, тесноте, полной зависимости от того, кто кормит и защищает от непогоды, выйти на свет голой, слепой и полностью зависимой от случая. Это рождение, эта долгожданная свобода, равносильна смерти. А та боль, которая сжимает выходящее на свободу, беззащитное, маленькое тельце, которое шлепается на холодную, колючую подстилку. И первый крик испуга и отчаянья, маленькой душеньки, которой кажется, что ее из теплого, «уютного» Эдема выкинули в бездну холода и неизвестности.

Так, Отче, появится в этот плотный мир душа, соткавшая это пригодное для жизни на Земле, такое «беззащитное» и такое самое универсальное тело, способное, при мудрой душе, изменить облик самой Земли, из которой слепила тело, эта невидимая душа.

Как познать, как осознать такое чудо? Как доверяешь, Ты, Ей, Землей управлять, этой невидимой частичке Своей? Отче, если бы мы с Адамом так уверовали в свои силы и предназначение, как веришь в нас Ты?

Адам верит в свои силы, но чего-то не хватает ему для исполнения, намеченного Тобой плана. Ты не подскажешь ему, что нам делать дальше; конечно, он сын Твой, он подобие Твое и ему пора самому быть хозяином всего наследия, пора самому выбирать путь. Как превратить Землю в подобие Эдема, взяв на себя ответственность за всех, или всегда ждать помощи и указаний Твоих.

Но Ты безмолвствуешь, Отче, и Адам говорит, что мы Тебе стали совершенно безразличны, что Ты поселил нас на окраине вселенной.

- Пожалуйста, твори, дерзай, наслаждайся, - подбадривала я Адама. Никто из Его творений не наделен такой свободой, таким даром. Все ограничены временем и

пространством. Все: и боги, и духи, и ангелы, сотворены надолго, но на один раз, на один Его вдох и выдох, а мы сотворены на все Его вдохи и выдохи.

Помнишь, Атма как-то сказал: «Из праха сотворил вас Отец и в прах возвратится плоть ваша, а дух Отца, который и есть человек, возвратится к вдохнувшему его. Вы есть искра от духа Его, вы вечны, как вечен Его дух, как вечно все, что Ему принадлежит. Но только дух Его животворит, мыслит, созидает, любит, освящает и жертвует себя всему; ради любви ко всему, сотворенному Им. И эта любовь Его вечно пробудет во всем сотворенном Им».

Адам, не пытайся бежать впереди Сотворившего тебя, не пытайся догнать и обогнать, подарившего тебе свободу. Ибо как скоты и звери, над которыми мы поставлены Отцом, заступниками и наставниками, никогда не перегонят и не догонят нас в развитии своем, а всегда будут знать только малую долю - часть того, что знаем, и даем им мы. Сколько бы, и как бы мы ни старались, отдать им все наши знания, чтобы нам легче было с ними общаться. Всякое знание имеет пределы проникать в душу, в ум. И всякая душа имеем пределы принять, и осознать эти знания. Ибо должна одна душа созреть для того, чтобы правильно дать, а другая созреть, чтобы верно принять. Мы никогда не сравняемся знанием и силой духа с Тем, Кто поделился с нами своим Духом, и дал нам ключи от своих знаний. И если Он накапливал эти знания миллионы и миллионы лет, Который есть Вечность и Бесконечность, то как ты пытаешься овладеть Его знаниями за несколько лет, нашего взросления, если ты ограничен и во времени и в пространстве.

Подумай, как ты можешь за один день собрать все плоды вон с того огромного апельсинового дерева, если мы с тобой не можем их собрать и за все лето. А знания - это пища для разума, для души и их необходимо, также как и плоды, не только собрать, поглотить, но и усвоить, осмыслить, осознать. Чтобы эта пища принесла радость, укрепила душу и разум наш, принесла новые плоды, дала семена.

Ты прекрасно знаешь, что получить знания - это еще можно сказать – цветочки. Необходимо, чтобы эти знания принесли кому-то радость, приблизили кого-то к Отцу, а не отдалили от истины.

- Ева, что я могу один сделать; изменить или ускорить на Земле. Ты думаешь, мне не обидно, что с тех пор, как нас поселил на Земле, я болтаюсь здесь, как нахлебник, как совершенно бесполезная тварь. Что мы с тобой делаем, и вообще, зачем мы? Может быть, ты знаешь, и объяснишь мне все так, чтобы я осознал, уверовал и успокоился, раз и навсегда, - раздраженно произнес он.

Скажи, чем мы отличаемся от тигра, медведя, коровы?

- Ты мыслишь, ты господин над ними и над всей Землей. У тебя есть выбор, -

возразила я.

- Выбор чего; еды, катания на ветках вместе с обезьянами? А эти медитации – они меня совсем запутали. То, что я вижу в этих грезах; оно или, где-то, или как ты говоришь, - мой сон, который я потом не способен даже полностью вспомнить.

Подскажи, как мне научиться быть в согласии с тем самым Духом, который вдохнул в нас Отец. Как научиться, хотя бы советоваться с Ним? А так Дух сам по себе, а я сам по себе. Откуда я знаю, что ему надо от меня сейчас, сегодня, завтра.

- Успокойся, ему от нас ничего не надо. Он свят, Он любовь Отца в тебе и во мне, и во всех кто произойдет от нас, и кто станет, подобен нам. Он, крылья нашей души, Он Тот, кто делает нашу душу зрячей, кто научил ее отличать свет от тьмы, делать выбор из многих, предложенных тебе, Отцом вариантов. Ты способен предвидеть последствия своего поступка. Никакое существо, не способно на это, не имеет свободной воли выбирать, изменять, предлагать свои решения. Тот, который сейчас побуждает тебя сомневаться в том, верно ли ты исполняешь волю Отца, тот, который и делает тебя человеком, сыном, отличает нас от скотов. Он наша совесть, способная подсказывать и решать, как ты обязан поступать в каждом отдельном случае, чтобы не нарушить заповеди Отца, не причинить боли тем, над кем ты поставлен, но чтобы не унизил и себя.

Скажи, какое из творений, известных тебе во вселенной, обладает таким же даром, как ты? И тебе этого не достаточно. Или ты хочешь, чтобы Дух Отца постоянно таскал тебя за руку и постоянно тыкал носом и говорил: «Это, Адамушка, бяка. Это трогать запретно - оно горькое, а это Адамчик, сладенькое его, ням-ням».

Ты постоянно требуешь свободы. Но что ты понимаешь под свободой? Свобода, милый, это ответственность, которую ты берешь на себя за любое свое деяние. Что у нас нет такой свободы? У нас нет, конечно, свободы менять местами солнце и луну, нет свободы, заставлять ангелов являться к нам по нашему приказу, или свисту, как ты делаешь это с динозаврами или лошадьми. Но у нас есть свобода, быть свободными, радоваться бытию, радоваться тому, что мы человеки, что мы вечны, что в нас живет Дух Отца нашего, что у нас есть свобода вечно познавать себя, а познавая себя, мы познаем и сотворившего нас, ибо мы, и все сущее, есть Его подобие, - есть Он.

Я думаю, что большей свободы, чем дозволение, разрешение Отца познавать самого себя не бывает, и для этого Он поселил самого себя в нас. Он, как бы поставил перед нами зеркало, и сказал: «Вот Я, рассматривайте Меня, щупайте, нюхайте. Не ищите меня, ни в небе, ни в воде, ни под землей – для вас, Я буду вечно в вас. Я – есть – Ты».

Тебе, и этого мало. Тебе хочется смотреть не на того, кто в душе твоей, не Ему

подражать. У тебя чешутся руки поруководить, погодсподствовать над богами, духами, силами, над главными слугами Отца. Неужели ты завидуешь им? Они сильные, но они не свободны — они знают только одну специальность, они ограничены во времени: их мысль, их душа вибрирует в миллионы раз медленнее твоей. Мы в тысячи и тысячи раз совершеннее их, быстрее и разумнее. Это они просят Отца сделать их подобными нам, подобными Ему — Отцу, сотворившему и нас и их, но их раньше; для работы над плотью Вселенной, а нас для работы над душами всего, имеющего дыхание. Они — сила, они — ум вселенной, а мы, мы — разум, мы — душа вселенной, и не только этой вселенной. Ибо мы — память разума вселенной, той в которой сейчас душа наша набирается опыта, опыта, который она передаст в другие вселенные. Когда Дух Отца вознесет ее в другие миры, в другие вибрации, в иные измерения. И только Дух Отца помнит все, что было, есть и будет, а душа наша, как лодка, как птица, которой управляет Дух Отца, и на скрижалях которой, Дух запечатлел все знания о бытии в душе Сына своего, именем «человек», а для сынов человеческих — Адам, - выпалила я.

- Ну, Ева, далеко же ты смотришь.
- Нет, не далеко оно все здесь, я прикоснулась ладонью к своей груди. Здесь Он. А ты ищешь Его в голове. В голове только то, как делать, а совесть надо или не надо делать решение принимается здесь в душе и душой; если душа доверилась Отцу направлять себя.
- Ты хоть сама веришь во все то, в чем пытаешься убедить меня. Неужели я такой беспонятливый и дремучий, что не способен понять то, во что веришь, что чувствуешь и осознаешь ты? Если бы ты сумела толково мне все показать и доказать. Но все твои доводы основаны только на вере. Верь, верь, верь вот весь твой довод. Я и верю, и верил, но всякая вера должна чем-то питаться, чтобы жить; как кошка, мышка, птичка должны поедать семена и траву иначе они уснут. Так и вера, на которой ты настаиваешь, должна питаться живыми фактами, а не несбыточной надеждой. А пока, я только вижу и осознаю и себя, и тебя обыкновенной скотиной, которая жрет, испражняется и спит. И так изо дня в день, из периода в период. Что, для этого мы и сотворены: чтобы беспрерывно насыщать эту утробу: половину дня набивать её овощами и фруктами, а другую половину их переваривать? Что, нельзя было придумать, как питать наше тело как-то по-иному: скажем, через дыхание, или от солнца, или выпил каплю росы, и тебе не надо есть от нарождения луны до ее убыли. А то, жрешь и жрешь весь день; все, что из земли лезет, бурчал Адам.

Действительно, «из праха ты взят, и прах из себя выкидываешь». Сколько этого праха мы сожрали и сколько мы его выкинули из себя. Если бы все это сложить в одну кучу, Ева, а потом залезть на нее, то я бы наверно увидел, что делают сейчас орлы вон

на той скале, - Адам невесело рассмеялся, и показал рукой на орлиное гнездо на вершине скалы.

Гусеница я, Ева, обыкновенная гусеница, которую ты пытаешься убедить, что она – сын Отца-Создателя. А чему я возмущаюсь и с чем я не согласен? В принципе, и гусеница, и листок, который она пожирает, тоже Его дети. Он же их сотворил первоначально; не сами же себя они выдумали и породили. Так, что все сотворенное, как ты однажды сказал: «дети Его», а мы не лучше, и не совершеннее всех остальных. Пойдем, Ева, сожрем что-нибудь, а то утроба моя, как-то злобно и требовательно рычит. Сыну и хозяину Земли пора загрузить себя прахом, чтобы было, что возвратить Земле — иначе день пройдет впустую, - насмешливо произнес он.

- Адам, напрасно ты иронизируешь, над собой. Все твои печали от того, что слишком много способностей и возможностей дал тебе Отец. Ты забеременел тысячами идей, тебе хочется поменять местами горы и моря, перекроить на Земле все по-своему. Тебе хочется власти, власти над всей и всякой плотью, над всяким прахом. Оставь плоть, оставь прах земной богам, духам демонам: тем, кто над ними поставлены. Проси у Отца власти над своими чувствами, над желаниями, и ты не заметишь, как покой и равновесие, поселятся в душе твоей. И тогда ты поймешь, что не надо ни над кем насильно властвовать, хозяйничать: дай всем свободно дышать и все сущее само найдет свое положение в пространстве. Пусть всякая тварь сама захочет стать похожей на тебя, подражать тебе. Ты же знаешь, что и сейчас все скоты и звери мечтают быть подобными нам, иметь детей, похожих на своего господина — на тебя.

Оставь всех в покое, а если помогаешь, то не требуй ни от кого немедленной благодарности и покорности. Начни сначала с себя, забудь, что ты господин, поставь выполнимую цель, и исполни ее так, чтобы ты сам был доволен, тем, как ты сделал свою работу. Делай, сначала то, что у тебя хорошо получается: укрепи веру в свою силу, в свой талант, предназначение. Оставь, пожалуйста, свои глобальные планы с дополнительными солнцами и лунами. Разберись для начала хотя бы с этими новыми поселенцами, или «десантниками» из космоса, - пошутила я.

Что это за новое творение с бычьей головой, и девицы с рыбьими хвостами? И как бы в подтверждение моих слов, прямо на нас, из зарослей выскочил огромный, рыжий козел, и в изумлении замер, в двух шагах от нас.

Отче, но козлом он показался нам только с первого взгляда. На самом деле, на нас смотрело козлоподобное существо с тонкими, ухмыляющимися губами. Его настороженное, узкое к низу лицо, украшала похожая на заячий хвостик бородка, но с завиточками на конце. Туловище, не то козлиное, не то человеческое, с тонкими человеческими рученьками. Едва пробивающиеся рожки, венчали курчавую голову.

Аккуратно прижатые, заостренные ушки, напоминающие молоденькие листики ландыша. Изумрудные, как у лягушки глаза, казалось, ничего не выражали, зато, на тонких поджатых губах, отражались и удивление и какая-то лукавая радость и полное наслаждение от встречи с нами.

Его хвостик постоянно вертелся во все стороны, кисточки, на кончиках ушей вздрагивали. Казалось, что какая-то озорная сила дергает его изнутри и не дает возможности устоять спокойно ни секунды. Он напомнил мне, Отче, шаловливого ангела из родного Эдема. Его радость передалась и нам с Адамом, и мы одновременно весело рассмеялись. Существо сказало «бе» и подпрыгнуло выше наших голов, несколько раз перевернулось в воздухе и скрылось в густых зарослях крапивы.

- Ну вот, с таким встретишься, продолжая смеяться, сказал Адам, и настроение поднимается, и захочется поговорить с ним.
- А ты заметил, что все наши гости; новые существа, не умеют говорить? Обликом они похожи на земных скотов и зверей, а душа у них, как бы спит. Это скорее, какие-то бегающие растения в скотской оболочке.
- Ты знаешь, мне тоже так показалось. Хотя этот весельчак, который нарядился в козлика, мне понравился: есть в нем какое-то лукавство и ирония, а для этого уже необходим хотя бы начальный разум.

Но откуда они появляются, и что нам с ними делать? – задумчиво произнес Адам.

Тропинку, по которой мы шли, разговаривая, медленно переползала огромная улитка. Заслышав шуршание наших ног по траве, она остановилась и втянула свое тело в закрученный спиралью, фиолетово-розовый домик. Не спрятанными остались только мягкие, похожие на рога уши. Адам подошел к ней и постучал пальцем по панцирю.

- Откройся, - приказал он. Улитка послушно выглянула из домика и коснулась своими липкими присосками колена Адама. Смотри, Ева, как вырос этот тихоня, скоро меня догонит, - пошутил он. Спасибо, что хоть улитки, пока безрукие и без человеческой головы, - вздохнул он и мы молча пошли к нашей хижине.

Глава 27. Неприятные предчувствия Евы. Нет во Вселенной у человека врагов, как только сам человек.

Отче, у меня какое-то странное предчувствие: ожидание чего-то нового — неизвестного. К чему-то Ты нас готовишь? Но к чему мы с Адамом так и не поймем. Мы сейчас на Земле, можно сказать, одиноки; нет рядом с нами гаруд. Ты, Отче, даже детей их от нас куда-то спрятал. Видимо, чтобы мы, с Адамом, и их, как Ура и Лею, не обучили чему-нибудь такому, что может им навредить, совратить, с присущего только им пути. Нам известно, что они где-то на Земле, но чем они занимаются, нам не известно. А может быть, ты оградил их от их родителей, чтобы они не пошли по их пути? Прости, пожалуйста, нас, Отче, если есть наша вина в том, что Ур и Лея так увлеклись познанием неизвестного или надуманного, что забыли о том, зачем они на Земле, и о том, что главная задача их — это воспитание своих детей.

И если в отношении Гаруд, мы считаем себя главной причиной изменения их поведения на Земле, то в чем, Отче, наша вина, что без всякой причины, Дельфосы избегают встреч с нами. Раньше они были с нами во всякой затруднительной или непонятной для нас ситуации. Стоило мне засомневаться в чем-то, воззвать к Тебе, и как луч света, как луч любви, как Твоя улыбка; из ниоткуда возникал Атма, или ктонибудь из его друзей.

Они обычно, не подсказывали, как нам необходимо поступить, а скорее советовали, как поступать не следует. А сейчас, они о нас совсем забыли, или Ты, Отче, решил, что мы уже все постигли, и нам не нужна, или даже вредна всякая поддержка. Нет, Отче, без Тебя, без Твоих наставников, нам не обойтись никогда. Сейчас, когда стали появляться какие-то, не то быки, не то человеки, какие-то козлы с лицом человека, или почти человека, не то рыбы, не то... Мне трудно, Отче, потому что мы не знаем, как нам поступать с этими существами. Они безмолвны, значит, у них нет в душе никаких мыслей. Я думаю, что Атма мог бы проникнуть в их душу и подсказать, кто они: скоты, звери, растения. Подсказал бы, по какому пути их вести – сейчас мы в полной растерянности. Как им помочь, чтобы никоим образом не навредить их продвижению к свету?

Душа, душа и только душа; все мои мысли, все мои размышления только о душе: о своей душе, о душе Адама о душах всего сущего. Я вспоминаю, какими были наши души в Эдеме. Тогда мне казалось, что о душе мы знаем почти все, потому что мы ее видели, как на своей ладони. Она напоминала мне крохотный алмаз, который, искрясь,

играл бесчисленными гранями. Каждое мгновение сияла новыми достоинствами, свойствами, качествами, новым цветом; то казалась крохотной, как атом, а то, вдруг, вспыхивала, перекрывая своим блеском, свет солнца, а то, неожиданно, становилась маленьким, беззащитным отблеском луны, в прохладном, уснувшем теле. Но никогда, Отче, души наши не гасли: иногда они блекли, как бы мутнели, но всегда дух Твой, Твоя любовь возносила её над самой тонкой плотью, всегда было видно, что она миллионами нитей пронизывает, проникает все, что окружает ее. И тысячи, тысячи таких же нитей – лучей света; невыразимых цветов и оттенков, устремлялись к ней из пространства.

И если душа дерзает, если она страстно желает приблизиться к Тебе, Отче, стремится всегда быть с Тобой, то каналы души для приема света расширяются и удлиняются. Все органы души с каждым днем становятся более совершенными. Вся она все более и более проникается, пронизывается светом Твоей мудрости, и Дух святой Твой избирает душу такую, своим обиталищем, и каждый атом ее, каждая частичка ее, становится частичкой Твоего Духа святого. И уже служит душа живая, не плоти, но духу; ибо не пригодна она для служения плотского. Все свои плотские свойства, качества она утеряла, и все органы ее стали сотканными из света, мудрости и любви.

Душа эта ныне родилась свыше. И ограждена душа такая от всякого воплощения и перевоплощения на многие и многие века. Ибо угодна она Тебе, Отче, и свет мудрости, свет любви ее теперь долгие века будет служить путеводной звездой к сердцу Твоему, для всех других, ищущих служения Тебе душ. И из миллионов душ, Отче, только единицы ищут путь к Тебе, только единицы стремятся слиться, соединиться с духом Твоим, стремятся подражать Тебе. Все остальные увязли в болоте праха, в болоте плоти, где они рождаются и умирают, тысячи и сотни тысяч раз в одном и том же облике. Где душа, погрязшая в плотском «рае», не желает подниматься к Тебе. Дух Твой, Отче, томится в этой душе из воплощения в воплощение, не в силах покинуть доверенную Ему душу, и ждет не дождется «когда же пресытится она, когда насытится она до отвращения, до рвоты плотскими радостями».

Душа обязана испить чашу земных наслаждений и падений, разочарований до последней капли, чтобы у нее никогда не возникло желаний попробовать вернуться в плотскую обитель. Обязана получить и воздаяние за все дозволенное и не дозволенное. Чтобы побывав в плотской шкуре, могла понять всякое создание Твое и быть ко всякой твари милостивой и милосердной, вспоминая свои падения и взлеты. Помня, что и она когда-то, прошла через все эти испытания, что и ей подавали руку помощи и ангелы и духи. Что и за неё всякая тварь и плотская, и духовная взывала к

Тебе, Отче, только о милости и милосердии. Что нашу боль всегда разделяли с нами все, что не было никогда у человеков перед Тобой, Отче, соперников или завистников. Но все и всегда видели в нас, человеках, только Твое подобие, только спасителей себе, только проводников к стопам Твоим. Все сущее поклонялось и поклоняется нам, как мы поклоняемся Тебе, любимый Отче.

Укрепи нас, Отче в служении Тебе, чтобы мы оправдали доверие Твое. Чтобы мы не разочаровали надежд Твоих. Не оставили сиротами всякую сотворенную и любимую Тобой душу; доверенную нам на попечение. Ты, Отче, свет истины, всем, кто пожелает советоваться с Тобой, пожелает идти предложенным Тобой путем.

Но грустно и больно наблюдать мне за всем; ибо всякая душа стремится идти, как раз в противоположную от света сторону. И все сотворенное из плоти стремится к господству над братом своим, стремится накрыть собой всю плоть, какую только видит и предполагает увидеть и ухватить.

Чтобы приблизиться к свету, надо самой душе страстно возжелать стать подобной свету, а для этого необходимо, позволить Духу Твоему, Отче, управлять нашей душой, и тогда плоть, прах перестанут быть целью бытия для человека. Тогда душа осознает, что плоти ей необходимо равно столько, сколько достаточно ее, для того чтобы проявлять себя, не унестись в пространство, до той поры, пока не исполнит душа, намеченный Тобой для человека план. Для этого, достаточно, нам, Отче, нашего построенного из праха, земного тела, которое мы оставляем на Земле, не заберем к Тебе, даже нашего земного выдоха. Принесем к Тебе, только наши знания, наши помыслы, нашу любовь, наше стремление еще и еще побывать на Земле, или наше полное отвращение к плотским утехам и наслаждениям. И только Тебе, Отче, решать, куда нас далее определить, и насколько мы достойны миссии, которую Ты нам доверил.

Но знаю я, Отче, что никогда Ты не оставишь нас, и никогда мы не будет бесполезно валяться в тени ветвистых Эдемских кущ; ибо не скоты мы бездумные, а души Твои, Тобой сотворенные в помощь Тебе. Сотворены мы, чтобы нести свет, любовь, мир, радость каждой частице Твоей, с которой связаны мы миллионами и миллионами каналов. И будешь Ты, Отче, совершенствовать нас, пока души наши не засияют таким же светом, каким сияешь Ты сам, пока мы не станем, неотличимы от Тебя. А что дальше, я Отче, не знаю, но знаю, что нет предела нашему совершенству. Нет предела наслаждению от творения радости. И знаю я, что на этом пути к совершенству, обязательны срывы и остановки; короткие и продолжительные передышки, иногда разочарования, ибо невозможно творить с закрытыми глазами и ушами. Необходимо приостановиться, прислушаться, оглянуться влево, вправо, вверх,

вниз; вымерять и соизмерить, что поручил Ты, Отче, нам, и что на самом деле, в спешке, или в азарте, мы натворили. И это тоже будет вечно, ибо это циклы, эпохи, миги; большие и маленькие, катастрофы и миги вибраций, единого беспрерывного процесса миротворения, или бытия. Но не бывает катастроф, бывают закономерности, которые мы не желаем замечать, не желаем к ним готовиться, думаем, что это случиться когда-то, или не с нами. А потом взываем к Тебе и стенаем: «Почему Ты нас не предупредил, не увел насильно, не кричал грозным голосом с небес, что опасность уже в двух шагах от нас»? Но если бы Ты, Отче, и кричал, и взывал, и ангелы Твои полчищами бы носились над нами, то и тогда бы мы сказали, что не надо насиловать и пугать нас, ибо мы «сами знаем», что нам делать, и не надо нас постоянно учить.

Об этом я постоянно напоминаю Адаму. И к надвигающейся катастрофе, насколько хватает наших сил и знаний, мы готовимся сами, и подготавливаем всех, кого мы имеем возможность, подготовить, защитить. Мы как-то даже уже успокоились, потому что верим, что Ты, Отче, не оставишь нас на произвол стихиЙ. Адам даже смеется и говорит, что он не желает об этом думать, и если и готовиться к встрече с кометой, или астероидом, то только ради меня, зверей и скотов, которых ему просто совесть не позволяет оставить без защиты.

- А мне, говорит он, уже надоело это земляное тело, которым снарядил нас Отец для этой жизни. И я мечтаю сменить его, на что-либо более легкое и удобное, что-то среднее между телом ангела и моим. А для этого тела надо слишком много трудиться, чтобы оно не рассыпалось, и не прокисло, Адам небрежно постучал ладонью по своему черному, животу.
- Милый, но человек это же не только тело. Ты, в первую очередь, душа, и наши души, твоя и моя, сами построили себе такое тело. Отец по нашим мыслям и желаниям одел нас в такие плотские одежды.
- Ева, но ни я, ни ты не думали, что тело это не вечно, что его каждый день необходимо обновлять, и на это тратить всю жизнь. Я готов остаться с голой душой, с тем прозрачным телом, какое было у нас в Эдеме, только бы не думать день и ночь, чтобы мне еще сожрать, куда бы мне спрятать это тело, то от холода, то от жары, жаловался часто, Адам.
- Но по-моему, ты не о том говоришь и думаешь. Все кто сотворены для жизни на Земле, имеют, подобные нашим тела. И никто этим не печалится.
- Ева, но у них другие задачи. Им нечем, и не зачем думать. Они даже не подозревают, что каждой скотине, зверю, или гаду, рано или поздно придется расстаться, с этим мешком для костей просто издохнуть.
 - Фу, Адам, как грубо, с какой издевкой ты об этом говоришь. Как будто нельзя

найти другие слова.

- Дело не в словах, а в смысле. Из праха они слеплены и в прах превратятся — распылятся. И наши с тобой драгоценные мешки, тоже может быть, скоро будут попирать копытами, какие-нибудь скоты. И даже не догадаются, не подумают, своей пустой башкой, что трава, которую они жрут — это тело их бывшего господина - Адама. А кизяк, который они растоптали — это их бывшая госпожа и защитница — Ева. Адам весело расхохотался. Не бойся, Евонька, может быть, это совершится очень и очень нескоро, но обязательно случится, - шутливо успокоил он меня.

Отче, ну вот так мы и живем ныне на матушке-Земле. Вот так, в сомнениях и беседах о смысле бытия, готовимся ко всяким неожиданностям, воспитываем свою душу, совершенствуем наши тела для гармоничного и достойного служения Тебе. А то, что мы иногда недовольны собой, так это и великолепно. Это свидетельствует о том, что мы стремимся, с каждым восходом солнца стать лучше, совершеннее. Желаем каждый вечер на один локоть, на один шаг, или на один палец, стать ближе к Тебе. А если мы иногда говорим Тебе, Отче, что мы не знаем правильно ли мы поступаем, по отношению ко всему, сотворенному Тобой, или не ведаем, что творим. Так это, Отче, лукавство Твоих повзрослевших и помудревших детей. Это наша тоска по Тебе. Нам просто хочется, чтобы Ты ободрил нас, приласкал, похвалил, или хотя бы сказал: «Милые дети, не волнуйтесь, не сомневайтесь. Я люблю вас, я доволен вами. Но не ждите, что при каждом вашем верном шаге, на небесах и на земле, будут сиять знамения и греметь ангельские гимны в честь каждого вашего вдоха и выдоха».

Видимо осталась в нас память, еще с эдемских времен, когда все только и делали, что хвалили и восхищались нами, чуть ли не молились на нас. А на самом деле, мы были так уверены в себе тогда только потому, что в любой момент нашу ошибку могли тут же исправить ангелы или учитель. Легко быть способным и гениальным. Когда это больше походило на игру и не имело никаких последствий. А на Земле всякий неверный шаг может принести кому-то печаль. Навредить, возможно, совершенно случайно, и для этого не надо никаких особых знаний и способностей. Чтобы избежать, даже случайной ошибки, необходимо иметь знания, которые приходят только с опытом. А какой у нас, Отче, опыт если мы видим все впервые, и чтобы вспомнить то, что мы изучали в Эдеме, или что заложил Ты в наши души изначально, нам все равно необходимо что-то делать, как в первый раз. И даже если я что-то делала десятки раз, а потом по какой-то причине даже не прикасалась к любимым занятиям, то у меня от неуверенности дрожат руки и останавливается дыхание. А что можно сказать о нашей жизни на Земле, если мы иногда ощущаем себя так, как будто ходим в темной пещере с завязанными глазами: щупаем, спотыкаемся, проваливаемся

в какие-то ямы, кричим, призываем Тебя, Отче, а в ответ, только шишки, синяки, да глумливое эхо.

Вот так, Отче, мы и набираемся драгоценного опыта. Именно драгоценного, потому что достается он нам дорогой ценой, и запечатлевается в нашей душе, в наших движениях и чувствах навечно. Получаем мы благо опыта, через страдания и сомнения. Как я уже говорила, через синяки, шишки и слезы. Но зато, какая потом радость, какой восторг победы над своим маловерием. Я, Отче, сотни раз благодарю и славлю Тебя, что у Тебя хватает терпения выслушивать все наши упреки и стенания: «Ты не хочешь помочь нам, мы не в силах сами решить эту задачу. Мы погибаем, а Ты равнодушно взираешь на наши муки».

Но если бы Ты слушал нас и за нас все делали ангелы, духи или демоны, то мы бы никогда не ушли из Эдема потому, что поотсыхали бы от ненадобности наши руки и ноги, и мозги наши усохли бы до размера грецкого ореха, так как не было бы в них необходимости. И стали бы скоты и звери властвовать над нами, потому что за них, ни на Земле, ни в Эдеме никто никогда, ничего не делал. У них появились бы новые инстинкты и рефлексы, а мы бы оскотинились и озверели, и помыкали бы они нами. А дух Твоей, Отче, который Ты вдохнул в нас, наверно вдохнул бы Ты в них. Ибо не в форме тела сущность человека, а в стремлениях души и свободных проявлениях святого Духа Твоего. Дух святой Твой – это семя Твое в душе человеческой, и семя это вырастает со временем в сына Твоего, Отче. Ибо бесчисленно должно быть число сынов Твоих, так как бесконечно число дел намеченных Тобой во всех вселенных, и творить и исполнять их будут сыны духа Твоего. И прими, Отче, наше поклонение и восхищение и любовь нашу к Тебе, за то, что Ты избрал нас с Адамом, одними из первых сынов своих, что Ты доверил нам продолжать дела Твои на Земле.

Подскажи, научи, как нам быть более благодарными, чтобы не проходили дни жизни нашей на Земле без пользы для всего сущего. Чтобы приносили мы духу Твоему радость и удовлетворение, каждым движением, каждым желанием и намерением души нашей. Ибо из великого многообразия душ, сотворенных Тобой, только в нас поселил Ты искру духа святого своего. Только душе человеческой доверил Ты исполнить волю свою. Только в ней, как в зеркале, узрел Ты, Отче, совершенное отражение, духа святого своего.

Доверие Твое, Отче, обрекло нас, человеков, на вечное дерзание, на вечное сомнение, ибо страстное желание наше, угодить Тебе, парализует иногда нашу волю, наши божественные и ангельские способности. Ибо совестно нам, представить пред ликом Твоим, что-либо сотворенное нами, недостойным Твоего величия. И тогда ощущаем мы себя существами бесполезными, сравнимыми, наверно только с

инфузориями. И хочется, Отче, в такие мгновения раствориться, как призракам, рассеяться, как облаку, спрятаться в самые темные закоулки вселенной, только не оказаться бы пред Тобой, недостойными Твоей любви, Твоего доверия.

Глава 28. Ева поднимается в ночное небо. Спасение детей гаруд. Изгнание крыс.

Я проснулась и вышла из хижины. Ночь была необычно тихой, молчали даже цикады. Возле родника слышались беспокойные вздохи обезьян. В кустах пионов, где обычно по ночам, кружились светлячки, сегодня было темно. Беспокойно, прижимаясь, друг к другу, мигали из темноты глазами волки.

- Почему вы не спите? поинтересовалась я. Почему вы не возле своих жилищ?
- Не знаю, может быть, днем выспались. Сегодня был необычно жаркий день. Солнце прямо обжигало сразу. Я не припомню таких дней и ночей, рассуждал в зарослях малины медведь.

В его светящихся глазах я прочитала вопросительную тревогу.

- Мы тут собрались; лошади, волки, мамонты, чтобы быть поближе к вам; да вон и гаруды не спят, - как бы извиняясь, продолжал медведь.

Я только сейчас заметила, что высоко в ночном небе, среди мерцающих звезд парят два темных силуэта гаруд.

- Ева, ты тоже не спишь? услышала я сердцем мысли Леи.
- Что случилось, почему вы в небе среди ночи, спросила я гаруд, сердцем.
- Сегодня ночь невыносимо душная. Мы с Уром не сомкнули глаз. Юк и Лика всю ночь плакали. Мы их и водой обливали, и крыльями обмахивали; ничего не помогает. Решили подняться с ними в небо, думали, что здесь намного прохладнее. Но сегодня и здесь почти так же, как и на земле.
- Так вы с детишками? испугалась я. Вы не боитесь их уронить. Они же совсем еще крошечные.
- Успокойся, с ними все в порядке. Если бы ты знала, как им нравится в небе. Я никогда не думала, что моим деткам, свой первый полет придется совершить на родительских крыльях, да еще в ночном небе. Это, Ева, противоестественно для нас. Мы дети солнца, дети дня. Мы никогда не поднимались в ночное небо.

В словах Леи слышалась тревога. Эта тревога передалась и мне.

Я всматривалась в силуэты гаруд на звездном небосводе и представляла себе, как они трехпалыми ручками прижимают к своей груди маленькие, пушистые комочки. Мне стало страшно за эти маленькие жизни.

- Может быть, вы спуститесь, спросила я Лею. Может вы устали?
- Нет, мы не устали, но спуститься сейчас не сможем. Земля для нас с высоты, просто огромное темное пятно. Нам необходимо кружить до восхода солнца. Мы не подумали, не знали, что ночью, мы почти ничего не видим. Вот только руки мои немеют.

Я почувствовала боль, страдание в голосе Леи. Я ясно представила себе маленькие, не приспособленные для работы руки Леи и Ура.

Отче, этими ручками, можно только отмахиваться от насекомых или прикрывать глаза от солнца. Разве возможно ими долго удерживать детишек, хотя и маленьких.

Я посмотрела на небосвод. Звезды показывали, что еще только три четверти ночи, и до восхода еще долго.

- Ева, посоветуй, что нам делать. Наши руки...

Отче, я знаю, что сейчас скажет Лея. Я этого боялась больше всего. Отче, помоги нам, подскажи мне, как спасти деток гаруд. Что сделать, чтобы они не выронили их из своих объятий? Отче, помоги мне еще хоть разок подняться в небо. Помоги мне, долететь к гарудам. Отче, сейчас все только в твоих руках. Не оставь нас, Отче. Пусть, это будет самый последний полет в моей жизни.

Я замерла, я обратила свой взор в свою душу. Я почувствовала, как замерло мое дыхание, как остановилось сердце, как мощные давно забытые вибрации, запели в моих ушах, как все мое тело засветилось в темноте ночи. Я почувствовала, как Земля, помогая, оттолкнула меня. Как нити света, с небес потянули меня ввысь. Медленно, как пузырек воздуха оторвавшийся от речного дна, набирая скорость устремляется к поверхности воды, так и я, влекомая неведомой силой Твоей, Отче, поплыла к звездам в небесную высь. Я уже забыла, когда испытывала это ощущение неописуемой радости.

Для меня, Отче, нет большего счастья, чем свободное парение под облаками. Я ощутила, как вновь открылось дыхание, как спокойно забилось сердце. Я уловила сдавленный стон Леи: «Я сейчас уроню его, мои руки разжимаются».

- Держись еще несколько мгновений, Лея, я уже рядом, - шептало мое сердце. Но что я сделаю, как помогу им? В таком полете я не способна поднять даже пылинку, не то, что Лику или Юкка. Я всегда могла поднять в небо только свое тело, а в последнее время, уже не в силах сделать и это. Оно стало слишком тяжелым, слишком земным. Я не могла взять с собой в небо ни соломинку, ни самую короткую лиану, чтобы

привязать как-то детишек к родителям.

Оказавшись рядом с Леей, я увидела, что ее руки сцеплены друг с другом. Маленькие коготки впились в перепонки и оцепенели. В ее глазах застыл ужас безысходности. Чуть ниже парил Ур, страхуя падение детеныша.

- Лея, пожалуйста, спускайся осторожно над спиной Ура. Я сейчас сяду ему на спину и заберу из твоих рук Лику, - сказала я.

Но Лея не слышала меня, или ей казалось, что это сон, что такого не может быть, она знала, что я не могла подняться в небо и оказаться рядом с ней. Ее коготки еще сильней впились в оцепеневшие руки. Лика спала, прильнув к груди матери. Я прикоснулась к лицу Леи. «Лея, это я, Ева. Очнись, помоги спасти Лику, Отец услышал наши мольбы. Он поднял меня к вам», - шептала я.

Я повторила, что необходимо сделать нам, чтобы спасти деток. Я видела, что Лея по-прежнему не осознает, что все происходящее не сон. Ур слышал и видел происходящее и осознал, что все это реальность. Он описал круг, и я почувствовала, что мои ноги упираются в спину Ура.

- Это правда, это не сон? Лея, дай мне Лику. Я стою на спине Ура. Ну же, милая, отпусти ребенка, ты делаешь ему больно.

Лея узнала меня. Она хотела отдать Лику, но ее руки оцепенели, и она ничего не могла с ними сделать.

- Помоги, - она умоляюще смотрела в мои глаза.

Я с трудом расцепила ее холодные руки и они безжизненно повисли как две надломленные ветром веточки.

Пронзительные крики разорвали застывшую тишину ночи. Несколько черных теней, как черные молнии, пронеслись над нами и упали куда-то вниз, в темень. Лея почти прижалась ко мне, прикрывая нас с Ликой, своим телом. Черные молнии вновь взметнулись от черной земли, разрывая ночь, понеслись к нам.

- Отче, что это? Отче, защити нас, Отче, шептала я, прижимая к груди, маленький, трепещущий комочек жизни.
 - Ого го...го... Ого го, неслось по небу.
 - Отче, да это же Адам. Откуда он здесь? Он же давно разучился летать.
 - Не разучился, услышала я в сердце.

Черные молнии носились вокруг нас, окутывая нас аурой спасения, аурой дружбы, аурой надежды, любви. Глаза ящеров, как опустившиеся с высот звезды, вспыхивали то сверху, то снизу, то с боков. Это были спасительные огни летучих ящеров, динозавров. Адам называл их небесными демонами, стражами Земли от непрошенных, залетных гостей, которые иногда наведывались на Землю, с других

небесных тел. Это была команда натренированных Адамом, рукокрылых, хвосторуких ящеров, способных садиться на воду, на деревья.

Прекрасно ориентирующиеся в пространстве, как днем, так и ночью, не знающие страха и устали зверей. Любимая их пища: горькие и острые фрукты и овощи, орехи, злаки, но все такое, что обжигает рот, и от чего у нас с гарудами текли слезы. Адам пристрастился к их пище, и от него часто несет чесноком, луком, и еще какими-то вонючими травами.

Я всегда держалась от ящеров в стороне. Они казались мне грубыми и оголтело шумными. Сейчас я узнала их с другой стороны; способных пожертвовать собой в ночи, ради спасения попавших в беду.

Трепеща огромными, кожаными крыльями, два ящера зависли над нами. На одном из них сидел Адам.

- Лея, уходи в сторону, - командовал он. Сейчас мы заберем Еву и Лику, и вместе с тобой отправим на землю, а потом вернемся за Уром с Юком.

Лея послушно отлетела в сторону, уступая место повисшим над нами двум ящерам. Они плавно опустились пониже. Два длинных хвоста, как два горячих хобота крепко обвили меня за талию и предплечья, и я поплыла к земле, слегка раскачиваясь на их хвостах, как на качелях, прижимая к себе Лику. Я не ощущала никакого страха. Мне вспомнилось, как эти небесные гиганты катали на себе Адама. Как они подбрасывали его и ловили у самой земли, и какое это всей команде доставляло удовольствие и счастье.

Лея летела за нами. Ее подстраховывали по бокам два ящера. Они должны были помочь ей приземлиться в предрассветных сумерках. Внизу, выбрав полянку возле хижины, уже опустился один из ящеров и руководил приземлением. Наши спасители делали все разумно, без суеты. Лишь иногда раздавался в небе их пронзительный, режущий слух крик. Сегодня от них даже чесноком не пахло. Зато от запаха лимона у меня кружилась голова. Мы мягко опустились на покрытую росой траву. Я заметила, что глаза ящеров излучают свет. Когда мы садились, то два луча направленно осветили поляну, осматривая, нет ли на земле задремавшего насекомого или гада. И только убедившись, что мы никому не навредим, меня опустили на землю. Рядом ящеры помогли опуститься Лее. Она пыталась протянуть руки, чтобы забрать Лику, но они не повиновались.

- Лея, не переживай, с руками все будет нормально. Это от нервного потрясения. Я знаю, как помочь тебе. Главное, что с вами ничего не случилось. Смотри, вот и Ур с Юком, благополучно приземлились.

Ур бросился к Лее.

- Как ты, как Лика?
- Ничего, милые, мы вам поможем, все будет хорошо, успокоила я гаруд. Я не сомневаюсь, что все будет нормально. Пройдет усталость, и все нормализуется.

Ур спрятал руки под крылья.

- Вот ваш наследник, жив и здоров. Покорил небеса, еще не научившись махать крыльями, Адам протянул Юка Уру.
- Адам, отнеси, пожалуйста, ребенка в гнездо сам. От перенапряжения, у них временно парализованы руки, объяснила я.

Несколько ящеров поднялись в небо на встречу восходящему солнцу. Перестраиваясь не лету, они обменивались резкими командами, занимая каждый свое, установленное место, в небесном пространстве Земли. Адам смотрел в небо, как завороженный, любуясь своей воздушной командой.

- Как я их воспитал! Демоны, а не звери. Я для Земли, такую же умную команду готовлю. Скоро покажу тебе. Они в лесу: гориллы, мамонты, лошади. Все умеют делать: строить, носить. Хочу навести порядок на Земле. Сначала все придурялись, что им трудно, что никогда ничему не смогут научиться. Я объяснил, что каждый обязан свой хлеб заработать трудом, потом. Так нас учили в Эдеме. Дармовщина закончилась. Высасывать соки из Земли все научились. У всех хватает для этого ума и способностей. А закопать после себя кизяк, укрыть Землю травкой, кустиками, чтобы не спалило ее солнце, чтобы осталось что-то и детишкам — лень, - все глупые. Ничего, голодом поморю, водички не дам, сразу все поумнеют и попросят дать им срочно работу. Сколько сработал, столько и съел. Поработал; гуляй, занимайся любовью. Бездельников буду кастрировать.

Такую проповедь я услышала от мужа впервые.

Отче, да что он задумал? Во что превратится Земля? Во что он хочет превратить скотов и зверей?

- Адам, откуда такое слово, «кастрировать»? воспитывать голодом, я понимаю, не пускать гулять, понимаю. А вот что такое «кастрировать»? это что-то новое. Что оно у тебя означает, поинтересовалась я.
 - Сейчас я покажу, что это значит, объяснять долго.

Адам посмотрел в кусты и поманил кого-то пальцем.

- Да, ты. Из корневищ куста блеснули два красных как угольки глаза, и к нам покорно подполз толстый, как виноградная улитка, усатый крыс.
- Почему, ты такой печальный, спросила я у крыса. У тебя даже усы повисли. Может быть ты голодный.

Адам довольно рассмеялся.

- У него теперь не только усы повисли? У него теперь все повисло. Адам схватил крыса за хвост, и приподняв показал всем, кто был рядом с нами, окровавленные семенники крыса. Теперь он кастрат. Так будет со всеми, кто забыл, зачем он поселен на этой Земле, какие у него обязанности. Кто думает, что Земля создана только для него одного, Адам опустил крыса на землю.
- Иди и расскажи всем крысам, и не только крысам. Передай всем скотам и зверям и всем гадам, что плодиться будете только с моего разрешения. Если узнаю, что кто-то размножаться будет, как крысы; без всякого удержу. Как тебе, всем буду отрывать все; без предупреждения.

Вы все любуетесь Луной, вплетаете лотос в кудри, и не заметили, что каждый третий землянин – крыса. Что вся Земля изрыта глубокими норами. Вчера бегемот провалился в крысиные норы, а они с перепугу покусали ему ноги. Почти все коренья, злаки, орехи съедают только крысы. Вы видели, как они разожрались? Они только едят и спаривается. Мне ежи рассказали, что крысы выгоняют всех из их жилищ и селятся в них сами. Представляете, когда я позвал к себе крыс, и стал объяснять им, что так поступать я не позволяю, этот крыс выскочил вперед стаи и заверещал: « А ты кто такой?». Я оторвал ему яйца, и его сыновья сразу вспомнили, что я - Адам.

Я запретил им спариваться, без моего разрешения, три года.

Вы знаете, что на Земле каждому виду отведена своя зона обитания и свой вид пищи. Для того, чтобы все были сыты, и всем хватало места для расселения. Этот закон для Земли установил не я, но Отец мой, и мне завещано хранить его. Крысы нарушили все заветы. Им был отведен самый низкий уровень Земли, где растут предназначенные им корни, злаки и орехи. Для жилья им предназначены норы, которые они обязаны рыть сами, а не захватывать чужие.

Посмотрите, что делают они. Они захватили вершины деревьев, на которых растут фрукты, ягоды и орехи. Хотя это пища попугаев, ваша, уважаемые гаруды, пища летающих динозавров и ящеров. Крысы захватывают гнезда маленьких птиц. На Земле не хватает пропитания; все поедают только они, то что предназначено для них, и то что предназначено Создателем для других.

Недавно мне пожаловались выдры и рыбы и рассказали, что крысы собирают урожай и в реках, и на дне морском. На Земле должен быть один хозяин, один закон. Я отвечаю перед Создателем, с меня спросится. Значит и я обязан спрашивать с жестоких жестоко, с кротких – кротко. Закон существует для тех, кто его нарушает. Законы Земли придумал не я.

Вы посмотрите, как разожрались крысы. Скоро они уже будут больше собак. Они скоро и меня из хижины выкинут.

- Адам, может быть с ними надо сначала поговорить? Объяснить им, что другие земляне, так не поступают, что никто кроме крыс жилищ своих соседей не захватывает, что на Земле все должны жить по одному, установленному Отцом закону, что перед его законом все равны, - посоветовал Ур.

Адам криво ухмыльнулся, и посмотрел на Ура с жалостью, как смотрят на существо слабое, и потому доброе.

- Адам, но мы же не можем изгнать их в пустыню, где они будут влачить жалкое существование? Мы обязаны быть милостивыми и милосердными. Мы человеки. Мы должны заботиться обо всех, и в первую очередь о тех, кто еще не осознал, что он брат всем и все ему братья. Крысы просто не ведают, что они натворили. Давайте будем в этот раз к ним милосердными, - попросила я.

Я заметила, что мои советы, были последней каплей в чаше его терпения.

- Ева, почему, ты их прощаешь от имени тех, кого они обидели, обокрали, кого они лишили детей и здоровья. Тебя об этом просили крот, бегемот, белка... Пусть придут попросят те, кого они терроризировали. Пусть придут, попросят за крыс, и я знаю, что я с ними сделаю. Я их переселю вместе с крысами, если крысы их так ничему еще не научили.

Какие вы все добренькие и милосердные к вашим братишкам меньшим, зубастикам. Я высылаю их на остров, но не на пустынный и безводный, а на остров, покрытый гигантскими, жесткими и колючими баобабами. На этот остров не могут садиться даже птицы. Там царствуют только эти баобабы, похожие на мрачные скалы посреди моря, такие же беспощадные, под стать нашим крысам муравьи. Посмотрим, что даст нам одна жестокость против другой жестокости. Пусть крысы на своей шкуре испытают, что такое бесправие. Пищей для них сначала будут эти баобабы, а когда солнечные лучи смогут пробиваться сквозь их кроны, тогда земля покроется травой, цветами, злаками, ягодами и фруктовыми деревьями.

Обживайте, братья, этот остров, он ваш. Если же захотите, чтобы рядом с вами поселился еще кто-то, то станьте милостивыми и милосердными сами. Постарайтесь больше давать другим, чем забирать себе. По моим представлениям, это и есть милосердие. А милостивый – это тот, кто умеет помочь более слабому.

К тому, кто сильнее вас, вы не можете быть ни милостивыми, ни милосердными. Он просто не нуждаются ни в вашем милосердии, ни в вашей милостивости. Все что ему надо, он заберет у вас, даже не спрашивая вашего согласия.

Вы не добрые, вы безразличные. Вам противно лезть в норы, вам мерзко отрывать негодяям яйца. Пусть лучше все остается так, как было. Вы милосердные, вы милостивые не к тем, кто остался без пищи, не к тем, кто остался без крова, не к тем,

кто не может выкормить своих детей и потому не заводит их. Нет, вы милосердные к грабителям, к тем, кто угнетает слабых и кротких. Вон они в кустах затаились. Они сейчас расплачутся, услышав какие они непонятые, несчастные. Только вы их понимаете, вы им все разрешаете, ждете, когда они насытятся своим беззаконием.

Все, Ева, ты мне подала прекрасную мысль. Всех сильных и наглых, я сейчас же выселяю в места пустынные и отдаленные.

Кусты вокруг нас зашевелились, и оттуда раздались жалобные повизгивания крыс, молящих о пощаде, просящих простить их в самый последний раз.

- А вы, когда выкидывали яйца попугаев из гнезда, услышали их мольбы? А когда белку с двухдневными бельчатами засунули в свою вонючую нору и ободрали ее хвост себе на подстилку. Тогда вы всем сказали, что пусть жалуется хоть богам, хоть демонам, их никто никогда не услышит. «Боги далеко, а мы здесь», - издевались вы над всеми.

Я не бог, я не демон. Я Адам. А на Земле – это больше чем боги и демоны вместе взятые. Я знаю, что безнаказанность порождает вседозволенность. Но я не хочу вас наказывать. Я хочу восстановить справедливость. Я воздаю вам. Я хочу очистить от вашего присутствия обжитую и ухоженную часть Земли. На вашу грязную силу, я отвечу силой закона.

Чтобы к полудню, все крысы переселились на песчаный остров в море. Не жалуйтесь. Вы получили воздаяние за ваши деяния. Идите к морскому берегу, там отдыхают динозавры, скажете им, что я приказал переправить вас на остров.

И не попадайтесь мне на глаза.

Серая волна крыс, шурша длинными хвостами, обреченно покатилась к морскому берегу. Несколько летучих ящеров наблюдали за их исходом с неба, и если кто-то из стаи пытался скрыться в кустах, то их тут же настигал удар крыла, или острого и тяжелого, как камень клюва.

Скоты, звери и гады, столпившиеся возле нас смотрели на удалявшуюся серопепельную стаю с каким-то сожалением. Я читала в их глазах страх. Им казалось, что эта уползающая волна в любой момент может откатиться назад и утопить всех в своей безнаказанной жестокости, всех слабых и беззащитных. Никто не сдвинулся с места, никто не сказал им прощального, теплого слова.

- Так будет со всеми, кто забудет, что Земля – это наш общий дом, а мы все – это одна большая семья, в которой все обязаны быть милостивыми и милосердными, не к обессилевшим тиранам, а к малым и беззащитным.

Адам обвел всех спокойным взглядом, и обступившие нас, приблизились к нам еще ближе.

- Кошки, я заметил, что вы тоже любите только себя. Вы отлыниваете от всякой работы, хотя Отец сотворил вас с большой любовью; очень ловкими и сообразительными. Подумайте, и не жалуйтесь потом, что вас не предупреждали. Я вам поручаю осмотреть все норы, деревья, не затаились ли где крысы. Если пример крыс вас ничему не научит, то вам придется обживать остров вместе с ними.

Глава 29. Посланцы с неба предлагают Адаму покинуть Землю. Дарить бескорыстно свою любовь всему сущему - вот, чем мы подобны Тебе, Отче.

Посоветовавшись, мы с Адамом решили, что пока у Леи и Ура окрепнут руки, они поживут у нас, и мы за ними поухаживаем. От желающих помочь гарудам, не было отбоя. Толпа помощников двинулась к нашей хижине. Не успели мы пройти несколько шагов, как над нами небо вновь огласилось криками ящеров.

- Идите домой, - сказал Адам, и передал Юка, на руки белой обезьяне, которую все звали Луной, за спокойный характер и белую, как Луна шерсть.

Что сообщили ящеры Адаму, никто не знал. Адам вместе с ними изобрели только им понятный язык. Но по тревожным интонациям было ясно, что происходит что-то очень необычное.

- Адам, объясни, пожалуйста, что случилось, почему они так встревожены, спросила я.
- В последнее время, я и сам ничего не могу понять. Этот ночной полет гаруд, крысы. Почему они так быстро размножились и потеряли всякую совесть. Духота, какой я не помню, сколько мы живем на Земле. И вообще, какая-то нервозность, тревога, какое-то неприятное предчувствие. Вчера вечером, ящеры сообщили мне, что когда они поднялись очень высоко, где нет воздуха, и откуда Земля кажется огромной голубой тыквой, то заметили с противоположной стороны Земли не то маленькую Луну, не то большую звезду белого цвета, которая при их приближении исчезла, растворилась. Они долго кружились над тем местом ночью, но ничего больше не увидели. А сейчас на рассвете, обнаружили эту же Луну на том же месте, только очень низко над Землей. Полечу, посмотрю, что это там. Может быть это просто мираж, или блуждающая молния.

Адам ухватился за хвост подлетевшего динозавра, который легко закинул его к

себе на спину, и их отливающие на солнце серебром тела унеслись в небо.

Отче, какое необычное сегодня солнце. Мне кажется, что оно поднимается из кратера пылающего вулкана: покрыто пеплом, закутано в клубы черного дыма. Небо за солнцем, как раскаленная лава; горячее марево, мерцая и дрожа, жадно съедает небесную синеву, окрашивая все в цвет остывающего пепелища.

Отче, где Адам? Солнце остановилось, и никак не может вырваться из туч дыма. Всегда теплое и ласковое, благословляющее жизнь, всему созданному; сегодня оно сжигает небо, скручивая его, как сухой пальмовый лист. Деревья, трава, все живущее поникло, прижалось к замершей, притихшей Земле. Стало темно, как в поздние сумерки, и раннее утро превратилось в вечер. В небе, кое-где в вышине, неуверенно мерцая и дрожа, слабо засветились звезды. Вдруг яркий, необычный свет озарил поблекшее небо. Над нашей хижиной, вынырнув из черноты небес, повисла не то новая луна, не то огромная, морская медуза. Ее кружевные края сверкали тысячами переливающихся всполохов, невообразимо прекрасных радуг, всех непредставимых оттенков. Из центра медузы исходил зеленовато-голубой луч, озаряя землю спокойным светом. Медуза опустилась ниже и повисла над вершинами деревьев, наполняя пространство неземным ароматом цветов или фруктов. Мне показалось, что этот аромат исходит из луча озарившего Землю дневным светом. Наступила такая тишина, что я слышала, как пульсирует кровь, в замершей, у меня на руках Лике. Я невольно подняла глаза к мерцающим звездам и вздрогнула от удивления. Над медузой, в застывшей тишине, парили наши ящеры. На одном из них стоял Адам. Он напоминал мне огромного лучезарного ангела, летчщего на серебристом драконе, над бездной космоса. По его застывшей и устремленной позе я поняла, что он с кем-то беседует сердцем. Он разговаривает с существом, повисшим над нашей хижиной. «Он что-то объясняет», - подумала я. Ящер на котором стоял Адам заскользил вниз, и Адам спрыгнув, встал рядом со мной.

- Что это, Адам? спросила я.
- Сейчас узнаем, ответил он.

Луч от медузы, из зеленовато-голубого, превратился в розовато-белый, и пространство вокруг нас заполнилось миротворящими, белыми лучами света, исходящими от медузы.

По лучу, плавно спустилось крылатое существо, похожее на ангела, и опустилось в трех шагах от нас, в чаше лотоса.

Такого просветленного лица, Отче, я не видела даже у ангелов. Меня поразили, огромные, в половину лица, чистые глаза, переполненные любовью и покорной печалью. Это были глаза матери. Глаза, готовые пожертвовать собой, ради спасения

страдающего. Отче, только ты можешь создать такое подобие Свое, - с грустью подумала я. Почему мы, человеки, не такие?

- Мир вам, прошептало существо.
- И вам мир, поблагодарила я.

Еще шесть лучей упали из сияющей медузы, и еще в шести белых лотосах появилось шесть крылатых существ, похожих на первое, перед восхищенными нашими душами.

Мне, Отче, захотелось упасть на колени перед этими светозарными созданиями Твоими. Но вдруг, первое существо опустилось на колени, и поцеловав Землю, заговорило. Мне показалось, что это говорит само пространство, небо, звезды, Земля. Откуда исходила мысль, и чем я ее воспринимаю? Я улавливала смысл сразу и понимала и разумом и душой.

Все, что оно изъясняло, я одновременно видела, слышала, осознавала. Было такое ощущение, что я еще здесь на Земле, но уже всюду. Вся вселенная, как бы вошла в меня своими мыслями, я в самом ее центре или где-то над ней.

- Нет, так изъясняться с вами нет смысла. Вы нас не воспринимаете. Но как вы прекрасны, как доступны, как доверчивы, как отзывчив на любовь ваш дух. Наш разум не в силах познать вас, не в силах вместить и осознать. Вы не познаваемы и не предсказуемы, как не познаваем, Тот, Кто в душе Вашей, - произнесло существо.

Светозарное создание молитвенно сложило руки, и вновь поклонилось нам. Мне стало стыдно. Я протянула руку, чтобы прекратить это.

- Мы не достойны такого уважения. Мы еще ничего не успели сделать на нашей Земле, - виновато оправдывалась я.

Но существа не слышали моих слов и застыли в благоговейном поклоне.

- Встаньте и объясните, кто вы и зачем вы прибыли? Вы видите, что на Земле происходит. Мне сейчас не до церемоний и поклонений. Мне необходимо спасти как можно больше, тех, за кого я в ответе. Чем помочь вам? Возьмите, все, что вам необходимо в полете: воду, воздух, пищу, и быстро покиньте Землю. Прощайте, вы можете не успеть, и тогда останетесь на Земле навечно. Для Земли вы слишком слабы и не приспособлены. Погибните вместе с нами, произнес резко и все сразу Адам.
 - Мы посланы, чтобы забрать вас, сообщила первая «мать».
 - Кого вас и куда забрать? насторожился Адам.
- Нам поручено переселить человеков с Земли, на одну из планет солнечной системы, какая вам понравится, объяснила она.
 - А что будет с Землей, с братьями моими? жестко спросил Адам.
 - Они все уснут, а потом, когда-нибудь, воплотятся вновь, на другой планете, или

на Земле, когда наступит их эра, - объяснила одна из прилетевших.

- Нет, гордо ответил Адам. На этой Земле меня сотворили, здесь я познал любовь всего сущего. Здесь я дал всему имя, здесь Отец дал мне Еву. Здесь Отец дал мне знания, открыл глаза на мир свой. Здесь Отец заповедал мне плодиться и размножаться, и наполнять Землю миром. Я не отделим от Земли и от землян, как и они не отделимы от меня. Я разделю последний вдох с каждым, кто будет нуждаться во мне в свой последний миг. И Отец наш поможет мне в этом. Я не хочу ни вечности, ни бесконечности, если буду знать, что я предал, Того, ради которого создан.
- Адам, но это не разумно, с удивлением сказала «мать». Это решение Духовного Совета галактики. Оно не подлежит обсуждению. Его необходимо исполнять, с каким-то уважением объяснила она.

Я видела, что ее слова, ее убеждения на Адама производят совершенно противоположное действие.

- Я создан по образу и подобию Отца моего, - ответил Адам. Я не верю, что Он оставит меня в этот тяжкий час на Земле, без помощи тем, для которых я являюсь последней надеждой. Как я могу, спасая свою шкуру, сбежать вместе с вами, предать беззащитных. Как, я брошу хотя бы одного из тех, кто сейчас стоит за моей спиной, кто молит о помощи у моих ног. Я знаю, что поступаю верно, знаю, что Отец мой создал меня для такого испытания. И я исполню свой долг, как подобает его исполнить сыну Создателя. Если я сбегу, я перестану быть Его сыном, для себя, и для Него.

Пусть огонь пожрет меня первым, но Отец мой не разочаруется во мне. Если я ошибался, то ошибался не преднамеренно, но ради благих побуждений.

- Отец, пусть другие сыны Твои будут более достойны любви Твоей. Позволь, Отец, сделать мне свой последний выбор и разделить участь тех, с которыми Ты поселил меня на Земле, для которых, я являюсь последним звеном, связывающим их с Тобой. Момент, в который их покину я, станет моментом ужаса, моментом в который их покинул Ты. Оставь им, Отец, хотя бы надежду, -

Адам на миг сложил молитвенно руки, поднял чело к небу и замер при последнем слове.

Я неожиданно заметила, что он становится больше; растет. Вибрации его души стали мощными, гулкими. Его аура возвысилась над его телом на высоту трех его туловищ. Его душа вышла из тела и спокойно созерцала все окружающее ее. Только серебристая нить, тонкой паутинкой, соединяла ее с плотским телом.

Отче, я сотни раз задавала свой вопрос Учителю, дельфосам, Адаму, гарудам, всем, кто находился и находится рядом с нами в Эдеме и на Земле.

"Чем мы отличаемся от остальных существ, созданных Тобой, Отче? В чем мы

подобны Тебе? Я всегда наблюдала за душами всех существ в разных ситуациях. Этому нас обучал Учитель в Эдеме. Мы наблюдали за душами скотов, зверей, гадов... Адам наблюдал за моей душой, я за его. Да, мы знаем, Отче, что мы – это Ты, а Ты – это мы.

Но это слова. Мы мечтаем быть такими, как Ты. Мы просим, чтобы Ты дал нам свои силы, свою мудрость. Но этого наверно хотят все; и скоты и звери и пиявки, которые сосут соки из капусты. Отче, но чем мы истинно схожи с Тобой, подобны Тебе? За что Ты возлюбил нас? Почему возложил на нас свои надежды?

Об этом я молила всегда. Об этом взываю к Тебе, Отче, и в этот, может быть, самый последний миг жизни на этой Земле. Открой нам, Отче, укрепи нашу уверенность в правильности наших действий. Ты всемогущ, Тобой намечены и утверждены пути светил в вечности".

Я смотрела на душу Адама, и восхищалась, сравнивая ее с окружающими меня душами скотов, зверей, гадов и с душами крылатых существ, прилетевших к нам. Души всех существ были почти одинаковы. Они светились ровным беловато-голубым светом. Они как бы, прилеплены на своем определенном месте. Душа одного создания отличалась от души другого, только ритмом вибраций. Даже в этот трагический период их жизни, ни у одного из существ, душа не вышла из плотского тела. Менялись незначительно только свечение вибраций. У крылатых существ, ритм души был четким, спокойным, продуманным: наверно, на много лет вперед.

Сейчас, я узнала, что только у человека, всегда есть возможность самостоятельно выбирать свой путь.

Ты, Отче, никогда не сдерживаешь нас, не ограничиваешь, когда мы истинно стремимся быть подобными Тебе. Когда мы готовы пожертвовать своей плотью, своим благополучием для спасения слабых и беззащитных. В такие моменты Ты всегда с нами. Ты незримо становишься рядом, укрепляешь нашу веру, делаешь нашу душу и плоть в сотни раз разумнее, сильнее. Лишаешь нас страха, боли.

Всякое существо запрограммировано Тобой, на определенные действия, на всю его жизнь. Человеку, Ты предоставил возможность лепить, ваять, изменять себя самому, выбирать свой путь, творить свое будущее, изменять его в каждом новом воплощении; но всегда оставаться Сыном Твоим, Отче. Единственное, в чем мы не равны Тебе – это то, что, Ты, Отче, имеешь полную свободу во всем. Мы же, как дети Твои, имеем свободу относительную. Все другие создания Твои имеют свободу только наслаждаться и размножаться. Изменять себя и мир, в котором мы обитаем в данное время, вот чем мы подобны Тебе, Отче. Но мы не равны Тебе в возможностях. Мы, пока не готовы распорядиться теми свойствами, качествами и знаниями, которые Ты

готов предоставить нам. Мы можем не справиться с теми силами, которые мы просим подарить нам. Наши потребности, Отче, всегда будут ограничены в возможностях. Для того, чтобы мы сами изобретали, открывали для себя новые и новые возможности. В этом стремлении, мы незримо для себя изменяем окружающий нас мир, а мир изменяясь, вновь и вновь заставляет нас изменять себя. И так бесконечно.

В этом нет ни начала, ни середины, ни конца. Это и есть Бытие-Вечность. Это невозможно объяснить и изучить, как невозможно расчленить и изучить Солнце и его лучи. Это можно только любить, чувствовать, осознавать.

Отче, почему я не испытываю страха перед надвигающейся катастрофой? Почему, я совершенно спокойна? Как будто все происходящее меня совершенно не касается. Почему даже в эти тяжелые минуты, я веду с Тобой беседу, вместо того, чтобы думать о спасении плоти. Что это, Отче, полное непонимание происходящего, или может быть совершенная уверенность в том, что мы никак не способны повлиять на силы, которые нам не подвластны. Зачем пугаться неизбежного. Можно, наверно, бороться с самим собой. Бояться катастрофы, или бороться с ней — это равносильно тому, что я буду плевать на солнце, что бы оно не так жестоко палило.

Пусть, Отче, на все будет только Твоя воля. Как Ты наметил, пусть так и будет. Ты лучше нас знаешь, что нам полезно, а что нет. Я не могу молить Тебя о нашем спасении. Может быть, мы с Адамом уже исполнили все, что Тобой было намечено для нас в этой жизни, на этой Земле. Из Земли, Отче, сотворено Тобой, тело наше – в Землю оно и уйдет. Я, как и Адам хочу разделить участь братьев моих, с которыми, Отче. мы были счастливы на Земле.

Прошу Тебя, Отче, об одном; благослови меня и Адама, чтобы мы в следующей жизни были так же любимы Тобой, как Ты любил нас сейчас. Не забудь нас, Отче. Напоминай нам, о Себе. Чтобы мы всегда знали и помнили только Тебя, Отче. Прости нас всех, землян, что мы не успели воздать Тебе такой же любовью, какой Ты любил нас. Отче, в следующей жизни, мы сделаем все, чтобы радовать Тебя каждый час, каждый день. Прости нас, и прими нас, Отче. Мы готовы предстать пред Тобой.

Я открыла глаза и замерла. Существо похожее на медузу, покачиваясь медленно, как бы отталкиваясь световыми лучами от Земли, поднималось в небо.

Отче, они покидают нас, - с облегчением подумала я. И прекрасно, зачем им быть на Земле в такие тяжкие дни. Они выполнили свой долг. Они предложили нам свою помощь. Спасибо Тебе, Отче, за эти добрые создания. Спасибо за свободу выбора, которую Ты предоставил нам и в этот раз.

Ажурные края медузы трепетали, как крылья тысяч бабочек, пурпурными языками холодного пламени. Медуза стала превращаться в плоскую, похожую на диск Луны

чашу; только в сотни раз огромнее и ярче. Семь лучей, как ноги изящных птиц упирались в землю. Плоская чаша неожиданно остановилась и замерла на упругих лучах света.

Отче, я потеряла ориентацию во времени, я не могла понять, сколько длится наша встреча с крылатыми существами. Не могла понять, что сейчас день или сумерки. Все происходило, как в кошмарном, бесконечном сне, но я осознавала, что это не сон, а реальность – страшная непоправимая реальность - ее ужасное начало. Я была совершенно спокойна, меня не пугал ни мрак, окутавший Землю, ни жара. Я была уверена, что мы готовы к любому испытанию, каким бы трудным оно ни было. Я знала, что Ты, Отче, создал нас для жизни - не для погибели. И нам необходимо пройти не только через радости Эдема, не только через наслаждения, но и через муки. Мы готовы пройти через любые страдания на веру, выносливость, разумность, но не предать свою душу, не потерять Дух Твой, который есть Ты.

Наслаждаться могут все: деревья, насекомые, гады. Защищать свое потомство, свое жилище, способны многие насекомые, гады, звери и скоты. Но защищать всех: и скотов, и зверей, и насекомых и всю Землю с ее населением призваны Тобой, Отче, только мы, человеки. Мы за все и за всех пред Тобой в ответе. Ты поверил нам, Ты доверил нам оберегать, любить, обучать всему, чему обучены мы, всех любимых Тобой тварей. Как когда-то с любовью и терпением обучал Ты нас через преданных Тебе слуг.

Вот и сейчас; Ты даешь нам возможность уйти на другую планету. Если мы еще не созрели, не пригодны доказать, что мы действительно совершеннее скотов и зверей, если наш дух еще слаб и мы не готовы взять на себя ответственность за братьев наших не разумных и слабых.

Вдруг чаша вздрогнула. Ослепительный луч света вырвался из ее центра, и раскручиваясь спиралью устремился в высь, заливая поднебесье ярким дневным светом. В центре спирального луча возник величественный ангел, огромный, как столб огня из кратера вулкана. Мне показалось, что ему тесно под небосводом, что его голова сейчас закроет собой серое, поблекшее солнце. Его глаза были неподвижны, и я почему-то знала, что он ими ничего не видит. Губы ангела приоткрылись, и Земля и небо наполнилась бесстрастным, рокочущим, громовым эхом.

Отче, я осознавала, что его слышат и Земля и горы, и моря, и все сущее на земле и в воде, что слова его проникают во все имеющее душу, во все дышащее, вибрирующее. Во все, что пронизывает и проникает Твой свет и энергия Твоя, Отче. Но слышит его каждое создание Твое по-разному. Как каждое существо один и тот же цветок ромашки видит по-своему. Пчела видит в ромашке нектар, олень – пищу. Мы

восхищаемся формой, цветом и запахом, используем ее, как лекарство.

- Человеки, вы просите оставить вас на Земле, вы просите сохранить Землю и сущее на ней. Отец внял вашим мольбам. Вам позволено разделить участь Земли и поселенных на ней. Вам позволено испытать себя на зрелость духа. Вам отведено семь земных дней для принятия окончательного решения, готовить себя и всех кого вы решите спасти. В течение этих дней, вы в любой час можете покинуть Землю и забрать с собой три избранных вами существа. В эти сроки вам необходимо подготовить убежище для всех, кого вам удастся укрыть в чреве Земли вместе с собой. Комета не убьет Землю. Силы небесные уведут ее от Земли, но хвост кометы лизнет ее своим языком.

Через семь дней огненный вал опалит лик Земли, пожрет многие леса, реки и озера. Не позволил Отец, по вере вашей, по мольбам вашим, погубить Землю, но не только ради вас человеков, сохранил жизнь на Земле Отец наш. Тяжелые испытания постигнут вас, но вы сами избрали путь свой. Не раскайтесь, не ропщите, не ищите потом виновного в страданиях ваших. Вы сами решили испытать на зрелость дух свой. Одиночество станет вашим вечным спутником. Сомнения и страх будут разделять с вами ваши дни и ваши ночи. Голод, холод, зной станут изматывать вас, страданиями и муками насытится душа ваша с избытком.

Все это, сами избрали вы для укрепления духа и плоти вашей. Ибо только великие испытания созидают великие души, способные к великим проявлениям, к самосовершенству. Выйти победителем из самых тяжких испытаний – это и есть высшее счастье, высшая награда, высшее наслаждение. Если это испытание послужит путем к спасению, путем к пробуждению от тьмы к свету; но не торжеством гордыни.

Не забывайте, что в любой из семи дней, отпущенных вам, вы можете покинуть обреченную Землю.

Я только вестник. Другие придут и избавят вас от испытаний, если бремя неподъемно для вас. На эти дни вам послано семь сестер, которые поддержат и укрепят вас в ваших земных заботах. Любите их. Они ваши слуги на эти семь дней.

Ваша жизнь бесценна, ибо нить ее может прерваться в любой, самый драгоценный для вас миг, на самом взлете, на полувдохе, на полувыдохе. Слеза не успеет скатиться по вашей щеке, а душа ваша уже предстала пред Создателем. Храните вашу жизнь, вашу душу. Лелейте дух ваш, не расставайтесь с Отцом нашим, даже в глубоком сне.

Жизнь ангела однообразна, как однообразны приливы и отливы океана. Как однообразны восходы и заходы солнца над землей. У нас нет взлетов и падений. Нам не грозит воздаяние ни радостное, ни печальное. Только вы подобны Создателю

Глава 30. Мудрость и ее сестры. Грозный ангел. Последняя молитва и вечная Надежда.

Отче, я вспомнила, что самые любимые тобой – мудрые. Этих прекрасных, чистых слуг своих, Ты отдаешь нам их в помощники, когда больше всего нам необходима мудрость. Ты лучше нас знал, что нам необходимо в эти непонятные для нас дни. Отче, спасибо Тебе за любовь и мудрость Твою.

Я распростерла руки и сделала шаг навстречу крылатым сестрам. Их великолепные, наполненные спокойной любовью глаза, засияли, засветились, радостью, и они, как дети понеслись ко мне навстречу. Я с благоговением поцеловала каждую из них в прекрасные глаза. В ответ, сестры прижимались своим челом к центру моей груди. Мне показалось, что я знала и любила их всегда, что мы разлучились с ними ненадолго и вот встретились вновь в самое тяжелое для нас время.

Мудрость была среди сестер старшей. В ее огромных, грустных глазах я увидела себя, небо, ангела, как в чистом озере, где отражаясь, все становилось спокойным, обновленным, святым, чистым.

Мудрость улыбнулась и представила первую из своих сестер.

- Это Вера.

Предо мной явилось хрупкое, почти воздушное создание с пушистыми ресницами, прикрывавшими кроткие серые глаза.

- Надежда, ко мне приблизилось существо, уверенное в себе, со строгими карими глазами, устремленными в будущее.
- А вот наша Любовь, Мудрость взяла за руку существо с копной золотистых волос, над широко распахнутыми зеленоватыми глазами. Лик Любви поразил меня своей вдохновленностью, и счастливой улыбкой. Наша Любовь слепая, объяснила мне Мудрость с огорчением.

Мы служили на одной из планет, так же как и сейчас. Там тоже нуждались в нашей помощи.

Неожиданно, на нас обрушился метеоритный ливень с ослепительными молниями. Мы все благополучно успели укрыться в ближайшем гроте. Но одно из

существ, не успело добежать до спасительного убежища; упало совсем рядом с гротом и молило о спасении.

Наша Любовь всегда презирала опасности. Она самая смелая, самоотверженная, и иногда и просто безрассудная.

Ливень почти прекратился, но отдельные вспышки молний, еще рвали небо огненными взрывами, и Любовь бросилась на помощь взывающему.

В это мгновение вспышка света невероятной яркости озарила небо. Любовь успела схватить погибающего и втащить в грот. Но она не успела прикрыть свои глаза руками. Вы видите, наши глаза всегда открыты. Мы так устроены, нам не позволено моргать.

Сила света была настолько яркой и насыщенной, что наша Любовь ослепла. Но Создатель наделил ее другими, еще более достойными свойствами, чем ранее. Ныне, она слышит, как переговариваются между собой звезды, как поют свои гимны славы ангелы Отцу-Создателю. Она видит ныне глазами души. Она видит, как растет дитя в чреве матери, как вселяется душа в его тело. Вы еще узнаете, на что способна наша Любовь.

Мудрость провела рукой, по золотистым локонам сестры и прерывисто вздохнула.

- Вот еще наши сестрички. К нам приблизились три существа, таких же чистых, и лучезарных, как Вера, Надежда и Любовь.

Мудрость обняла за плечи сестер.

- Знакомьтесь: Терпилия, существо кротко опустило глаза. Милостивия и Милосердия: они близнецы, объяснила Мудрость.
 - Мы всегда вместе, мы неразлучны.

Сегодня Совет посылал к вам служить Надежду, но мы упросили не разлучать нас и в этот раз. - Вот мы с вами – все семеро, в вашем распоряжении, - радостно сообщила Вера.

- Начнем, Надежда посмотрела на Адама.
- Да, начнем, в зрачках Адама отразились пылающее небо, величественный Ангел и уверенная в своей победе, спокойная Надежда.
- У нас целых семь дней. За такой срок мы можем не только спасти все сущее на Земле, но создать семь подобных этой, планет.

Адам, мне кажется, что ты лучше меня знаешь свою Землю. Знаешь, где можно укрыться, спастись от огня, - уверенно сказала Надежда.

- Да, у нас есть огромные пещеры, в которых может укрыться половина обитателей Земли, подтвердил предположение Надежды, Адам.

Я только сейчас, Отче, заметила, что все пространство, озаряемое светом,

зависшей «Медузы», заполнено притихшими скотами, зверями, гадами. Казалось, что собрались они здесь со всей Земли. Но я знала, что это только малая доля тех, кто живет недалеко от нас. Сколько тех, которые находятся с противоположной стороны Земли, тех которые живут в морях океанах. Как быть с ними? Как спасти, как укрыть, как предупредить их?

Да, они уже и сами все видят. Отче, помоги успокоить, укрепить их в эти горькие для нас дни. Укороти, Отче, мою жизнь, но спаси их. Они же малые дети; чисты и беззащитны. Отче, как тяжко, что мы человеки, не всемогущи. Что мы бессильны оказать хотя бы малую помощь не себе, но тем, кто слабее нас, кто надеется на нас.

Пространство заполнялось все новыми и новыми созданиями Твоими, Отче. Я радовалась за Адама, что он такой уверенный и спокойный. Рядом с ним, как бы прикрывая его от надвигающихся невзгод, находилась Надежда; румяная, с пылающими глазами, которые говорили, что для нее нет непреодолимых преград, а время ее вечный союзник.

- Как мне вас называть? обратилась я к Мудрости.
- Сестры зовут меня Софией. Вы, Ева, тоже можете называть меня так.

Отче, мне всегда кажется, что сама я в этой жизни ничего полезного не делаю. Что другие совершают, что-то более важное, более полезное, а я просто присутствую, наблюдаю.

Вот и сейчас; Адам что-то пытается сделать, переживает.

София насторожилась, прислушиваясь к чему-то сердцем. Я тоже замерла. Мое тело уловило какие-то новые, необычные вибрации, исходящие от Земли. Из глубины пространства, одновременно с этими вибрациями, возник тоскливый гул, как далекое, печальное эхо.

Мудрость посмотрела на меня спокойными, грустными глазами, подошла совсем близко, и обняв теплым крылом позвала:

- Терпилия, сестра, подойди к нам, пожалуйста, объясни Еве, что это за звуки, и о чем они нас предупреждают.

Милостивия и Милосердия внешне отличались от других сестер. Они казались мне более уверенными, более рассудительными. По их спокойным движениям было видно, что происходящее на Земле их не удивляет, не пугает, и их задача состоит в том, чтобы успокоить наш разум, наши души. Попытаться удержать нас от не обдуманных решений.

Терпилия подошла ко мне совсем близко. Ее грустные, улыбающиеся глаза ласково проникли в мою душу, и я услышала спокойный твердый голос.

- Привыкайте к этому страшному гулу. Он будет нарастать и нарастать. Он будет

беспрерывным и беспрестанным. Он погубит, он покалечит слабых. Милостивия и Милосердия защитят вас, прикроют своим телом, но мы не всемогущи, наша плоть тоже смертна. Мужайтесь, с вами Вера, Надежда, Любовь. Не расставайтесь с Мудростью. Из всех нас бессмертна только Надежда. Она побуждает все сущее к новым воплощениям. Она устремляет нас к покорению новых высот, пробуждает к жизни Веру, открывает для всего сущего Любовь нашего Создателя. Побуждает нас всех быть подобными Ему.

Я всегда буду с вами. Только через терпение, через испытания, которые Адам называет наказанием, вы найдете путь к сердцу Софии, и тогда вы станете мудро терпеливыми. Любые самые сложные испытания только укрепят вас, и Мудрость станет вашей сестрой. Она окрылит вас и вы когда-то вознесетесь созревшими, мудролюбящими и благодарными к Отцу нашему.

Запаситесь моей силой.

Терпилия подняла руки к небесам и замерла на несколько мгновений. Нежные, яркие, как лепестки фиалки, всполохи энергии потекли, побежали с небес по ее тонким пальцам, пронизывая ее вздрагивающее от боли тело. Так продолжалось несколько мгновений, пока тело Терпилии не засветилось ярко фиолетовым сиянием хрусталя.

Адам с восхищением наблюдал за действиями Терпилии. Он подошел к ней, воздел руки и замер, ожидая потока энергии. Фиолетовые струи энергии вонзились в пальцы Адама. Его лицо исказилось от боли.

- Адам, терпи, привыкнешь, хотела крикнуть я. Но Адам уже опустил руки и усиленно дул на обожженные кончики пальцев.
- Надо привыкать медленно, наблюдать за другими. Бездумное терпение может испугать Веру в свои силы. Необходимо знать ради чего вы страдаете, жертвуете свои силы и любовь, с сочувствием посоветовала Терпилия. София поручила мне укрепить вас, и я с радостью и благодарностью научу вас быть самоотверженными и стойкими в любых испытаниях. Но вы всегда знайте и помните, что испытания укрепляют ваш дух, поднимают на новую высоту для новых испытаний. И когда вы побеждаете в испытаниях, Отец радуется за вас, ибо каждая новая вершина, каждая новая победа приближает вашу встречу с Ним.

Нет безрезультатных испытаний. Даже если оступятся ваши ноги, то душа ваша, которая видит свет истины, перенесет вас через пропасть, удержит над пропастью бытия и вы лишь ушибетесь, и приостановившись вознесетесь. Терпение и только терпение дает знание и осознание счастья и благодарность Отцу нашему за соучастие в бытии.

А сейчас, немножко потерпите. Терпилия прижала нас с Адамом к груди, закутала

в свои белые, прохладные крылья, и ее ладошки прикрыли наши головы.

- Если хотите помочь другим, если хотите быть любимы; терпите, - умоляюще шептала она.

Я ощутила ее руки своим теменем. Через них в наши тела устремилась фиалково-фиолетовая энергия, которую она черпала из поднебесья, с болью и страданием. Проходя через ее белые крылья она превращалась в сиренево- розоватый туман, который проникал все мое тело, а запах обволакивал душу и вновь поднимался в темя, уже совершенно бесцветный, как легкий пар над водой. Постепенно струи энергии становились более упругими, даже жесткими. Их цвет из сиреневого превратился в темно-фиолетовый. Каждая клетка ощутила резкую пронзительную боль. Душа наполнилась невыносимой тоской, отчаянием; безысходность сковала разум, чувства. Мне захотелось вырваться куда-то, убежать, спрятаться, броситься в пропасть, исчезнуть навсегда, только бы избавиться от раздавивших меня ощущений. Я слышала, как рядом стонало и трепетало тело Адама.

- Отче, как тяжело ему. Укрепи его, Отче, взывала я.
- Терпите, потерпите еще миг, потерпите, умоляла Терпилия.

Я ощущала, как горячие ее слезы капали на наши головы.

- Я буду терпеть, ты же терпишь ради нас, - простонала я.

Адам что-то мычал и пытался вырваться. Мне казалось, что сейчас он сломает ее нежные крылья. Терпилия молчала, но ее крылья еще крепче прижимали нас к своей груди.

- Потерпите, и вы спасетесь. Вы сами станете спасителями, - стонала она.

Я почувствовала, как ее крылья безнадежно повисли. Голова моя приятно кружилась, по телу разливалось упругая сила. Мне казалось, что я смогу вытерпеть любую боль, холод. И необыкновенная уверенность в своей выносливости, заполнила мою душу. Я с благодарностью посмотрела на Терпимию и замерла. По ее щеке скатывалась алая слеза, другая, такая же капля, задержалась на дрожащих ресницах. Лицо ее светилось радостью.

- Я исполнила свой долг, - счастливо сказала она. Я показала вам, как побороть себя. Теперь вы получили мою силу. Вы знаете, как победить себя; терпение, терпение. Я открыла ваши энергетические центры, через которые вы будете черпать, и хранить энергию космоса. Знайте, что испытания укрепляют дух ваш. Привыкайте бороться достойно. На испытания смотрите, как на награду; ибо Отец наш не испытывает хилых и слабодушных. Только терпеливые становятся мудрыми, и нет у Отца награды выше, мудрости. Только мудрость сделает вас благодарными и счастливыми; где бы вы ни были, и каким бы испытаниям вы не подвергались. Я всегда

счастлива, послужить мудрым.

- Спасибо тебе, моя маленькая. Ты такая хрупкая, как цветок орхидеи, но сил у тебя как у мамонта. От тебя и я стал мощнее, - Адам погладил ослабевшее крыло Терпилии. Прости, что я причинил тебе боль, когда вырывался. Но теперь я знаю, что если побороть невыносимую боль: перетерпеть, то потом становится очень приятно душе, и всему телу. Теперь я узнал, почему тебя так назвали. Ты самая терпеливая из всех кого я видел. Если бы не ты, то мы никогда не научились бы побеждать в испытаниях. Я уверен, что если ты, такая хрупкая, можешь все вынести, то я могу стерпеть и больше. Я - Адам. Я, и не такое выдержу. Я буду учить себя и друзей, как стать выносливым и непобедимым никакими болями и испытаниями.

Терпилия посмотрела на Адама с благодарностью и уважением.

- Спасибо вам, что вы согласились помочь себе. Храните друг друга, поддерживайте друг друга в тяжкие минуты, а я всегда буду рядом. Только позовите, - поклонилась нам она.

Все это время София наблюдала за нами, находясь не вдалеке. При последних словах Терпилии она возникла между мной и Адамом.

- Послушайте меня, - тихо произнесла она. - Через некоторое время я и мои сестры станем для вас невидимы; как и прежде, для того чтобы не мешать вам быть самостоятельными. Мы вас обучим, но делать все вы обязаны сами. Ни Отец, ни ангелы, ни боги за вас трудиться не будут. Мы вас не покидаем, мы рядом с вами, но теперь мы для вас только мысли, только духи, только память души. Когда вам станет невыносимо трудно, когда вам покажется, что вы погибаете, обнимитесь, объедините свои силы, свою любовь, станьте единой плотью, как завещал вам Отец: войдите в свою душу. Там вы увидите своего Создателя, и вспомните, что вы есть Он, а Он есть вы. Но это может открыться только в самый тяжкий миг, и на это будет только воля Отца, но не ваша. Никогда не пытайтесь заглянуть в будущее - предугадать планы Отца-Создателя своего — это равносильно хищению.

Но это потом, а что вы намерены делать сейчас? - обратилась Мудрость к Адаму.

- У нас есть несколько глубоких пещер, в которых мы укроем скотов и зверей. Мы запасли там много трав, злаков, фруктов и овощей. Этих запасов должно хватить надолго.
 - Это хорошо, что вы позаботились заранее о своих близких, сказала София.

Ящеры парили совсем низко над землей с широко раскрытыми клювами, и все чаще ныряли в озеро. А некоторые уже не могли подниматься в небо. Заметив это, Адам подозвал опустившегося ящера, и что-то строго спросил. Потом потрогал его крыло и обратился ко мне.

- Ева, помоги ему.

Ящер подошел ко мне. Его крыло напоминало мне пересохший на солнце, лист пальмы.

- Там в небе очень жарко. Небо сжигает наши крылья, они ломаются, - смутился ящер. Я погладила его маленькую, птичью голову.

Отче, как они терпят? Его крыло во многих местах кровоточило, и было покрыто волдырями от ожогов. София подозвала к нам Милостивию и Милосердию.

- Настал и ваш черед, - сказала она им. Вы боялись, что никому не нужны на Земле. Помогите, подскажите Еве, как облегчить страдания этому мужественному существу. Без вас ей не обойтись. Мне кажется, что события разворачиваются быстрее, чем мы предполагали, - с тревогой обратилась она ко всем нам. Время для спасения жизни на Земле катастрофически сокращается. Необходимо как-то снизить температуру атмосферы над Землей, иначе она может вспыхнуть раньше, чем мы успеем укрыть от огня все живое, в водах и недрах Земли.

Мысли произнесенные Мудростью подействовали на «медузу», как приказ к действию. Ее изящные ноги-лучи упруго подбросили сверкающее тело высоко в небо, и она зависла над землей подобно Луне, заполняя пространство холодным зеленоватым светом. На землю полился запах грозы, листья и трава встрепенулись, воздух наполнился утренней прохладой.

Отче, как прекрасна жизнь, когда можно вздохнуть полной грудью, когда солнце не приносит страданий, когда в окружающем нас мире гармония.

- Самые крупные динозавры войдут в пещеры первыми, займут дальние коридоры. За ними пойдут слоны, мамонты, и все кто поменьше ростом, для того чтобы при обратном выходе не закрыть случайно собой проход. Всем подчиняться командам летающих ящеров, - приказал Адам.

Огромные динозавры, озаряемые зеленым холодным светом, тяжело переваливаясь на своих огромных, как стволы деревьев, ногах спокойно направились к приготовленной ими же самими пещере. Детеныши обезьян, медведей и других зверей, заскакивали к ним на спины и могучие хвосты, для того чтобы прокатиться, может быть в последний раз. Динозавры, привычные к таким проделкам зверенышей, только довольно сопели, пытаясь на ходу лизнуть кого-нибудь из сидящих на спине, продолжая спокойно свой путь к пещерам.

- И большие динозавры еще дети, - грустно улыбнулся Адам, наблюдающий за переселением, а маленькие и совсем ребенки, - вздохнул он. Только ящеры все понимают, только на них можно положиться, остальные совсем беззащитные.

Дни заселения пещер, показались мне вечностью. Скоты, звери, гады, шли,

ползли, прыгали, летели. Не было паники, не было рыданий. Все как будто понимали, что с неизбежностью бесполезно бороться, ее надо осознать, принять достойно. Но все это было похоже на тяжкий бесконечный сон. Свет медузы с каждым часом угасал. Пространство вновь заполнялось невыносимой жарой. Небо вздрагивало от кроваворубиновых молний. Гроза гремела, не умолкая то усиливаясь, то перерастая в беспрерывный гул. Терпилия подбегала то к одному, то к другому обессилевшему животному. Кто не мог передвигаться сам, тех подхватывали Милостивия и Милосердия. Скоты, звери, заботились друг о друге, часто не замечая своих собственных ран; зализывали раны братьев. Мы с Софией старались поспеть всюду, помочь, подсказать. София постоянно держала связь сердцем с Верой и Надеждой, просила их не покидать ни на миг Адама. Ему сейчас тяжелее всех, - постоянно напоминала она им.

Земля под нашими ногами уже не вибрировала, не дрожала, а стонала. Казалось, что сейчас она расколется, как пересохший на солнце пенек. Медуза угасала; мерцая, как последняя утопающая в море звезда.

Последние скоты и звери торопились в спасительные пещеры. Небо закрыла черная мгла, как в самую непроглядную ночь. Земля покачнулась под ногами и куда-то провалилась. На миг я ощутила состояние невесомости, как будто меня сорвало с высокого обрыва, и я полетела.

От черного неба отделился величественный ангел, и защищая нас от катившегося по земле огненного вала, заслонил своими могучими крыльями. Меня как будто, кто-то понес на руках к ближайшей пещере. По земле катились огромные камни, вырванные с корнем, охваченные пламенем деревья. Небо вспыхнуло, и я увидела спокойное чело черного ангела, его сверкающие, бесстрашные глаза. Он легонько подтолкнул меня крылом в спину, и я почти влетела под свод пещеры. Обернувшись назад, я увидела несущегося за моей спиной Адама. Перепрыгивая через валуны, деревья, трещины в земле, к своей груди он прижимал какое-то маленькое, серое существо.

Кусок скалы вихрем сорвало с вершины, и он летел прямо на Адама. Я замерла. Черный ангел мгновением мысли, распластал свои крылья перед Адамом. Валун замер, и гулко ударившись о грудь ангела, подлетев вверх, упал за спиной Адама. Падая, ангел успел подтолкнуть Адама в спину, и он влетел в пещеру вслед за мной. Гул обрушился на землю. Какая-то невероятная сила сорвала и понесла нас в бездну космоса вместе с Землей. Вход в пещеру завалился огромными валунами. Не стало слышно гула. Мы куда-то падали вместе с Землей, вместе с пещерой, влекомые неодолимой силой.

- Отче, Отче, Отче, - взывала моя душа. Я почувствовала, как горячие руки Адама

прижали меня к своей груди.

Отче, спасибо Тебе, что Ты соединил нас в эти последние мгновения.

Мы обнялись еще крепче, стараясь стать единым, неразделимым телом, единой душой. Земля гудела, трещала, стонала. Ее сдавливала неведомая сила. Было слышно, как со свода пещеры срываются камни и падают на ее дно.

- Отче, пусть все случится быстрее, - молила я. Адам молчал, и только сильнее его руки сжимали мое тело, стараясь, хоть как-то защитить меня. В моей душе все закружилось, смешалось. Я почувствовала, как душа оставила мое тело и обнявшись с душой Адама, мы вместе понеслись по лучу света. Меня охватил восторг пронзительного полета, Отче, я знала, что этот полет только к Тебе. Я ждала его каждый миг жизни на Земле. Я осознала, что лечу не в космосе, не в пространстве. Я осознала, что я не тело, я - пространство. Я лечу в своей душе. Что свет исходит из меня и отражается в пространстве, в Адаме. Я увидела, что Адам тоже светится, что в центре его души, Отче. Твои глаза улыбнулись мне, я увидела, как Ты заполняешь Собой, все пространство, каждую клеточку, как я вместе с Тобой, светом любви, разливаюсь по всему космосу, и куда-то дальше за его пределы...

Отче, я, наверное, никогда не увижу Тебя со стороны, как Адама, как Лею или Дельфосов, как никогда не увижу отдельно со стороны свою душу.

Мне хотелось раствориться, слиться с окружающим и наполняющим меня светом, стать одним единым с Тобой, неотделимым и не различимым от Тебя, Отче.

Эпилог.

Все замерло. Был только свет. Не было границ, не было слов и понятий, какими можно было бы выразить мое состояние Бытия. Я не могла осознать продолжительность этого счастья. Был ли это миг или это длилось вечность. Но это было то, ради чего стоило испытать любой страх, любые муки. Я познала в этот миг, что я есть, была и буду вечно. Но я с радостью осознала, что такое Счастье, Бытие не может длиться, иметь продолжение.

Это проблеск. Это только озарение. Это только вспышка в вечности. Это миг осознания. Это озарение и есть Ты, Отче. Это и есть миг истины.

И никакая сила, никакая душа, не в силах вынести этот восторг встречи с Тобой более доли мгновения. Но память души об этой встрече, заставляет нас устремляться

к Тебе, искать Тебя вновь и вновь, заставляет одухотворять плоть свою. Нам необходимо, нам хочется прикоснуться к Тебе не только духом, душой, но и плотью.

Все, что от Тебя - то всегда хочет быть с Тобой. Быть Тобой, быть под Твоей защитой.

Мне хотелось, Отче, спрятаться, потеряться в Тебе. Чтобы Ты меня не заметил, а я жила в Тебе вечно. Но голос пространства напомнил мне, что я видима для Тебя всегда и всюду. И этот голос с любовью и нежностью благословил: «Трудитесь с надеждой, ради любви моей. Укрепляйте душу свою. Я всегда с вами, когда вы взываете ко Мне, и даже когда вы бежите от Меня. Земля ждет вас. Ваша работа на Земле только начинается. Ваше задание – не навреди».

Тьма и тишина, тишина и тьма. Первозданная тьма и первозданная тишина.

- Отче, где Ты? Ответь мне, Отче. Мне жутко. Я не хочу остаться одна в этой тьме в этой кромешной тишине. Где я, Отче? - стонала моя душа.

И как бы, из мой души, отвечая на мои призывы, зародился еле уловимый звук, или свет. Как будто я создала его своей мольбой в своей душе. Что-то завибрировало, замерцало в пространстве тьмы и тишины. Я осознала, что я есмь, что я бытие, что я пространство, что я когда-то; уже была, если я есмь, здесь и сейчас. Но что было до того, как я появилась здесь?

Из моей вибрации возникла мелодия, похожая на пение ангелов в Эдеме, и я полетела по волнам пространства. Я затаилась, я почувствовала, что сейчас что-то должно произойти.

И вдруг, я увидела, как во мне, в невидимой мной моей душе, встрепенулась, блеснула крохотная паутинка света. Я увидела ее своей душой. Я осознала, что это дух Твой, Отче, что это Ты во мне. Я заплакала от восторга, от благодарности, что Ты, Отче, осознался мной, во мне. Что Ты никогда не расставался со мной, что Ты проявился светом для меня в этой материнской тьме. Ты просто дал мне возможность отдохнуть от плоти, набраться сил перед новым уроком вечности.

Пульсирующая паутинка света наполнила тьму, теплом; искоркой заскользила, завибрировала в пространстве, как маленький паучок, испускала из себя нити света, которые заполыхали голубыми, зелеными всполохами сияния. Залили пространство, невыразимо прекрасной мелодией жизни. Твой дух, который есть Я, понес меня в новую эпоху Бытия.

Я лежала с закрытыми глазами, пытаясь осознать, кто я, где я, хотела приостановить время, зацепиться разумом, сознанием за пространство. Но поток по—

прежнему, нес меня все спокойнее и спокойнее. Я покачнулась в пространстве и замерла. Что было вчера, почему такая тишина, где я? Я затаилась и прислушалась. Где-то гулко упала капля. Почему так громко? Это же просто капля. Я боялась открывать глаза. Что-то удерживало меня. Я боялась вспомнить, что произошло. Я страшилась продолжения Бытия, продолжения новых испытаний.

«Я боюсь, Отче», - молилась я. Но кто это сделает кроме нас с Адамом. Ты нас создал, и мы обязаны исполнить свою работу, как бы это ни было трудно, как можно совершеннее, как можно с большей ответственностью. Твоя воля, Отче, пусть будет в каждой нашей вибрации, в каждом нашем вдохе и выдохе. Не оставь нас, Отче.

Мои глаза открылись. Мне показалось, что я вновь в Эдеме, что это вновь мое рождение. Только тогда я увидела счастливые глаза Твои, Отче, и удивленные глаза ангелов. Сейчас предо мной были грустные и напряженные глаза Дельфоса...

Отче, спасибо Тебе, что меня встретили эти кроткие, чистые существа. За спиной старшего Дельфоса Атмы, мне улыбнулись глаза Люки и Эвы. Я ощутила, как их любовь полилась в мою душу, как она наполняет, проникает в каждый мой атом. Мне хотелось ответить им тем же, но я осознала, что сейчас я, как крохотное, беззащитное зернышко, могу быть только согретым. Только Твоя любовь и ласка могут спасти меня, Отче.

«Я люблю вас, я рада вас видеть», - хотелось сказать мне, но тело мое мне не повиновалось.

- Мы все знаем, мы любим вас, ответили мне глаза Эвы.
- Мы бесконечно рады, что ты узнала нас, обрадовалась Люка.

Я плохо ощущала свое тело. Оно было каким-то чужим, не привычным, тяжелым.

«Что со мной произошло, где Адам? Почему я не могу пошевелиться? Мне тяжело даже моргать», - шептала моя душа.

Атма по-прежнему наблюдал за мной с напряженной тревогой.

- Ева, успокойся, мы тебе все объясним, - сказал он сердцем.

Завершение песни первой. Душа вдохновенная.

Оглавление

Глава 1. Мольба Евы к Отцу-Создателю2
Глава 2. Отец не изгнал, а благословил, отпустил - дал свободу5
Глава 3. Попытка Евы побывать в Эдеме9
Глава 4. Заповеди Учителя для Адама и Евы13
Глава 5. В награду за труд Ева получает плоды с Древа Познания18
Глава 6. Наблюдения Евы за душой Адама в Эдеме21
Глава 7. Адам и Ева обрастают плотским телом и перестают понимать
друг друга24
Глава 8. Почему на Древе вечной жизни нет плодов, а только цветы?.26
Глава 9. Да будут святы жены, святыми родятся и дети наши31
Глава 10. Адам и Ева страшатся покидать пределы Эдема36
Глава 11. Кто такие дельфосы? Полеты Адама и Евы на Гарудах.
Наставления Учителя41
Глава 12. Дельфосы предупреждают Адама и Еву о возможной
катастрофе на Земле55
Глава 13. Адам и Ева погружаются в транс. Виденья Евы65
Глава 14. Сынами Создателя не рождаются - ими становятся. Отче
пусть будет на все только Твоя воля70
Глава 15. Ева вновь посещает Рай в Эдеме. Ева раскаивается о шутке
над ангелами74
Глава 16. Адам показывает Еве, чему научился в медитации. Ева
пытается медитировать с Адамом83
Глава 17. Дети кобылицы Лоты называют Еву мамой. Дельфос Атма
побуждает Еву любить все сотворенное92
Глава 18. Через Адама в душу Евы входит Отец-Создатель. Любить
Тебя, знать, советоваться с Тобой - это бесценный дар Твой нам, Отче101
Глава 19. Адам и Ева удивлены, откуда у Лоты дети, и почему они
похожи на Адама? Отец-Создатель Чист и все сотворенное Им чисто,
только грязный человек разделяет сотворенное Отцом на "грязное" и
чистор 110

Глава 20. По облику подобен Создателю, по возможностям подобен
червяку Не пострадав, не станешь сострадательным. Научись
повиноваться и ты118
Глава 21. Сынами Создателя не рождаются, ими становятся. Ангелы
прекрасны поступками и обликом. "Не навреди"127
Глава 22. Ты вошел в меня, Отче, Твой дух поселился под моим
сердцем. Беседа с Кентом143
Глава 23. Кент уходит, чтобы познать мир и стать Сыном Создателя.
Стань мудрым и ты станешь Сыном148
Глава 24. О мудрости. Мудрец всегда в гармонии с Создателем и Его
творениями. О плоти159
Глава 25. Ева исцеляет "минота". Девы-русалки - как в Эдеме166
Глава 26. Молитва - полет души к Отцу. Медитация - полет фантазий
разума. Свобода - это возможность познавать себя175
Глава 27. Неприятные предчувствия Евы. Нет во Вселенной у человека
врагов, как только сам человек187
Глава 28. Ева поднимается в ночное небо. Спасение детей гаруд.
Изгнание крыс193
Глава 29. Посланцы с неба предлагают Адаму покинуть Землю. Дарить
бескорыстно свою любовь всему сущему - вот, чем мы подобны Тебе,
Отче201
Глава 30. Мудрость и ее сестры. Грозный ангел. Последняя молитва и
вечная Надежда209
Эпилог217